

Л. Первин, О. Джон

Психология личности: Теория и исследования/Пер, с англ. М. С. Жам-кочьян под ред. В. С. Магуна — М.: Аспект Пресс, 2001.— 607 с.

ISBN 5-7567-0237-7

Один из лучших в мире учебников по психологии личности, полно отражающий ее классические и новейшие достижения. Авторы — ведущие американские ученые. Перевод сделан с седьмого издания, вышедшего в США в 1997 году.

Книга написана с заботой о читателе, глубокое содержание сочетается в ней с ясностью и доступностью изложения. Серьезное внимание уделяется практическим приложениям психологии личности, в том числе теории и практике психотерапии. Благодаря этой книге российский читатель получает доступ к колоссальным теоретическим, фактическим и прикладным ресурсам, накопленным мировой психологией личности.

Для студентов-психологов, преподавателей, исследователей, практических психологов и психотерапевтов.

УДК 159.9

ББК 88.5

Copyright © 1970, 1975, 1980, 1984, 1989, 1993, 1997, by John Wiley & Sons, Inc. All rights reserved. Authorized translation from the English language edition published by John Wiley & Sons, Inc.

На переплете фрагмент картины П. Филонова «Симфония Шостаковича» © Государственная Третьяковская галерея, 2000.

© Издание на русском языке

«Аспект Пресс», 2000, 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора и переводчика	
к русскому изданию	17
Предисловие авторов к русскому изданию	27
Предисловие авторов к седьмому изданию	29

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ: ОТ ОБЫДЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ	
К СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ПОСТРОЕНИЯМ.....	33
Зачем нужно изучать личность?	35
Поиск определения личности.....	35
Теория личности как ответ на вопросы «что?», «как?»	
и «почему?».....	37
Структура.....	38
Процесс	39
Рост и развитие.....	41
Генетические детерминанты	41
Средовые детерминанты	42
<i>Культура. Социальный класс. Семья. Сверстники</i>	
Соотношение между генетическими и средовыми	
детерминантами	45
Психопатология и изменение поведения.....	46
Резюме	46
Важнейшие проблемы теории личности	47
Философское представление о человеке.....	47
Внешние и внутренние детерминанты поведения	47
Согласованность поведения во времени и в разных ситуациях	49
Единство поведения и понятие Я (self).....	50
Многообразные состояния сознания и понятие бессознательного.....	51
Взаимоотношения между познанием, аффектом и внешним поведением	51
Влияние на поведение прошлого, настоящего и будущего	52
Резюме	53
Оценка теорий	53
Широта охвата	54
Экономность	55
Релевантность теории по отношению к эмпирическим исследованиям	56
Резюме	56
Теория личности и исследования личности	57
Основные понятия	57
Основные положения.....	58

ГЛАВА 2

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ..... 60

Данные, которыми оперирует психология личности	61
Цели исследования: надежность, валидность, профессиональная этика	65
Надежность	65
Валидность	66
Этика исследования и влияние науки на организационные и политические решения	67
Три основных подхода к эмпирическому исследованию	69
Изучение отдельных случаев и клиническое исследование	69
Реакции на стресс военных сражений	70
Лабораторные исследования и эксперимент	71
Выученная беспомощность	72
Личностные вопросники и корреляционные исследования	75
Внешний и внутренний локусы контроля (интернальность— экстернальность)	75
Причинные (каузальные) атрибуции: стиль объяснения	77
<i>Вопросник атрибутивного стиля (ASQ). Объяснительный стиль</i>	
Сравнительная оценка альтернативных подходов к исследованию	83
Изучение отдельных случаев и клиническое исследование: достоинства и недостатки	83
Использование словесных отчетов	84
Лабораторные, экспериментальные исследования: достоинства и недостатки	86
Корреляционные исследования и вопросники: достоинства и недостатки	88
Итоговая оценка достоинств и недостатков	89
Теория личности и эмпирические исследования личности	90
Диагностика личности и случай Джима	92
Автобиографический очерк	93
Основные понятия	93
Основные положения	95

ГЛАВА 3

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ ФРЕЙДА 98

Зигмунд Фрейд (1856—1939): представляем автора теории	99
Взгляды Фрейда на человека и общество	102
Взгляды Фрейда на науку, теорию и эмпирические исследования	105
Психоанализ: теория личности	106
Структура	106
Понятие бессознательного	106
Уровни осознания	106
<i>Мотивированное бессознательное. Релевантные психоаналитические исследования. Современный статус понятия бессознательного</i>	
Оно, Я и Сверх-Я	114

Процесс	119
Инстинкты жизни и смерти.....	119
Динамика функционирования	119
Тревога и защитные механизмы	120
Рост и развитие.....	130
Развитие процессов мышления	130
Развитие инстинктов.....	131
<i>Стадии развития. Психосоциальные стадии развития, по Эриксону</i>	
Важность раннего опыта.....	137
Основные понятия	140
Основные положения	143

ГЛАВА 4

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И ОЦЕНКА ТЕОРИИ ФРЕЙДА	145
Клиническое применение	146
Психодиагностика: проективные тесты.....	147
Тест чернильных пятен Роршаха	148
Тест тематической апперцепции (ТАТ)	150
Пример применения проективных тестов в научном исследовании и оценка их возможностей.....	152
Психопатология.....	154
Типы личности	154
<i>Оральная личность. Анальная личность. Фаллический характер</i>	
Конфликт и защита.....	157
Изменение поведения	159
Проникновение в бессознательное: свободные ассоциации и толкование сновидений.....	160
Терапевтический процесс: перенос.....	161
Анализ конкретного случая: Маленький Ганс	163
Описание проблемы пациента	163
События, приведшие к развитию фобии	163
Интерпретация симптома	164
Разрешение Эдипова конфликта	166
Итоговая оценка	167
Случай Джима.....	168
Роршах и ТАТ: психоаналитическая теория.....	168
Комментарий к данным проективных тестов.....	171
Реакция Джима на проективные тесты.....	171
Проективные тесты и психоаналитическая теория	172
Родственные точки зрения и современное развитие теории.....	173
Два первых вызова Фрейду	173
Альфред Адлер (1870-1937)	173
Карл Г. Юнг (1875-1961).....	175
Культурные и межличностные акценты	176
Карен Хорни (1885-1952).....	177
Гарри Стэк Салливан (1892-1949).....	178

Новейшие направления в рамках традиционной психоаналитической теории	179
Теория объектных отношений	180
<i>Нарциссизм и нарциссическая личность</i>	
Теория привязанности и личные взаимоотношения взрослых	182
Критическая оценка	187
Основные заслуги психоанализа	187
Недостатки теории	188
Научный статус психоаналитической теории	188
Психоаналитическое представление о человеке	190
Итоговая оценка	191
Основные понятия	192
Основные положения	193

ГЛАВА 5

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ЦЕНТРИРОВАННАЯ НА ЧЕЛОВЕКЕ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ, РАЗРАБОТАННАЯ КАРЛОМ РОДЖЕРСОМ..... 195

Карл Р. Роджерс (1902—1987): Представляем автора теории	197
Взгляды Роджерса на человека	199
Взгляды Роджерса на науку, теорию и эмпирические исследования	200
Теория личности, разработанная Карлом Роджерсом	201
Структура	201
Я (self)	201
Методы измерения Я-концепции	202
<i>Техника Q-сортировки. Перечень прилагательных и Семантический дифференциал</i>	
Процесс	208
Самоактуализация	208
Внутренняя согласованность Я-концепции и конгруэнтность	211
<i>Состояние неконгруэнтности и защитные процессы. Исследования Я-согласованности и конгруэнтности</i>	
Потребность в позитивной оценке	214
Рост и развитие	215
Самоактуализация и здоровое психическое развитие	215
Исследования детско-родительских отношений	216
Представления детей о хорошем и плохом в своем Я	219
Заключение	221
Основные понятия	221
Основные положения	222

ГЛАВА 6

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРИЛОЖЕНИЯ И ОЦЕНКА ТЕОРИИ РОДЖЕРСА 225

Клинические приложения	226
Психопатология	227
Расхождения Я-концепции с субъективным опытом	227

Изменение	230
Терапевтические условия, необходимые для изменения личности	230
Результаты клиенто-центрированной терапии	233
Краткая сводка отличительных характеристик	234
Анализ конкретного случая: Миссис Оук	234
Описание пациентки и ее проблемы	235
Описание терапии	235
Описание результатов терапии	236
Случай Джима	237
Семантический дифференциал: феноменологическая теория	237
Обсуждение результатов	238
Новейшие продвижения	239
Смена акцентов у Роджерса: от отдельных индивидов — к группам и обществу	239
Родственные точки зрения	240
Движение за человеческий потенциал	240
Курт Голдстайн	240
Абрахам Г. Маслоу	241
Экзистенциализм	244
Критическая оценка	246
Феноменология	246
Понятие Я (self)	248
Конфликт, тревога и защита	249
Психопатология и изменение	251
Итоговая оценка	251
Основные понятия	253
Основные положения	254

ГЛАВА 7

ПОДХОДЫ К ЛИЧНОСТИ СО СТОРОНЫ ЕЕ ЧЕРТ: ОЛЛПОРТ, АЙЗЕНК

ИКЭТТЭЛЛ	255
Понятие черты личности	257
Теория черт, разработанная Гордоном У.Оллпортом (1897-1967)	258
Черты, состояния и действия	259
Виды черт	259
Функциональная автономия	260
Идиографическое исследование	261
Обсуждение подхода Оллпорта к личности	261
Трехфакторная теория Ганса Ю. Айзенка (1916—1997)	262
Измерение черт: факторный анализ	262
Основные параметры личности	263
Измерение с помощью вопросников	264
Результаты исследований	266
Биологический базис	267
Психопатология и изменение поведения	268
Обсуждение подхода Айзенка	269

Факторно-аналитический подход Раймонда Б. Кэттелла (1905-1998).....	270
Взгляды Кэттелла на науку	271
Теория личности, разработанная Кэттеллом.....	273
Виды черт	273
Источники данных: L—данные, Q—данные и OT—данные.....	274
<i>Резюме</i>	
Стабильность и вариативность поведения	277
Обсуждение подхода Кэттелла	280
Теория черт: Оллпорт, Айзенк и Кэттелл	280
Основные понятия.....	281
Основные положения	283

ГЛАВА 8

ПОДХОДЫ К ЛИЧНОСТИ СО СТОРОНЫ ЕЕ ЧЕРТ: ПЯТИФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ; ПРИЛОЖЕНИЯ И ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИИ ЧЕРТ.....285

Приближение к единой модели: пятифакторная модель личностных черт	287
Анализ названий черт в естественном языке и в вопросниках	288
Фундаментальная лексическая гипотеза	291
Большая Пятерка в личностных вопросниках	292
Рост и развитие	294
Возрастные изменения	294
Черты как наследственные характеристики личности	295
Взгляд с позиций теории эволюции.....	298
Приложения модели	299
Профессиональные склонности.....	299
Здоровье и долгожительство.....	301
Диагностика личностных расстройств	301
Терапия	302
Выводы и комментарии.....	302
Анализ конкретного случая: 69-летний мужчина.....	303
Общее описание личности в терминах Большой Пятерки	305
Некоторые возможные следствия личностных черт	306
Результаты терапии	307
Случай Джима	307
Вопросник 16 P.F.: черты, выделенные с помощью факторного анализа... ..	307
Обсуждение данных	308
Стабильность личности: Джим по прошествии 5 и 20 лет	309
Пять лет спустя: самоотчет о жизненном опыте и личностных изменениях.....	309
<i>Жизненный опыт. Личностные изменения</i>	
Двадцать лет спустя	312
<i>Пятифакторная модель: самооценки Джима и оценки, данные его женой, по вопроснику NEO-PI</i>	

Оценка: спор о человеке и ситуации	315
Устойчивость во времени	316
Кросс-ситуативная устойчивость	316
Заключение	317
Общая оценка подходов к личности с точки зрения ее черт	320
Достоинства данных подходов	320
Активная исследовательская деятельность	320
Интересные гипотезы	321
Потенциальные связи с биологией	321
Недостатки данных подходов	321
Проблемы с методом: факторный анализ	322
Проблемы с понятием черты	322
Что не попадает в поле зрения?	323
Основные понятия	325
Основные положения	326

ГЛАВА 9

ПОДХОД ТЕОРИЙ НАУЧЕНИЯ К ЛИЧНОСТИ327

Взгляд на личность и науку с точки зрения теории научения	329
Бихевиоризм Уотсона.....	330
Павловская теория классического обусловливания	331
Принципы классического обусловливания	332
Психопатология и изменение	333
Условные эмоциональные реакции	336
«Разусловливание» страха перед кроликом	337
Другие приложения принципов классического обусловливания	340
Систематическая десенсилизация	340
Реинтерпретация случая Маленького Ганса	342
Дальнейшее развитие теории	343
Теория оперантного обусловливания, разработанная Скиннером	345
Представляем автора теории	345
Скиннеровская теория личности	348
Структура	348
Процесс: оперантное обусловливание	349
Рост и развитие	351
Психопатология	351
Поведенческая диагностика	352
<i>Исследовательский проект АБА. Знаковый и непосредственный</i> <i>подходы к диагностике</i>	
Изменение поведения.....	357
Теория «стимул—реакция»: Халл, Доллард и Миллер.....	358
Представляем авторов теории	358
Кларк Л. Халл (1884-1952)	358
Джон Доллард (1900-1980) и Нил Э. Миллер (р. 1909).....	359
Теория личности с позиций «стимул—реакция»	360
Структура.....	360
Процесс.....	361

Рост и развитие	362
Психопатология	362
<i>Типы конфликтов</i>	
Сравнение теорий научения с ранее изложенными подходами к личности	364
Критический анализ	365
Достоинства подходов теорий научения к личности	365
Недостатки подходов теорий научения к личности	366
Основные понятия	368
Основные положения	371

ГЛАВА 10

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ ЛИЧНЫХ КОНСТРУКТОВ, РАЗРАБОТАННАЯ ДЖОРДЖЕМ А. КЕЛЛИ.....375

Джордж А. Келли (1905-1966): представляем автора теории	378
Взгляды Келли на человека	379
Взгляды Келли на науку, теорию и эмпирические исследования	381
Теория личности, предложенная Джорджем А. Келли	383
Структура	383
Типы конструктов	384
Репертуарный тест ролевых конструктов (Реп-тест)	387
Когнитивная сложность—простота	389
Процесс	393
Предвосхищение событий: прогнозирование будущего	393
Тревога, страх и угроза	394
Резюме взглядов на процесс	397
Рост и развитие	397
Основные понятия	398
Основные положения	400

ГЛАВА 11

КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ: ПРИЛОЖЕНИЯ И ОЦЕНКА ТЕОРИИ КЕЛЛИ401

Клинические приложения	402
Психопатология	402
Проблемы в системе конструктов	403
Самоубийство и враждебность	405
Резюме	406
Изменение	406
Условия, благоприятствующие изменению	407
Терапия фиксированных ролей	408
Пример исследования	410
Сравнение с другими подходами	410

Случай из практики: Роналд Барретт	411
Набросок самоописания	412
Интерпретация, предложенная Келли	412
Терапия фиксированных ролей	413
Случай Джима	414
Реп-тест: теория личных конструктов	414
Обсуждение данных	416
Родственные точки зрения и последние достижения	417
Критическая оценка	418
Достоинства и недостатки теории	418
Резюме	420
Сравнение с другими теориями	421
Келли и Фрейд	421
Келли и Роджерс	422
Келли и теория черт	424
Келли и теории научения	425
Конструкты для описания теорий личности	425
Основные понятия	426
Основные положения	427

ГЛАВА 12

СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ БАНДУРЫ И МИШЕЛА.....429

Представляем авторов теории	432
Альберт Бандура (р. 1925)	432
Уолтер Мишел (р. 1930)	433
Взгляд на человека	434
Взгляд на науку, теорию и эмпирические исследования	435
Социально-когнитивная теория личности	436
Структура	436
Ожидания-убеждения	436
<i>Различение ситуаций и согласованность личности. Я (self) и убеждения в своей эффективности</i>	
Цели	440
Компетентности-навыки	440
Процесс	440
Цели, стандарты и саморегуляция	440
Самоэффективность и успешность деятельности	441
<i>Отбор. Усилие, настойчивость, успешность. Эмоции. Совладание с ситуацией</i>	
Резюме взглядов на мотивацию	446
Рост и развитие	447
Научение через наблюдение	447
<i>Усвоение в сравнении с исполнением действия. Косвенное обусловливание</i>	
Научение навыкам отсроченного удовлетворения	449
Резюме взглядов на рост и развитие	452
Основные понятия	452
Основные положения	454

ГЛАВА 13

СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ: ПРИЛОЖЕНИЯ И ОЦЕНКА 457

Клинические приложения.....	459
Психопатология	459
Дисфункциональные ожидания и дисфункциональные Я-концепции	459
<i>Самозффективность и тревога. Самозффективность и депрессия.</i>	
<i>Самозффективность и здоровье</i>	
Изменение	463
Моделирование и направляемое участие	464
<i>Релевантные исследования</i>	
Случай из практики: летчик-бомбардир	469
Случай Джима	471
Социально-когнитивная теория: цели, подкрепления и убеждения в самозффективности.....	471
Цели.....	472
Субъективные ценности: подкрепления.....	472
Компетентности и убеждения в самозффективности	472
Комментарий	473
Сравнительный анализ	474
Социально-когнитивная теория и психоанализ.....	474
Социально-когнитивная теория и феноменология	475
Социально-когнитивная теория и теория личных конструкторов	475
Социально-когнитивная теория и теория черт.....	476
Социально-когнитивная теория и теория научения.....	477
Критическая оценка	477
Достоинства теории.....	477
Внимание к эксперименту и эмпирическим свидетельствам.....	477
Важность рассматриваемых феноменов	478
Теория, открытая изменениям	478
Сосредоточенность на важных проблемах	479
Взгляд на человека и забота об обществе	479
Недостатки теории	479
Пока еще не систематизированная и не унифицированная теория.....	480
Новые проблемы с новыми направлениями	480
Относительное пренебрежение некоторыми важными областями психологии личности.....	482
Предварительный характер результатов.....	483
Основные понятия	484
Основные положения	484

ГЛАВА 14

КОГНИТИВНЫЕ, ИНФОРМАЦИОННО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ, ПОДХОДЫ К ЛИЧНОСТИ..... 487

Когнитивные структуры	489
-----------------------------	-----

Категории.....	489
Категории для описания физических объектов.....	490
Категории для описания ситуаций.....	492
<i>Сценарии ситуаций. Анализ индивидуальных категорий, описывающих ситуации, и связанных с ними чувств и действий</i>	
Категории для описания людей.....	494
<i>Я (self) и Я-схема</i>	
Причинные (каузальные) объяснения и атрибуции.....	500
Причинные объяснения	500
Последствия причинных атрибуций.....	501
ИмPLICITная теория личности.....	502
Когнитивные процессы	503
Немотивированные когнитивные процессы.....	504
Мотивированные когнитивные процессы	505
Верификация Я и самовозвеличивание.....	505
Возможные Я и саморегуляторы	506
Резюме.....	508
Клинические приложения	508
Стресс и умение справляться с ним.....	509
Стресс	509
Способы совладения со стрессом	510
Тренинг вакцинации против стресса	510
Патология и изменение	512
Рационально-эмотивная терапия, предложенная Эллисом.....	512
Предложенная Бекком когнитивная терапия депрессии.....	513
<i>Когнитивная триада депрессии. Исследование ошибочных когниций.</i>	
<i>Когнитивная терапия</i>	
Случай Джима.....	515
Информационно-процессуальная теория: когниций и стратегии совладания	515
Обобщенные когниций, атрибуции и дисфункциональные мысли.....	515
Методы совладания	517
Резюме.....	518
Последние достижения	518
От когниций — к чувствам и мотивации	518
От мышления — к действию.....	519
От западного типа Я (self) — к кросс-культурному Я.....	519
Сравнение информационно-процессуальных подходов с традиционными теориями личности	521
Критическая оценка	523
Достоинства подходов	523
Связи с когнитивной психологией	523
Рассмотрение важных аспектов личности	523
Вклад теории в управление здоровьем и терапию.....	524
Недостатки подходов.....	524
Проблемы с использованием компьютера в качестве модели	524
Пренебрежение аффектом и мотивацией.....	525
Статус терапевтических процедур еще предстоит уточнить.....	525
Основные понятия.....	527
Основные положения	528

ГЛАВА 15

ОБЩИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ, ПСИХОДИАГНОСТИКИ И ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ.....	531
Теория на разных этапах развития науки	533
Стадии развития научного знания.....	533
Стадия раннего развития	533
Нормальная наука: парадигмы.....	533
Научные революции	536
Резюме.....	536
Некоторые проблемы, разделяющие теоретиков в области психологии личности	537
Философское представление о человеке.....	537
Внешние и внутренние причины поведения.....	538
Согласованность поведения во времени и в разных ситуациях	539
Единство поведения и понятие Я	540
Различные состояния сознания и понятие бессознательного.....	542
Взаимоотношения между познанием, аффектом и внешним поведением	543
Влияние на поведение прошлого, настоящего и будущего	544
Теория личности как ответ на вопросы «что?», «как?» и «почему?»	544
Структура личности	545
Процесс	548
Рост и развитие	550
Психопатология.....	551
Изменение.....	552
Взаимоотношения между теорией, психодиагностикой и эмпирическими исследованиями личности	553
Случай Джима	554
Сравнение данных психодиагностики, полученных на основе разных теоретических подходов.....	554
Стабильность и изменения во времени.....	555
Что думает Джим о результатах тестирования.....	555
Резюме.....	556
Заключительное подведение итогов.....	556
Основные положения главы	557
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ	558
ЛИТЕРАТУРА.....	571
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	598
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	601

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

В 1995 г. исполнилось 25 лет книге *«Психология личности: Теория и исследования»*. Седьмое по счету издание знаменует новую эру в жизни этого учебника. Наряду с обычным обновлением всех глав это издание содержит новые дидактические приемы, введенные для того, чтобы материал лучше воспринимался и затрагивал каждого студента лично. Каждая глава начинается с короткого рассказа или примера из жизни, которые живым языком излагают ее ключевую тему или идею. Далее перечень вопросов ориентирует студента на то, какие основные проблемы будут обсуждаться в данной главе. Кроме того, новые статьи-вставки, раскиданные по всей книге, показывают, как понятия, раскрываемые в книге, могут использоваться для осознания проблем, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни.

Но, возможно, самое волнующее новшество — это сотрудничество двух авторов — Лоуренса А. Первина и Оливера П. Джона. Впервые мы встретились в 1982 г. на Европейской конференции в Нидерландах. Там мы спорили о сравнительных заслугах теории черт и мотивационного подхода к личности. С тех пор мы продолжаем спорить, как только представляется возможность, например последний раз это происходило на страницах журнала *«Психологическое исследование»* (*«Psychological Inquiry»*). На первый взгляд, некоторых читателей может даже удивить, как два таких разных человека могут работать в тесном сотрудничестве. Ведь это сотрудничество должно свести не только два разных поколения исследователей личности, но и весь остальной опыт, который нас различает: один из нас вырос в Бруклине, штат Нью-Йорк, а другой — в Биле-фельде, в Германии, один связан с системно-психодинамической ориентацией, а другой — с когнитивным подходом к личностным чертам, один провел всю свою профессиональную жизнь на Восточном побережье США, другой — на Западном. На самом же деле эти различия не только не мешали, но и оказались мощным стимулом, в соответствии с принципом синергии они дополняли и усиливали друг друга, давая нам возможность равномерно охватить гораздо более широкий диапазон представлений о личности, чем если бы мы действовали поодиночке. Наша общая зачарованность бесконечным разнообразием межличностных различий, общее уважение к научному поприщу и общая преданность делу образования сделали это сотрудничество возможным и успешным.

Личность всегда находится в состоянии эволюции, идет ли речь о реальной личности или о научной концепции. Седьмое издание книги *«Психология личности: теория и исследования»* продолжает развивать этот динамический подход к жизни человека и к жизни науки и старается убедительно представить его студентам. Настоящее издание преследует четыре основные цели:

1. *Презентация главных теоретических подходов к личности.* В наши намерения входило по возможности глубокое проникновение в основ-

ные теоретические подходы, а не широкое и поверхностное освещение множества теорий. В то же время гранд-теории прошлого (например, теории Фрейда, Роджерса) до некоторой степени были потеснены более разнородными современными *теоретическими подходами* (например, подходом, основанным на чертах личности, когнитивно-информационным подходом). Фокусируя свое внимание то на гранд-теориях, то на теоретических подходах, текст сохраняет как верность прошлым теоретическим традициям, по-прежнему важным для нас, так и открытость новым разработкам.

2. *Интеграция теории и исследований.* Основной замысел книги — про демонстрировать связь между теорией личности и эмпирическими исследованиями личности, т.е. показать, как развитие в одной из этих областей может и должно порождать развитие в другой.
3. *Интеграция индивидуального случая с теорией.* Теория и исследования по необходимости имеют дело с абстракцией, с обобщениями, а не с конкретными и уникальными индивидами. Чтобы перебросить мост через пропасть между общим и индивидуальным, мы иллюстрируем каждую теорию описанием конкретного случая, а также соответствующими методами психодиагностики. Кроме того, один индивидуальный случай мы прослеживаем на протяжении всей книги, чтобы показать, как различные теории «работают» на материале одной и той же личности. Благодаря этому студент может задуматься: различаются ли между собой изображения человека, увиденные глазами разных теорий, или они представляют разные проекции одной и той же личности, дополняющие друг друга?
4. *Объективное, равноправное отношение к разным теоретическим подходам.* Наши усилия были направлены на то, чтобы изложить каждую теорию на языке ее собственных понятий и затем оценить ее по стандартным критериям. Поэтому за описанием каждой теории следует анализ ее сильных сторон и ограничений. Вместо того чтобы убеждать студента в преимуществах какой-либо одной теории по сравнению со всеми остальными, мы пытаемся представить точное изложение каждой теории и призываем студентов самим сделать выводы.

Данное издание книги *«Психология личности: Теория и исследования»* позволяет познакомиться с новыми теоретическими открытиями и новыми подходами к изучению личности, в то же время сохраняя важнейшие достижения прошлого. Ревизия старого текста дала нам очень много. Мы должны были оценить все основные продвижения в нашей области, чтобы отобрать те из них, которые следовало включить в это издание. Мы также попытались найти новые способы изложения материала, чтобы сделать процесс обучения более увлекательным.

Седьмое издание сохраняет все теории, которые входили и в предыдущее издание, но в него добавлены новейшие достижения. Эти достижения сосредоточены, главным образом, в двух областях. Первая — это психология черт, где, кажется, формируется консенсус среди исследователей в отношении фундаментальных параметров личности. Важный прорыв произошел также в исследовании наследственных аспектов черт личности и в поиске возможных биологи-

ческих и эволюционных основ формирования черт. Эти новые разработки обсуждаются в главах 1, 7 и 8. Вторая важная область достижений касается социально-когнитивного и информационно-процессуального подходов к личности, которые тесно связаны между собой. Эти подходы всегда были сильны в систематических исследованиях когнитивной сферы, но недавно они существенно расширили свои рамки, включив важные аспекты человеческих эмоций и мотиваций. Соответствующие достижения обсуждаются в главах с 12 по 14.

Мы надеемся, что при чтении нового издания *«Психологии личности»* студенты по достоинству оценят три сквозных лейтмотива книги: 1) тайну человеческой личности и усилия психологов приоткрыть эту тайну; 2) сочетание возможностей клинического изучения отдельных случаев и строгого эмпирического исследования; 3) ценность альтернативных теоретических подходов к личности.

Мы надеемся также, что студенты не только откроют для себя ту конкретную теорию личности, которая обретет для них личный смысл и значимость, но и проникнутся уважением к тем прозрениям, которые им предлагают альтернативные подходы.

В помощь преподавателю

Методическое пособие к книге *«Психология личности: Теория и исследования»* представляет собой отдельное издание и предназначено в помощь преподавателю курса. Оно включает в себя: 1) рекомендуемые темы лекций и список дополнительной литературы; 2) вспомогательные материалы; 3) вопросы для размышления и обсуждения; 4) тестовые вопросы с несколькими альтернативными ответами и вопросы по типу «верно—неверно».

Предлагаемые темы лекций по каждой главе либо развертываются на материале, изложенном в тексте учебника, либо вводят новый материал, имеющий прямое отношение к тексту книги. Следуя этой схеме, лекции оказываются связанными с текстом книги, не дублируя его полностью. В большинстве случаев предложенные варианты содержат краткое описание того, что может быть включено в лекцию, и ряд ссылок на литературу (библиография помещена в конце пособия), которую можно использовать для обсуждения рассматриваемых в лекции вопросов.

Вспомогательные материалы включают в себя фильмы, аудиозаписи и демонстрации, которые дополняют текст и лекции. Перечень фильмов и аудиозаписей сопровождается описанием содержания, списком распространителей и в большинстве случаев точными адресами, где их можно приобрести. Адреса распространителей приводятся в конце руководства.

Цель вопросов для размышления и обсуждения — стимулировать студентов использовать полученные знания, а также побудить их критически оценить то, что они узнали. Чтобы правильно ответить на вопрос, студент должен опираться на полученную информацию и идти дальше. Эти вопросы могут использоваться в качестве материалов для лекций, в качестве «затравки» для дискуссий или в качестве вопросов для эссе.

Последний раздел пособия содержит тесты для проверки знаний студентов, приобретенных ими в процессе обучения. Набор контрольных вопросов все время расширяется и совершенствуется и имеет компьютерные версии.

Благодарности

В наших стараниях создать содержательный, поучительный и интересный текст нам помогало множество людей. Студенты, слушавшие наши лекции, постоянно стимулировали нас и давали нам обратную связь. Особенно мы благодарим Дженнифер Пэлс (Jennifer Pals), которая очень много сделала для обновления и редактирования этого издания, и Кейт Ши (Kate Shea) за ее глубокие замечания и предложения. За полезные отзывы и ценные предложения по ревизии текста книги выражаем благодарность следующим профессорам:

Даниэлю Кервону (Daniel Cervone), Иллинойский университет
Барри Фритцу (Barry Fritz), Куиннипьяк колледж
Джозефу Джермане (Joseph Germana), Вирджинский политехнический институт
Керби Джиллиленду (Kirby Gilliland), Оклахомский университет
Джеймсу Дж. Джонсону (James J. Johnson), Университет штата Иллинойс
Кристоферу Лэнгстону (Christopher Langston), Университет Пердью
Томасу Дж. Шёнеману (Thomas Schoeneman), Колледж Льюиса-Кларка.

И наконец, мы бесконечно благодарны сотрудникам издательства «Джон Уайли», которые вложили в седьмое издание свой талант и свое мастерство, особенно нашим редакторам Карен Дубно (Caren Dubno) и Крису Роджерсу (Chris Rogers).

Лоуренс А. Первин

Ратгерсовский университет

Оливер П. Джон

Калифорнийский
университет, Беркли

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ: от обыденных наблюдений к систематическим построениям

ЗАЧЕМ НУЖНО ИЗУЧАТЬ ЛИЧНОСТЬ?
ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ «ЧТО?», «КАК?» И «ПОЧЕМУ?»

- Структура
- Процесс
- Рост и развитие
 - • Генетические детерминанты
 - • Средовые детерминанты
Культура
Социальный класс
Семья Сверстники
 - • Соотношение между генетическими и средовыми детерминантами
- Психопатология и изменение поведения
- Резюме

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

- Философское представление о человеке
- Внешние и внутренние детерминанты поведения

- Согласованность поведения во времени и в разных ситуациях
- Единство поведения и понятие Я (self)
- Многообразные состояния сознания и понятие бессознательного
- Взаимоотношения между познанием, аффектом и внешним поведением
- Влияние на поведение прошлого, настоящего и будущего
- Резюме

ОЦЕНКА ТЕОРИЙ

- Широта охвата
- Экономность
- Релевантность теории по отношению к эмпирическим исследованиям
- Резюме

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В ФОКУСЕ ГЛАВЫ

Возможно, у вас есть подруга, которую вы знаете настолько хорошо, что чувствуете, что могли бы предсказать, как она поведет себя в той или иной ситуации. Благодаря пережитому вместе вам стали известны характерные свойства и уникальный рисунок ее мыслей, чувств и действий. Вы не только знаете, чем она живет, вы понимаете, что отличает ее от остальных ваших друзей. Одним словом, вы эксперт в том, что мы назвали бы личностью вашей подруги.

Работа, которую мы все выполняем в нашей повседневной жизни, по существу, ничем не отличается от работы, которую выполняют ученые, изучающие личность. Задача и тех, и других — создать модель человеческого функционирования, разработать метод различения людей и установить закономерности поведения людей для того, чтобы его предсказывать. Эта модель поведения и правила предвидения, которые из нее следуют, составляют сущность психологической теории личности в такой же мере, в какой они составляют и сущность наших житейских теорий повседневного пользования. Разница состоит лишь в том, что психологи делают свои модели более четкими, свои термины определяют более ясно и проводят систематические исследования, для того чтобы оценить точность своих прогнозов. Эта глава посвящена пониманию того, что такое теория, что должна включать в себя теория личности и каким образом можно оценить качество теории. Хотя в нашей повседневной жизни мы можем руководствоваться смутными, неопределенными теориями и вполне способны искажать события, чтобы подтвердить свою правоту, однако в качестве психологов мы должны оперировать весьма определенными и ясными понятиями и соблюдать объективность в отношении полученных фактов.

Вопросы, на которые отвечает данная глава

1. Иногда говорят, что все мы — психологи и у каждого из нас есть своя теория личности. Если это верно, тогда чем научные теории личности отличаются от теорий, которые обычные люди применяют в повседневной практике?
2. Существуют ли основные области человеческого функционирования, которые обязательно должна охватить теория личности? Или, если сформулировать это иначе, какие вопросы, касающиеся функционирования человека, нас озадачивают и на какие вопросы нам хотелось бы получить ответ от психологии личности?
3. Есть ли такие общие проблемы, в решении которых разные теории личности отличаются друг от друга (например, фундаментальная природа человека, роль наследственности и личного опыта, роль бессознательного)?

ЗАЧЕМ НУЖНО ИЗУЧАТЬ ЛИЧНОСТЬ?

Почему студенты выбирают курс психологии личности? Почему некоторые решают стать психологами именно в этой области? Создается впечатление, что они ищут ответы на вопросы: почему люди такие, какие они есть? почему я такой, какой я есть? Нас всех интригуют люди; мы часто спрашиваем, как и почему они настолько отличаются друг от друга и почему они ведут себя так, а не иначе. Почему одни борются со своими чувствами, а другие этого не делают? Почему одни способны успешно действовать в какой-то области, в которой другие, обладая не меньшими способностями, терпят поражение? Учебный курс психологии личности обещает в какой-то степени ответить на эти вопросы. Конечно, эта книга может не дать ответы на все то множество вопросов о личности, которые интересуют студентов, но она, во-первых, ответит на часть из них и, во-вторых, что не менее важно, укажет способ осмысления и исследования возникающих вопросов.

Знание о личности — это часть психологического знания, которая больше всего отражает интерес к человеку во всей его полноте — сложному человеческому существу и индивидуальности. Читатель книги столкнется с альтернативными ответами, которые современные психологи и классики прошлого дают на вопрос: почему мы такие, какие мы есть? А еще читатель обнаружит спор о том, как психологи намерены изучать свой предмет, т.е. спор о методах исследования, которые мы используем, чтобы понять, чем люди отличаются друг от друга и каковы причины этих различий. Вопросы, поставленные психологами, может быть, не очень сильно отличаются от тех, которые задает студент, интересующийся поведением человека. Однако эти вопросы формулируются часто по-другому, с тем чтобы они давали возможность подступить к систематическому исследованию. И методы, используемые в психологии личности, скорее всего будут более систематическими и свободными от тех ошибок и искажений, которые встречаются в повседневных наблюдениях за поведением человека.

Короче говоря, научное изучение личности и сейчас, и прежде задает все тот же главный вопрос: почему мы такие, какие мы есть? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы не можем обойтись без того, чтобы не признать огромной сложности человеческого поведения. Люди во многом похожи, но во многом и различаются. В этом сложнейшем лабиринте, а иногда и хаосе, мы стремимся найти порядок и осмысленные связи. Для нас это и есть ответ на вопрос, чем занимается наша наука — психология личности, почему люди выбирают этот курс и почему некоторые из нас стремятся выбрать психологию личности в качестве своей профессии.

ПОИСК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Психология личности интересуется *индивидуальными различиями*. Хотя все люди похожи, психологов, занимающихся изучением личности, особенно интересует то, в чем они различаются. Почему одни достигают успеха, а другие — нет? Почему одни воспринимают вещи именно так, а другие — иначе? Почему одни страдают от сильных стрессов, а другие — нет?

Исследователи личности интересуются также и целостной индивидуальностью, стараясь понять, каким образом различные аспекты функционирования индивида связаны между собой. Например, изучение восприятия напрямую не относится к области исследования личности, но к ней относится проблема понимания того, как индивиды различаются по своему восприятию и как эти различия связаны с функционированием индивида в целом. Изучение личности направлено не только на психологические процессы, но и на взаимосвязи между этими процессами. Понимание того, как эти процессы взаимодействуют между собой, формируя целое, часто дает больше, чем понимание каждого процесса в отдельности. Люди функционируют как организованное целое, и значит, мы должны понимать их именно в таком свете.

Выделив в качестве основного предмета исследования индивидуальные различия и целостного человека, как мы определим личность? Для широкой публики слово «личность» может выступать в роли оценочного суждения: если нам кто-то нравится, то потому, что он (или она) представляет собой «хорошую личность», или «масштабную личность». Однако ученым и студентам-психологам термин личность нужен для того, чтобы определить область изучения. Научное определение личности очерчивает область, которая подлежит рассмотрению и подсказывает нам, каким образом лучше всего к ее изучению подходить.

На данный момент давайте будем использовать следующее рабочее определение личности: *личность — это те характеристики человека, которые отвечают за согласованные проявления его чувств, мышления и поведения.*

Это очень широкое определение, которое позволяет фокусировать внимание на множестве различных аспектов человека. В то же время оно подразумевает, что мы обращаем внимание на согласованные проявления чувств, мышления и поведения человека и на те его внутренние качества, которые отвечают за эти согласованности, а, например, не на рассмотрение качеств окружающей среды, которые отвечают за эти согласованности. Особый интерес представляет для нас то, как упомянутые чувства, мысли и внешние (наблюдаемые) действия* увязываются друг с другом, формируя уникального, отличного от других индивида**.

Хотя здесь предложено одно определение личности, однако могут существовать и другие. Эти определения нельзя считать верными или ошибочными; скорее они могут быть более или менее полезными, делая акцент на определенных направлениях изучения и понимания. Таким образом, определение личности полезно настолько, насколько оно помогает превратить ту или иную сферу изучения в науку.

Итак, научное изучение личности включает систематическое стремление вскрыть и объяснить согласованности, повторяемости в мыслях, чувствах и наблюдаемых действиях людей, которые характерны для них в повседневной жизни. Как ученые, мы создаем теории, которые помогают нам наблюдать и объяснять эти повторяемости. К вопросу о природе научной теории мы сейчас и обратимся.

* В оригинале — *behavior*. Здесь и далее *behavior* переводится как «действие» или «поведение», таким образом, эти слова, кроме специально оговоренных случаев, выступают синонимами. (Примеч. пер.)

** В ряде отечественных работ по психологии личности термин «индивид» несет особую смысловую нагрузку, обычно связанную с подчеркиванием биологической природы «индивидуальных» подсистем человека. В данной же книге, как и вообще в американской психологии личности, такое содержание в это слово не вкладывается и термин «индивид» используется здесь в своем неспецифическом значении: «один из людей», «человек» и т.п. (Примеч. науч. ред.)

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ «ЧТО?», «КАК?» И «ПОЧЕМУ?»

Теория личности предлагает пути соединения и систематизации огромного разнообразия научных открытий. Она также может указать потенциально наиболее продуктивные направления дальнейших исследований. Попросту говоря, теории помогают свести воедино все, что мы знаем, и подсказывают, как открыть то, что нам еще неизвестно.

Что мы хотим объяснить с помощью теории личности? Если мы сосредоточились на изучении индивидов, то мы захотим узнать, *что* они собой представляют, *как* они становятся такими и *почему* они ведут себя именно таким образом. То есть мы хотим, чтобы теория отвечала на вопросы: *что?* *как?* и *почему?* Вопрос «что?» относится к характеристикам человека и к тому, как они связаны друг с другом. Свойственны ли данному человеку честность, настойчивость и большая потребность в достижении? Вопрос «как?» относится к детерминантам личности человека. В какой мере и каким образом генетические и средовые факторы взаимодействуют между собой, чтобы привести к такому результату? Вопрос «почему?» относится к причинам индивидуального поведения. Ответы касаются мотивационных характеристик индивида: почему он (или она) проявляет активность и почему именно в данном направлении. Если индивид стремится заработать много денег, то почему он выбрал именно этот путь? Если ребенок хорошо учится в школе, то делает ли он это ради того, чтобы доставить удовольствие родителям, или для того, чтобы реализовать свои способности, или повысить свою самооценку, или опередить одноклассников? А мать, которая чрезмерно опекает свое чадо, делает ли она это потому, что страстно привязана к нему, или потому, что стремится дать ему то, что она недополучила в детстве, или же потому, что хочет избежать любого проявления обиды и враждебности, которые она на самом деле испытывает по отношению к своему ребенку? Человек находится в депрессивном состоянии из-за того, что его унизили, из-за потери любимой или из-за чувства вины? Теория должна помочь нам понять, в какой степени депрессия характерна для данного человека, как развилась эта личностная характеристика, почему депрессия переживается при данных обстоятельствах и почему человек, когда у него депрессия, ведет себя именно так. Если два человека склонны к депрессии, почему один из них выходит из дома и делает покупки, а другой прячется в раковину?

Давайте систематически и подробно рассмотрим данные вопросы. Мы сосредоточимся на пяти областях, которые должна охватывать всякая полноценная теория личности. Это: 1) *структура* — базовые элементы, или строительные блоки, личности; 2) *процесс* — динамические аспекты личности, включая мотивы; 3) *рост и развитие* — как мы развиваемся в уникальные личности, которыми все мы являемся; 4) *психопатология* — природа и причины нарушений в нормальном функционировании личности; 5) *изменение* — как люди меняются и почему они иногда сопротивляются изменениям или вообще не способны меняться.

Структура

Теории можно сравнивать по тем понятиям, которые они используют, чтобы определить «что?», «как?» и «почему?» в личности. Понятия, характеризующие структуру, указывают на более стабильные и устойчивые аспекты личности, являющиеся строительными блоками ее теории. В этом смысле они сравнимы с частями тела или с такими понятиями, как атомы и молекулы в физике. В построении концепции человека наиболее популярны были такие структурообразующие понятия, как *реакция*, *привычка*, *черта* или *тип*.

Понятие «*черта*» относится к согласованности и устойчивости индивидуальных реакций на разнообразные ситуации и близко к таким понятиям, которыми пользуется неспециалист, чтобы охарактеризовать людей. Один из способов представить себе, что такое черта, — посмотреть, как бы вы описали себя или своего друга. Например, вы можете воспользоваться такими прилагательными, как «умный», «общительный», «честный», «веселый» или «серьезный». Вы используете эти термины так же, как это делают специалисты по психологии личности.

Понятие «*тип*» обозначает объединение многих различных черт. По сравнению с понятием черты понятие типа предполагает гораздо большую обобщенность и повторяемость поведения. Некоторые люди могут иметь много черт с разной степенью выраженности, но все они в более общем плане могут быть отнесены к одному определенному типу. Например, индивиды могут быть типологизированы как экстраверты или интроверты или, используя терминологию К. Хорни (Horney, 1945), как движущиеся навстречу людям, против них или от них.

Чтобы описать структуру личности, можно использовать и другие понятия, а не только черту или тип. Теории личности различаются между собой по виду элементов, или структурных понятий, которые они используют; они также различаются по способу концептуального осмысления организации этих элементов. Некоторые теории выстраивают *сложную* структурную систему, в которой много компонентов связано между собой множеством разнообразных связей. Другие теории предпочитают *простую* структурную систему, в которой имеется всего несколько компонентов, соединенных немногочисленными связями. Человеческий мозг — намного более сложная структура, чем мозг рыбы, потому что он имеет больше разных частей и больше связей или соединений между этими частями.

Теории личности различаются и по тому, насколько структурные элементы представляются им организованными в иерархическую систему, т.е. организованными в такую систему, где одни структурные элементы располагаются на более высоких уровнях, чем другие, и поэтому могут управлять функциями нижележащих элементов. Нервная система человека намного сложнее, чем нервная система других существ, не только потому, что она имеет больше разных частей и больше связей между ними, но и потому, что некоторые части, такие, как головной мозг, регулируют функционирование других частей системы. Можно провести аналогию и с организационными структурами. Одни деловые организации сложнее других. Сложные деловые организации имеют

много подразделений со множеством связей между ними и иерархию людей, принимающих решения. В простых организациях мало подразделений, мало связей между ними и мало уровней в цепочке принятия решений (например, сравните семейный магазин, где всех работников — только папа да мама, с фирмой «Дженерал Моторс» («General Motors»). Аналогичным образом и теории личности различаются по количеству и видам структурных элементов, которым они придают особое значение, а также по степени акцентирования сложности или организованности системы.

Процесс

Теории можно сравнивать не только по структурным, но и по динамическим, *мотивационным* понятиям, которые они используют, для того чтобы объяснить поведение. Эти понятия относятся к **процессуальным** аспектам поведения человека.

В психологии личности приняты на вооружение три основные категории мотивационных понятий: мотивы удовольствия (или гедонистические мотивы), мотивы роста (или самоактуализации) и когнитивные мотивы (Pervin, 1966).

Концепция гедонистических мотивов наибольшее значение придает поиску удовольствия и избеганию боли. Есть два варианта теорий, построенных на этой мотивационной концепции: **модели снижения напряжения** и **модели побуждения (incentive models)**. Один известный теоретик называет первый тип моделей теориями «подталкивания» (push), или «вилы в бок», а второй тип — теориями «тяги» (pull), или «морковки перед носом» (Kelly, 1958a). В соответствии с моделями снижения напряжения, физиологические потребности создают напряжения, которые индивид стремится снять через удовлетворение своих потребностей. Например, голод или жажда создают напряжение, которое уменьшается, если что-нибудь поесть или попить. Обычно используется термин *влечение*, или *драйв**, чтобы передать внутреннее состояние напряжения, которое активирует и направляет («толкает») человека в сторону уменьшения напряжения. В отличие от моделей уменьшения напряжения, в моделях «тяги», или «морковки», акцентируются конечные пункты, цели или внешние побудители, которых человек хочет достичь. Например, человек может стремиться к деньгам, славе или власти. Хотя здесь подчеркивается цель, а не внутреннее состояние напряжения, однако совершенно ясно, что при этом речь идет о стремлении к удовольствию, только в этом случае удовольствие ассоциируется с достижением цели. Именно по этой причине побудительные модели мотивации, так же как и теории снижения напряжения, считаются гедонистическими теориями, или теориями ориентации на удовольствие.

* *Влечение* и *драйв* — это два варианта перевода одного и того же английского термина *drive*. Вариант «*влечение*» больше характерен для психоаналитической традиции (при этом в немецких оригиналах психоаналитических текстов ему соответствует термин *Trieb*), а вариант «*драйв*» — для бихевиористской. Иногда термин *drive* переводят также словами *внутреннее побуждение*. (Примеч. пер. и науч. ред.)

В отличие от гедонистических теорий, другие мотивационные теории подчеркивают стремление организма к росту и самореализации. В соответствии с этими представлениями, индивиды стремятся взрастить и реализовать свой потенциал даже ценой увеличения напряжения.

И наконец, в когнитивных теориях мотивации акцент делается на усилиях человека понять и предугадать события, происходящие в мире. С точки зрения этих теорий, у человека есть потребность в согласованности или в познании, а не в удовольствии или в самореализации. Например, человек может стремиться к сохранению согласованного образа Я или к предсказуемости поведения других людей. В этом случае предсказуемость и внутренняя согласованность предпочитаются субъектом, даже если ему приходится расплачиваться за это болью и дискомфортом. Таким образом, это означает, что люди иногда могут предпочитать неприятное событие приятному, если оно делает мир более предсказуемым и стабильным (Swann, 1992).

На раннем этапе развития психологии личности самой распространенной моделью была теория снижения напряжения. Однако исследования, проведенные на животных и на людях, показали, что зачастую организм, наоборот, стремится к напряжению. Например, обезьяны трудятся, чтобы разрешить заданную им задачу, независимо от награды; фактически награда может даже помешать успешному решению. Исследовательское и игровое поведение представителей многих видов животных хорошо известно. Подобные наблюдения привели Р. У. Уайта (R. W. White, 1959) к концепции процесса человеческой деятельности, который он назвал *мотивацией компетентности*. В соответствии с этой концепцией, люди стремятся компетентно и эффективно воздействовать на среду. Действительно, по мере взросления людей все большая часть их действий оказывается связанной с развитием навыков ради овладения мастерством или ради того, чтобы успешно воздействовать на окружающую среду, и все меньшая часть их действий служит исключительно снижению напряжения.

В истории психологии личности в разные времена популярностью пользовались самые разные теории мотивации. Вплоть до 50-х годов такой теорией была теория влечения. С падением интереса к влечениям и снижению напряжения более популярными стали модели роста и самоактуализации. С приходом когнитивной революции в 60-е годы появился интерес к познавательным мотивам, связанным с потребностью в согласованности и предсказуемости. А сегодня наблюдается растущий интерес к целевым теориям, которые делают акцент на стремлении человека достичь ожидаемой конечной цели.

Надо ли обязательно делать выбор между различными теориями мотивации — снижением напряжения, самоактуализацией, познавательными потребностями, конечными целями? Можно ли сказать, что одно из этих учений правильное, а все остальные — ложные? Как мы увидим в последующих главах этой книги, различные теоретики личности склоняются к акцентированию какой-либо одной мотивационной модели. Тем не менее не исключено, что люди способны проявлять разные виды мотивов, иногда стремясь к удовольствию в форме снижения напряжения или достижения цели, иногда стремясь к самоактуализации, а иногда желая согласованности и предсказуемости. Ин-

дивиды могут различаться по тому, насколько и в какой степени их направляет тот или иной мотив. Иными словами, такие индивидуальные особенности сами могут быть важной составной частью личности. Хотя подобный взгляд возможен и даже желателен, различные исследователи личности все-таки склоняются к какой-либо одной модели для объяснения процессуальных аспектов поведения человека.

Рост и развитие

Одна из самых серьезных задач, с которой сталкиваются психологи, — это объяснение развития индивидуальных различий и развития такой уникальной индивидуальности, какой является каждый из нас. Обычно детерминанты, определяющие развитие личности, подразделяют на генетические и средовые. К сожалению, это разделение часто приводит к настоящим баталиям по поводу того, что важнее для личности — *природа* (nature) или *воспитание* (nurture). Причем под природой подразумеваются гены, а под воспитанием — воздействие среды. В разные моменты развития науки доминировал то один, то другой взгляд: маятник качался от всеобщего увлечения природой (генами) до признания примата среды (воспитания) и затем снова возвращался обратно. В последние годы было зафиксировано растущее внимание к генетическим факторам, но даже сторонники этой точки зрения иногда признают, что маятник в сторону увлечения природными детерминантами качнулся слишком сильно (Plomm, 1994; Plomin, Chipuer & Loehlin, 1990).

Вернемся снова к вопросу: а так ли уж обязательно выбирать? Ясно, что и генетическая, и средовая детерминанты важны для формирования человека. Прежде чем обсуждать соотношение этих двух детерминант, рассмотрим значение каждой из них в отдельности.

Генетические детерминанты

Генетические факторы играют важную роль в детерминации личности, особенно в отношении того, что делает нас уникальными индивидами (Plomin et al., 1990). Хотя исторически сложилось так, что психологи подчеркивали значение генетических и средовых детерминант в формировании личности как целого, современные исследователи признают, что значение этих факторов может варьировать от одной характеристики личности к другой. Генетические факторы, как правило, более важны для таких характеристик, как интеллект и темперамент, и менее важны для формирования ценностей, идеалов и убеждений.

В одной работе приводится хороший пример индивидуальных различий по темпераменту, который касается уровней активности и робости (Kagan, 1994). Некоторые дети более активны и более смелы, чем другие. Эти особенности могут сохраняться на протяжении многих лет: одни люди всегда хотят двигаться и действовать, а другие, как правило, предпочитают почитать или подремать, одни решительны и бесстрашны, а другие, как правило, робки и осторожны. Тот факт, что эти особенности появляются рано, сохраняются на протяжении длительного времени и, по-видимому, относительно не зависят от

обучения, позволяет предположить, что они относятся к генетически обусловленным, или наследуемым, характеристикам. Часто говорят, что родители ратуют «за среду» до тех пор, пока у них имеется только один ребенок, но после рождения следующих детей, насмотревшись на поразительные различия между ними, проявляющиеся буквально с самого рождения, они становятся убежденными сторонниками «наследственности».

Генетические детерминанты также подчеркиваются теми исследователями личности, которые занялись нашим эволюционным наследием (Buss, 1991, 1995). Судя по их данным, многие паттерны* поведения человека уходят корнями в наше эволюционное прошлое и связаны с генами, общими для людей и представителей других видов. Хотя чаще всего мы склонны думать в основном о том, как гены делают нас друг на друга непохожими, однако нельзя забывать, в какой степени наша генетическая конституция является общей для всех нас и объединяет нас с представителями других биологических видов. Так, если взять самые исходные характеристики, большинство из нас имеют два глаза, два уха, один нос и т.д. Но, помимо этого, психологи-эволюционисты полагают также, что нас всех объединяют паттерны социальных отношений друг с другом. Например, характеристики, которые считаются желательными для особей женского или мужского пола, различная включенность мужчин и женщин в заботу о детях, альтруизм и основные переживаемые нами эмоции — все это, как предполагается, проявления эволюционного наследия, заложенного в генах. Психологи, которые занимаются базовыми эмоциями (например, гневом, печалью, радостью, отвращением, страхом), предполагают, что эти эмоции являются врожденными и соответствующая информация о них закодирована в генах (Ekman, 1992, 1993; Izard, 1991). Таким образом, дети так же, как и взрослые, и шимпанзе так же, как и люди, переживают подобные эмоции, потому что у них общее эволюционное наследие и общая генетическая структура. Это не значит, что опыт не сказывается на том, какие эмоции чаще встречаются у данного индивида, или на том, когда, при каких условиях переживаются определенные эмоции и как они выражаются. Нет, опыт влияет, но развитие происходит в соответствии с заложенной генетической структурой.

Подводя итог, можно сказать, что роль генов состоит в том, что они обеспечивают принадлежность всех нас к единому человеческому роду и в то же время создают между нами индивидуальные различия.

Средовые детерминанты

К средовым детерминантам относятся влияния, которые делают нас похожими друг на друга, а также влияния, которые делают нас уникальными.

* В данной книге слово *pattern* переводится как *паттерн*. Оно имеет несколько значений. Одно из них близко к русским словам *характер* или *образ* (поведения, жизни и пр.). Но главное значение слова *pattern* — рисунок, узор с повторяющимися элементами. Ради этого второго значения в тексте сохраняется слово *паттерн*, которое более определено, чем слова *характер* или *образ*, указывает на повторяемость и закономерности, присущие психике и поведению человека. {Примеч. науч. ред. и пер.}

Культура. Одной из значимых средовых детерминант личности является опыт человека, связанный с его принадлежностью к определенной культуре. Каждая культура имеет свои собственные институционализированные и санкционированные паттерны поведения, ритуалов и верований, которые передаются через обучение. Это означает, что большинство представителей данной культуры будут обладать определенными общими личностными характеристиками. Поэтому мы часто не подозреваем о культурных влияниях до тех пор, пока не вступим в контакт с носителями другой культуры, которые иначе смотрят на мир и, может быть, бросают вызов взглядам, принятым в нашей культуре. Именно потому, что мы принимаем влияние культуры как само собой разумеющийся факт, оно пронизывает, по сути, все стороны нашего существования — то, как мы определяем наши потребности и способы их удовлетворения, наши переживания различных эмоций и то, как мы выражаем их, наши отношения с другими людьми и с самими собой, наши представления о смешном и грустном, наше отношение к жизни и к смерти, а также то, что мы считаем здоровым, а что — болезненным (Kitayama & Markus, 1994; Markus & Kitayama, 1991; Triandis, 1989).

Социальный класс. Хотя определенные паттерны поведения складываются благодаря влияниям, которым подвергаются все представители данной культуры, однако существуют и другие паттерны, возникающие вследствие принадлежности к определенному социальному классу. В личности индивида мало что можно понять без обращения к социальному классу, к которому принадлежит данный человек. Относится ли он к высшему или к низшему классу, к рабочему классу или классу квалифицированных специалистов — вопрос чрезвычайной важности. Классовый фактор определяет статус индивида, те роли, которые он исполняет в обществе, обязательства, которые он на себя принимает, и привилегии, которыми он пользуется. Этот фактор влияет на то, как индивид воспринимает себя и как он воспринимает представителей других социальных классов, а также и на то, как человек зарабатывает и тратит деньги. Подобно культурным факторам, классовые факторы оказывают воздействие на то, как человек определяет ситуацию и как реагирует на нее.

Семья. Помимо сходства поведения людей, детерминированного такими средовыми факторами, как принадлежность к одной культуре и к одному классу, факторы среды определяют и значительное разнообразие личностного функционирования внутри данного класса и данной культуры. Один из важнейших средовых факторов — это влияние семьи. Родители могут быть теплыми и любящими или враждебными и отвергающими, гиперопекающими и навязчивыми или понимающими потребность ребенка в свободе и автономии. Любой паттерн родительского поведения сказывается на развитии личности ребенка. Родители влияют на поведение своих детей тремя основными способами:

1. Своим собственным поведением они создают ситуации, которые формируют определенное поведение детей (например, фрустрация ведет к агрессии).
2. Они служат ролевыми моделями для идентификации.
3. Они выборочно вознаграждают, подкрепляют определенные действия.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГРАНИЦЫ СЕМЕЙНОГО ВЛИЯНИЯ

Долгое время специалисты по психологии личности и психологии развития полагали, что семья имеет первостепенное значение для формирования личности. А именно: считалось, что дети из одной и той же семьи имеют общие личностные характеристики в результате общих влияний среды, т.е. вследствие принадлежности к одной и той же семье. Но, как отмечалось в этой главе, генетики поведения — специалисты, изучающие связи между генетическим сходством и личностными характеристиками и таким образом стремящиеся обнаружить генетические влияния на личность, — пришли к выводу, что сиблинги, выросшие в одной семье, растут, тем не менее, *не в одной и той же среде*. Скорее семейная среда специфична для каждого отдельного ребенка. Более того, некоторые генетики считают, что влияние семейной среды на личность вообще не слишком велико! Они полагают, что гены играют большую роль в развитии личности, чем опыт проживания в семье, причем гены действуют не только непосредственно, но и опосредованно, порождая у разных индивидов разные реакции на одну и ту же среду. Например, агрессивные по темпераменту дети могут выбирать для себя иные среды, вызывать иные реакции со стороны окружающих и реагировать на те же внешние события иначе, чем

дети с пассивным темпераментом. Таким образом, утверждают эти генетики, даже если влияния среды имеют некоторое значение, то в большей степени это — влияния внесемейной среды и они сами в свою очередь обусловлены генетическими факторами. Эти заявления не могли не вызвать реакцию со стороны психологов, которые считают семейные отношения важнейшим фактором формирования как сходств, так и различий между сиблингами. В одном особенно интересном недавнем исследовании было обнаружено, что на отношение к романтической любви главным образом влияет общая семейная среда, а генетические факторы вряд ли вообще оказывают какое-либо влияние. Согласно авторам этого исследования, в полном соответствии с теориями, придающими семейным взаимоотношениям большое значение в развитии личности, «общая семейная среда играет заметную роль в детерминации стиля любви» (Waller & Shaver, 1994, p. 268).

Быть может, лучшее, что можно предложить в сложившейся ситуации, — это констатировать, что нам еще многое предстоит понять в том, как среда и гены взаимодействуют в формировании многообразных личностных характеристик.

Источники: Harris, 1995; Hoffman, 1991; Rowe, 1994; Scan, 1992; Waller & Shaver, 1994.

В последнее время исследователи сосредоточились на вопросе: почему дети из одной и той же семьи так не похожи друг на друга? Ответ заключается не только в различиях конституций детей, но и в различном опыте, пережитом ими в своей семье, и в различном опыте, пережитом за пределами семьи (Dunn & Plomin, 1990; Plomin et al., 1990; Plomin & Daniels, 1987). К удивлению многих разница в опыте сиблингов* (создающая для них фактически раздельную среду) может оказаться даже более важной для развития личности, чем опыт, объединяющий их как членов данной семьи.

Сверстники. Если общая семейная среда не так важна, как думали многие, тогда что же важно? Может быть, уникальный семейный опыт каждого ребенка? Недавно была предложена и другая альтернатива. Согласно этой точке зрения, именно окружение сверстников — тот фактор, который объясняет влияние среды на развитие личности: «Именно опыт пребывания в детских и подростковых группах, а не опыт пребывания в семье, объясняет, как среда влияет на развитие личности. На вопрос: "Почему дети из одной семьи так отличаются друг от друга?" (Plomin & Daniels, 1987) — можно ответить, что они имеют разный опыт вне дома, а их опыт внутри дома не делает их более похожими» (Harris, 1995, p. 481).

Здесь имеется в виду, что дети многому обучаются у себя дома, но эти влияния сказываются в домашней среде, а на фоне мощного влияния группы сверстников часто тускнеют. Таким образом, группа сверстников служит фактором социализации индивида, побуждая его принимать новые правила поведения и давая ему опыт, который оказывает длительное и устойчивое влияние на развитие личности. С этой точки зрения, отношения с родителями важны для раннего развития, но в дальнейшем более значимой для развития личности оказывается роль сверстников, и именно их влияние является более прочным.

Соотношение между генетическими и средовыми детерминантами

Как мы уже отмечали, психологи традиционно спорят, что важнее — среда или наследственность. В то же время все психологи, наверное, согласятся, что это бессмысленные дебаты, так как генетические признаки и средовые характеристики взаимодействуют между собой, т.е. нельзя говорить о какой бы то ни было среде без наследственности и о какой бы то ни было наследственности без среды. Таким образом, истинная задача психологов состоит в том, чтобы интерпретировать процесс развития как результат постоянно продолжающегося взаимодействия между генетическими и средовыми факторами. Например, рассмотрим понятие *диапазон реакции* (Gottesman, 1963)**. Суть этого понятия сводится к тому, что наследственность фиксирует некоторый набор возможных вариантов, а среда в итоге как бы выбирает один конкретный вариант. То есть наследственность может устанавливать диапазон, внутри которого дальнейшее развитие данного свойства определяется условиями среды. Например,

* Сиблинги — братья и сестры, имеющие общих родителей. (Примеч. науч. ред.)

** В отечественной литературе обычно употребляется термин «норма реакции». (Примеч. науч. ред.)

наследственность может очертить пределы музыкальных или спортивных способностей индивида, а среда определит конкретную степень и форму развития этих способностей.

Будучи в целом полезной, концепция диапазона реакции вместе с тем не может обрисовать активный процесс непрерывного взаимодействия между природой и воспитанием. Едва появившись на свет, младенцы не только подвергаются различным воздействиям среды, но и в зависимости от унаследованных конституциональных различий вызывают разные реакции со стороны среды. Например, гиперактивный ребенок вызывает у родителей совершенно иную реакцию, чем спокойный ребенок, очаровательный ребенок — иную реакцию, чем некрасивый, а девочка — не такую реакцию, как мальчик, и т.п. В дальнейшем человек будет стремиться выбирать себе среду частично в соответствии со своими конституциональными особенностями, а отчасти — в соответствии с прошлым опытом переживания удовольствия или боли в различных средах. Таким образом, мы имеем дело не с простыми причинно-следственными отношениями, а с постоянным взаимодействием между наследственностью и средой.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что личность детерминруется множеством взаимодействующих факторов, включая генетические, культурные, классовые и семейные влияния. Наследственность устанавливает диапазон развития характеристик; внутри этого диапазона характеристики детерминируются условиями среды. Наследственность обеспечивает нас способностями, которые культура будет либо не будет вознаграждать и культивировать. Взаимодействие этого множества генетических и средовых факторов можно наблюдать буквально в каждом значимом аспекте личности. Теория личности должна объяснить, как происходит развитие структур и паттернов поведения. Именно теория личности призвана объяснить, *что* развивается, *как* и *почему*.

Психопатология и изменение поведения

Чтобы объяснить все разнообразие поведения, полноценная теория личности должна включать анализ того, почему одни люди успешно справляются с повседневными стрессами и в целом удовлетворены жизнью, в то время как другие обнаруживают психопатологические реакции (отклонения поведения, вызванные психологическими причинами). Кроме того, такая теория должна предлагать способы психотерапии, т.е. способы, с помощью которых патологические формы поведения можно изменить. Хотя далеко не все психологи, занимающиеся личностью, являются психотерапевтами, полноценная теория личности должна тем не менее объяснить, как и почему люди меняются или, наоборот, сопротивляются изменениям.

Резюме

В этом разделе были рассмотрены пять основных предметных областей, которые должна учитывать и анализировать любая полноценная теория личности и по трактовке которых теории личности можно сравнивать между собой: структура, процесс, развитие, психопатология и изменение. Эти области представляют собой абстракции,

или способы концептуального расчленения нашего предмета; подобные концептуальные абстракции обнаруживаются и в других науках. Они определяют предметные области, которые должны быть охвачены теорией личности, — области, обозначаемые нами как «что?», «как?» и «почему?» в личности.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

Сквозь всю сравнительно короткую историю теории личности проходит несколько тем, или проблем, которые постоянно являются предметом спора теоретиков (Pervin, 1990). То, как решаются эти проблемы, в основном и определяет главные особенности каждой теоретической позиции. При рассмотрении различных теорий личности мы должны проанализировать, какое внимание уделяет каждый теоретик этим проблемам и как он их разрешает.

Философское представление о человеке

Какова природа человека? За всеми современными теориями личности явно или неявно стоит философское представление о природе человека. Например, одна из теорий рассматривает человека как организм, который размышляет, выбирает и принимает решение (рациональное представление о человеке), в то время как другая видит в человеке организм, который ведет себя иррационально, вынужденно, под влиянием влечений (представление о человеке как о животном); одна теория видит в человеке механизм, автоматически реагирующий на внешние стимулы (механистическое представление), тогда как другие смотрят на него как на систему, перерабатывающую информацию, подобно компьютеру (компьютерное представление).

Сторонники различных философских позиций, как правило, имели разный жизненный опыт и находились под влиянием разных исторических традиций. То есть, помимо научных фактов и доказательств, теории личности испытывают на себе влияние личности автора, а также духа времени и философских аксиом, характерных для представителей данной культуры и данной эпохи (Pervin, 1978b). Теории, хотя они и основываются на объективных фактах, избирательно выделяют какие-то определенные виды данных и в своих объяснениях выходят за рамки того, что известно, поэтому на них могут влиять культурные и личностные факторы. Разрабатывая психологическую теорию, мы в какой-то степени говорим о самих себе. Вообще-то в этом нет ничего страшного. Только когда личный опыт становится важнее, чем другие виды опыта, и ведет к игнорированию научных фактов, вот тогда личностный фактор в теории становится проблемой.

Внешние и внутренние детерминанты поведения

Детерминируется ли поведение человека внешними событиями, или же оно детерминируется внутренними процессами? В этом случае проблема касается соотношения между внешними и внутренними детерминантами. Все теории личности признают, что и факторы внутренней жизни, и события, происходящие

вокруг человека, играют важную роль в детерминации поведения. Тем не менее теории различаются по значению, которое придается внешним и внутренним детерминантам (Pervin & Lewis, 1978). Рассмотрим, например, различие между позицией Фрейда, согласно которой нами управляют неведомые внутренние силы, и позицией Скиннера, считающего, что «не человек воздействует на мир, а мир воздействует на человека» (Skinner, 1971, р. 211). В то время как фрейдисты считают, что человек активен и отвечает за свое поведение, сторонники Скиннера смотрят на человека как на пассивную жертву событий, происходящих в его окружении. Фрейд предлагает, чтобы мы фокусировали внимание на том, что происходит внутри человека, а по Скиннеру, эти усилия бессмысленны и подобны усердию глупца и с нашей стороны было бы мудро сконцентрироваться на факторах окружающей среды.

Хотя взгляды Фрейда и Скиннера представляют собой крайние позиции, которые отвергаются многими психологами, тем не менее большинство теорий склоняются, как чаши весов, либо к одному, либо к другому направлению. Периодически наблюдается смещение акцентов с внутренних факторов на внешние или наоборот, и иногда раздаются призывы исследовать соотношение между ними. Например, в 40-х годах один психолог стал протестовать против преобладающей тенденции переоценивать значение для личности внутренних (заклоченных в самом человеке) факторов по сравнению с внешними (средовыми) (Ichheiser, 1943). В 70-е годы другой психолог спрашивал: «А где же человек в личностных исследованиях?» (Carlson, 1971). Более поздние споры, касающиеся роли внутренних и внешних факторов в регуляции поведения, переросли в дилемму («контроверзу») «человек—ситуация». В своей книге «Личность и психодиагностика» («Personality and Assessment», 1968) сторонник теории социального научения Уолтер Мишел (Walter Mischel) критиковал традиционные теории личности за их увлечение стабильными и устойчивыми внутренними структурами, которое приводит к представлению о человеческом поведении как о чем-то неизменном во времени и в различных ситуациях. Вместо того чтобы подчеркивать основные личностные характеристики, которые функционируют независимо от внешних условий, Мишел утверждал, что изменения в окружении или во внешних условиях меняют и поведение человека. В результате поведение становится в какой-то мере ситуативно-специфичным, т.е. каждая внешняя ситуация действует независимо, влияя на поведение индивида.

Со времени публикации книги Мишела дилемме внешнего—внутреннего (или дилемме человек—ситуация) уделялось значительное внимание. Сначала велись интенсивные дебаты о том, люди или ситуации управляют поведением, и наконец сошлись на том, что важны и те и другие и что люди и ситуации взаимодействуют друг с другом (Endler & Magnusson, 1976; Magnusson & Endler, 1977). Почти все исследователи сегодня подчеркивают это взаимодействие, хотя фундаментальные разногласия все же сохраняются. Даже если принимается точка зрения, согласно которой важно все — люди, ситуации и их взаимодействия, все-таки остаются различия в теоретических позициях по поводу того, что в человеке с чем взаимодействует в ситуации и каким образом это происходит. Итак, дискуссия о соотношении внешних и внутренних факторов жива, и это

является одной из проблем, о которой надо помнить, когда обсуждаешь различные теоретические позиции (Pervin, 1985).

Согласованность поведения во времени и в разных ситуациях

Насколько устойчивой и внутренне согласованной является личность от ситуации к ситуации? Например, находясь в одном случае с друзьями, а в другом случае с родителями, до какой степени вы остаетесь «одной и той же личностью»? А если сравнить вечеринку и дискуссию в аудитории? А если говорить о согласованности во времени, то насколько похожа ваша нынешняя личность на ту, что была, когда вы были ребенком? И насколько похожей она останется через двадцать лет? И снова мы обнаруживаем, что теоретики личности занимают по этой проблеме разные позиции. Проблема внутренней согласованности личности в разных ситуациях связана с дилеммой «человек-ситуация», которая только что обсуждалась. В то время как одни теоретики предполагают, что человек очень устойчив и последователен в своем поведении в самых разных ситуациях, другие считают, что человек очень изменчив и в разных ситуациях он ведет себя фактически так, как вели бы себя разные люди. Хотя очевидно, что люди различаются между собой в этом отношении — одни более устойчивы и обладают большей согласованностью поведения, а другие более изменчивы, можно спросить: в целом человек все-таки скорее устойчив или изменчив в своем поведении от ситуации к ситуации? Мы можем сформулировать вопрос в более общем плане: как теория объясняет межситуативную согласованность и изменчивость, которые присущают в поведении каждого человека?

Обратимся к согласованности во времени. Некоторые теоретики подчеркивают преемственность личности во времени. С этой точки зрения ребенок — это «отец взрослого человека», и к тому времени, когда человек достигает возраста 25 лет или около того, личность становится как будто «отлитой из гипса» (Costa & McCrae, 1994a). Другие теоретики отмечают отсутствие преемственности между детством и взрослостью. С этой точки зрения не удивительно, что так трудно бывает предсказать, что выйдет из ребенка, а также не вызывает удивления, что взрослые избирают путь, не имеющий ничего общего с тем, чего от них ожидали в детстве. Действительно, некоторые психологи считают, что возможность на основании детства предсказывать взрослость весьма ограничена, особенно если учитывать все случайности, которые могут повлиять на развитие человека (Lewis, 1995).

Вопрос о личностной согласованности очень сложен, и ответы частично зависят от рассматриваемого аспекта личности. Можно ожидать, что люди по одним характеристикам будут более изменчивы, чем по другим, с большей легкостью отказываясь от каких-то второстепенных особенностей и с меньшей — изменяя кардинальные для личности, ядерные характеристики. Кроме того, эта проблема вертится вокруг определения согласованности, т.е. вокруг того, подразумевает ли согласованность то, что человек ведет себя всюду совершенно одинаково или же что его поведение отражает один и тот же лич-

ностный паттерн. Агрессивный ребенок может остаться агрессивным, став взрослым, но агрессивность может выражаться у него совсем по-другому. Будет ли это считаться согласованностью? Человек может по-разному выглядеть в разные моменты жизни или в разных ситуациях, но в своей основе, в том, что стоит за этим поведением, он может оставаться все тем же, точно так же как одной и той же остается химическая формула льда, воды и пара, несмотря на очень разную их внешнюю форму. Итак, теоретики различаются своими взглядами на то, в какой степени люди обнаруживают согласованность во времени и в различных ситуациях.

Единство поведения и понятие Я (self)

Как нам объяснить целостную природу множества наших проявлений, т.е. тот факт, что наше поведение, как правило, не случайно и хаотично, а организовано и упорядоченно? Большинство психологов согласны, что поведение человека — не просто результат действия каких-то конкретных составляющих элементов, но и результат взаимоотношений между этими элементами. До определенной степени это суждение верно и применительно к механической системе, такой, как автомобиль; это еще более верно применительно к живой системе, такой, как человеческое тело. Поведение человека состоит не из отдельных изолированных реакций, для него характерны *паттерн*, *организация* и *интеграция*. Подобно плавному бегу хорошей машины, все части действуют в гармонии друг с другом. Похоже, что они все действуют заодно в достижении общей цели, вместо того чтобы функционировать независимо друг от друга, стремясь к каким-то своим отдельным целям, что могло бы привести к конфликту между частями. Действительно, когда поведение выглядит дезорганизованным, мы подозреваем, что с человеком что-то не ладно. Как же тогда нам назвать этот паттерн и эту организацию? Откуда берется свойство интегрированности поведения? В этой связи часто используется понятие Я (self). Хотя многие психологи придают ему главное значение, другие так же радикально его отвергают.

Обычно к понятию Я прибегают по трем причинам. Во-первых, наше осознание самих себя представляет важный аспект нашего феноменологического или субъективного опыта. Во-вторых, есть много фактов, которые подтверждают, что наше представление о себе влияет на наше поведение во многих ситуациях. И в-третьих, как уже отмечалось, к нему прибегают, чтобы выразить организованные, интегрированные аспекты функционирования личности. В ответ на вопрос, так ли уж необходимо использовать понятие Я, известный психолог Гордон Оллпорт (Gordon Allport, 1958) заявил, что многие психологи тщетно старались объяснить интегрированность, структурированность и единство человеческой личности, не прибегая к понятию Я.

* В данной книге, как и в психологической литературе вообще, термином «Я» обозначаются два разных понятия — психоаналитическое *Ego* и рефлексивное *Self* (последнее активно используется в теориях К. Роджерса, Дж. Келли и др. и часто переводится также термином «Я-концепция»).

Содержание понятий *Ego* и *Self* частично пересекается, что, по-видимому, и дает авторам основание в заключительной главе книги объединить эти понятия под одной рубрикой — *Self*. (Примеч. пер. и науч. ред.)

Отказываясь от понятия Я, теоретики сталкиваются с необходимостью разработки альтернативного понятия, выражающего интегративные аспекты поведения. В то же время, если положиться на понятие Я, психологам придется дать такое определение Я, чтобы его можно было изучать строгими научными методами, а иначе о нем остается какое-то расплывчатое представление как о некоем странном существе, помещающемся где-то внутри нас. Таким образом, вопрос о том, как объяснить интегративные аспекты личности и насколько необходимо для этого понятие Я, остается главной заботой психологов личности.

Многообразные состояния сознания и понятие бессознательного

Насколько хорошо мы осознаем нашу внутреннюю психическую жизнь и причины нашего поведения? Пятая проблема, вызывающая постоянную озабоченность теоретиков личности, состоит в том, чтобы осмыслить роль многообразных состояний сознания в функционировании индивида (Kihlstrom, 1990; Pervin, 1996). Большинство психологов согласны с тем, что возможно существование различных состояний сознания. Распространение наркотиков вкупе с ростом интереса к восточным религиям и техникам медитации способствовало повышению внимания теоретиков к целому спектру альтернативных состояний сознания. Большинство ученых согласны с тем, что мы не всегда обращаем внимание на факторы, влияющие на наше поведение, и не всегда осознаем их. Тем не менее многих психологов не удовлетворяет теория бессознательного, разработанная Фрейдом, они считают, что она слишком многое пытается списать на бессознательное и не поддается эмпирическому исследованию.

Но как нам объяснить такие различные явления, как оговорки, сновидения и способность при некоторых обстоятельствах вспоминать события прошлого, которые, казалось, были прочно забыты? Это самостоятельные или связанные между собой явления? Должны ли мы интерпретировать их в понятиях бессознательного или возможны альтернативные объяснения? Как мы увидим далее, эта проблема важна не только в связи с теоретическим пониманием личности, но и в связи с измерением ее характеристик. Насколько мы можем положиться на точность сведений, которые люди сообщают о самих себе? Действительно ли они о каких-то вещах осведомлены хорошо, а о других и не догадываются? Что касается понятия Я, то можно ли сказать, что люди осознают все свои чувства по отношению к себе или часть этих чувств бессознательна? Если мы не догадываемся о каких-то важных для нас чувствах, как этот факт скажется на попытках измерить восприятие человеком своего Я?

Взаимоотношения между познанием, аффектом и внешним поведением

Насколько связаны между собой наши мысли, чувства и реальные действия? И в какой степени одно может оказаться влиятельнее другого, т.е. чувства ли меняют наши мысли или мысли меняют чувства? Или возможно и то и другое?

Личность включает в себя когниции (мыслительные процессы), аффекты (эмоции, чувства) и реальное поведение. Не все психологи признают, что все эти процессы заслуживают исследования, и даже если такое согласие существует, остаются разногласия, касающиеся взаимосвязей между процессами. Как мы увидим в дальнейшем, радикальный бихевиоризм фокусирует внимание на поведении и отказывается от изучения внутренних процессов, таких, как мысли и чувства. Позже, начиная с 50-х годов, в психологии происходила когнитивная революция, которая привела к доминированию когнитивных теорий. Довольно продолжительное время игнорировалась область чувств, хотя в последние годы наблюдаются очевидные признаки возрастающего интереса к аффектам -- к самим по себе и к тому, как они сказываются на мыслях и действиях.

Психологи личности различаются по тому, насколько серьезно они воспринимают каждую из этих областей функционирования личности и соответственно какой вес ей придают. Это особенно интересно, поскольку влияет на то, что собственно изучается, как проводится исследование и как диагностируется личность. То есть при изучении человеческого мышления, чувств и поступков используются разные методы исследования и диагностики личности. Психологи личности также различаются и по своим представлениям о причинно-следственных отношениях между мыслями, чувствами и поведением. Например, в то время как одни теоретики отдают первенство аффектам, другие первостепенной считают роль когниции в реальном поведении и в чувственной сфере.

Было бы интересно рассмотреть релевантность этих феноменов применительно к вашей собственной личности. Например, в какой степени ваша личность находит выражение в реальном поведении? Можно ли узнать все, что требуется знать о вас, из наблюдения за вашим поведением? Ознакомившись с вашими мыслями? Изучая ваши чувства? Или личность включает все три составляющие и, что самое важное, взаимосвязи между тем, что вы думаете, что вы чувствуете и как вы себя ведете? Оказывает ли изменение в одной из этих составляющих большее влияние, чем изменения в других? Что легче изменить — мысли, чувства или действия?

Влияние на поведение прошлого, настоящего и будущего

В какой степени мы являемся «пленниками нашего прошлого» по сравнению, например, с влиянием, которое оказывает на нас наше представление о будущем? Эта последняя рассматриваемая проблема касается значения прошлого, настоящего и будущего в регуляции поведения. Все теоретики согласны с тем, что на поведение оказывают влияние только факторы, действующие в настоящем. В этом смысле только настоящее и важно для понимания поведения. Но на настоящее может влиять отдаленное или недавнее прошлое. Точно так же на наши размышления о настоящем могут повлиять и мысли о ближайшем или отдаленном будущем. Люди очень сильно разнятся по тому, насколько они беспокоятся о прошлом или о будущем. И теоретики личности тоже

различаются по тому, будущее или прошлое они считают детерминантами настоящего. На одном полюсе находится психоаналитическая теория, которая придает большое значение усвоению раннего опыта. На другом полюсе находится когнитивная теория, которая акцентирует планы индивида на будущее. Тем не менее проблема заключается не в том, могут ли события, происшедшие в прошлом, оказывать долговременные влияния на личность или могут ли ожидания будущего сказываться на настоящем (теоретики, безусловно, признают, что и то и другое не только возможно, но и происходит на самом деле). Проблема заключается в том, как теоретически описать роль прошлого опыта и роль предвосхищения будущего и увязать их влияние с тем, что происходит в настоящем.

Резюме

Пытаясь объяснить «что», «как» и «почему» в функционировании человека, теоретики личности сталкиваются с множеством проблем. Здесь были упомянуты семь наиважнейших: 1) философский взгляд на человека; 2) связь между внутренними (личностными) и внешними (ситуативными) факторами в детерминации поведения; 3) согласованность проявлений личности в разных ситуациях и во времени; 4) понятие Я и способ, которым можно объяснить организованность личностного функционирования; 5) роль многообразных состояний сознания и понятие бессознательного; 6) взаимоотношения между познанием, аффектом и поведением; 7) роль прошлого, настоящего и будущего в регуляции поведения.

Конечно, есть много других тем и проблем, которые рассматриваются в психологии личности и играют свою роль в объяснении различий между теориями, но у нас была определенная цель — указать наиболее важные из них. Значение этих и других проблем будет постепенно проясняться, по мере того как в последующих главах мы будем знакомиться с позициями различных теоретиков.

ОЦЕНКА ТЕОРИЙ

В определенном смысле мы все являемся теоретиками личности и личностными психологами, т.е. мы все разрабатываем способы получения информации о людях, строим предположения о том, как они поведут себя, проверяем себя последующими наблюдениями и, если надо, пересматриваем свои взгляды (G.A. Kelly, 1955). Профессиональных теоретиков от обычных людей в их повседневной деятельности отличает то, что профессионалы делают свои теории эксплицитными (явными, артикулированными) и подвергают их более систематической проверке. В повседневной жизни мы довольствуемся имплицитными теориями (неявными, непроговоренными), редко затрачивая усилия на то, чтобы их артикулировать или придать им некоторую организованную форму, в то время как в качестве профессиональных психологов мы создаем теорию, которая доступна и ясна окружающим, четко определяя базовые элементы и процессы, регулирующие, по нашему мнению, поведение человека.

Если продолжить эту аналогию дальше, то каким образом можно сравнить оценку наших житейских теорий с тем, что называется научной оценкой тео-

рий в психологии личности? В своей повседневной жизни мы хотим найти, главным образом, паттерн, повторяемость, предсказуемость событий. Не будь мы способны увидеть порядок и предсказуемость, мир показался бы нам хаосом. Как бы мы тогда смогли функционировать? Чем больше событий мы можем объяснить и предвидеть, тем лучше мы действуем. Кроме того, поскольку от нас часто требуется что-то быстро решать, то для интерпретации событий нам надо найти такую систему, которая была бы по возможности проста и легка для использования. И последнее, понимая, что мы не застрахованы от ошибок и являемся, в лучшем случае, несовершенными учеными, мы должны быть готовы признать ошибки и внести коррективы в свои представления. Хотя зачастую мы не хотим этого, однако время от времени мы должны проверять свои идеи и решать, в какой степени мы можем им доверять. Нередко мы обманываем себя, истолковывая информацию в свою пользу или очень неохотно принимая факты, но все-таки в целом мы вынуждены в какой-то степени пересматривать свои взгляды или свои имплицитные теории.

Эти базовые принципы, которым большинство из нас следуют в повседневной жизни, имеют сходство с принципами ученых-психологов, хотя, как уже было сказано, здесь есть разница. Как уже отмечалось, правила науки требуют, чтобы теории были как можно более эксплицированы, а не оставались лишь подразумеваемыми, как это бывает в обыденных представлениях. Кроме того, мы собираем информацию от случая к случаю, а правила науки требуют, чтобы сбор информации велся систематически, с тем чтобы другие ученые могли проверить нас и получить факты, идентичные тем, которые получили мы с помощью наблюдения.

Если говорить об оценке теорий, то критерии, используемые специалистами в области изучения личности, аналогичны тем, которыми пользуется житейская психология, и вытекают они из основной функции научной теории — организовывать уже существующую информацию и предсказывать новые научные результаты. Критериями для оценки теорий личности являются *широта охвата*, *экономность* (или *простота*) и *релевантность по отношению к эмпирическим исследованиям* (Hall & Lindzey, 1957). Как и в случае с житейской психологией, эксплицитные теории личности можно оценить в зависимости от того, как много данных можно просто и экономно интерпретировать с их помощью и насколько эти теории пригодны для предвидения и объяснения событий. Ранее уже было сказано, что функции науки заключаются в том, чтобы организовать то, что уже известно, и указать, где возможно открытие того, что еще неизвестно. Первые два критерия — широта охвата и экономность относятся к организующей функции теории, третий критерий — релевантность относится к направляющей функции.

Широта охвата

Хорошая теория всеобъемлюща, т.е. касается многих тем и объясняет широкий спектр данных. Такая теория затрагивает каждую из тех предметных областей, которые мы обсуждали ранее. Здесь имеет значение, сколько разных категорий феноменов теория может объяснить. Однако мы не должны руковод-

ствоваться только количественной мерой. Ни одна теория не может объяснить все, поэтому мы обязаны задать и такой вопрос: а являются ли феномены, которые объясняются данной теорией, столь же важными и значимыми в поведении человека, как и феномены, охваченные другой теорией? Важно понимать, что широта охвата означает как количество, так и значимость фактов, которые способна объяснить теория.

Решив, насколько широко теория охватывает материал психологии личности, мы также хотели бы знать, насколько конкретизирована теория в отношении тех событий, которые она рассматривает. Другими словами, нам нужно, чтобы теория не только охватывала множество различных явлений, но и была точна и конкретна в их освещении. Хорошая теория личности не только должна позволять нам предвидеть множество событий, но должна также делать наши предсказания конкретными и определенными.

Для описания рассматриваемых критериев можно использовать заимствованные из радиотехники термины **широта диапазона (bandwidth)** и **точность (fidelity)**. Понятие широты диапазона связано со спектром феноменов, охватываемых теорией, который можно было бы назвать зоной применимости, а понятие точности связано с теми феноменами, которые данная теория объясняет наиболее удачно и которые поэтому могут быть названы фокусом применимости. Здесь можно провести аналогию с радио. Действительно, первоклассный приемник ловит* множество станций (широта диапазона), и сигнал от каждой станции должен быть очень ясным и чистым, без помех (точность). Аналогичным образом первоклассная теория личности должна объяснять широкий спектр явлений с большой ясностью и определенностью. Тем не менее часто нам приходится делать выбор между широтой и точностью. Один радиоприемник дает возможность улавливать больше сигналов, но с меньшей четкостью, другой ловит сигналы с большей четкостью, но в ограниченном диапазоне волн. Аналогичным образом теории личности часто оказываются сильнее в широте охвата либо в точности, охватывая или больший диапазон явлений с меньшей степенью конкретности, или же более узкий диапазон явлений, но с большей степенью конкретности. Таким образом, хотя мы и признаем, что оба критерия — широта охвата и конкретизация, или широта диапазона и точность, важны и желательны, однако мы должны быть готовы к тому, что иногда приходится делать выбор между ними.

Экономность

Наряду с широтой охвата теория должна отвечать таким критериям, как простота и экономность. Она должна объяснять различные явления экономно и внутренне непротиворечиво. Теория, которая для каждого отдельного аспекта поведения требует специального понятия, а также допускает, чтобы понятия противоречили друг другу, — это плохая теория. Эти цели простоты и полноты охвата в свою очередь ставят вопрос о приемлемом уровне систематизации и абстракции в теории личности. Когда теории становятся более широкими по охвату и более экономными, они, как правило, становятся и более

абстрактными. Поэтому очень важно, чтобы, становясь абстрактной, теория сохраняла понятия, которые четко относились бы именно к данному изучаемому аспекту поведения. Иными словами, мы не должны расплачиваться туманностью и нечеткостью понятий за то, чтобы теория стала более экономной.

Релевантность теории по отношению к эмпирическим исследованиям

В конечном итоге дело не в том, верна теория или ошибочна, а в том, можно ли ее использовать или нет. Хорошая теория обладает исследовательской релевантностью, т.е. порождает новые гипотезы, которые можно подтвердить систематическими исследованиями. Хорошая теория обладает тем, что Холл и Линдзей (Hall & Lindzey) называют *эмпирической трансляцией*: она конкретизирует переменные и понятия таким образом, чтобы добиться всеобщего согласия по поводу их значений и возможности их эмпирического исследования. Эмпирическая трансляция означает, что понятия в теории четки, эксплицитны и способствуют расширению знания; они должны обладать и прогностической силой, т.е. позволять предсказывать поведение человека. Иными словами, теория должна содержать проверяемые гипотезы о взаимосвязях между явлениями. Теория, которая недоступна *негативной проверке*, т.е. такая теория, которую нельзя опровергнуть, — это плохая теория; она приводит к спорам и дискуссиям, но не ведет к научному прогрессу. Какова бы ни была конечная судьба теории, если она привела к новым открытиям или к созданию новых методов исследования, то она уже внесла немалый вклад в развитие науки.

Резюме

Критерии широты, экономности и исследовательской релевантности создают хорошую базу для сравнительной оценки теорий личности. Однако, сравнивая теории, мы можем задаваться еще двумя вопросами: адресуются ли они все к одним и тем же феноменам? Находятся ли они на одном уровне развития? Две теории, которые имеют дело с разными видами поведения, могут быть оценены, каждая в отдельности, по этим трем критериям. Однако нам совсем не обязательно выбирать между ними, любая теория может привести нас к новым идеям, да при этом очень вероятно, что в какой-то момент их можно будет интегрировать в одну, более широкую теорию.

И последнее, новая и еще недостаточно развитая теория, возможно, будет не способна объяснить многие явления, но она может привести к нескольким важным наблюдениям и в перспективе развиться в более широкую по охвату теорию. Возможно, такая теория не в состоянии объяснить феномены, проинтерпретированные другой, более устоявшейся и общепринятой теорией, но она может осуществить прорыв в важных областях, оставшихся еще незатронутыми. Она подобна новой идее, которую нужно еще проверять и проверять, но которая может объяснить феномены, до этого казавшиеся загадочными и необъяснимыми.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В области психологии личности полно проблем, которые проводят четко очерченные границы между учеными, разделяя их на альтернативные соперничающие школы. Важно понимать, что подобные теоретические различия существуют всегда и их нельзя быстро разрешить посредством дискуссий и доказательств, полученных экспериментальным путем. Социальные науки находятся все еще на ранней стадии развития. Поэтому нас не должно удивлять, что соперничающие между собой школы заявляют об одном и том же стремлении к пониманию реальности, но при этом акцентируют различающиеся наблюдения и различающиеся способы исследования.

В чем тогда заключается роль теории в изучении личности? Замысел этой книги состоит в том, чтобы показать, что теория важна для понимания и объяснения человеческого поведения. Мы можем справедливо критиковать теории личности — это многие делают, и часто мы можем вообще отвернуться от теории и посвятить себя скрупулезному исследованию тех или иных проблем — это также делают многие. Но в конечном итоге теория необходима, и хорошая теория личности обязательно будет создана.

Позиция, которой мы придерживаемся в данной книге, состоит в том, что мы всегда руководствуемся теорией в стремлении изучить и понять людей. Весь вопрос заключается в том, в состоянии ли мы ясно артикулировать и проверять свои теории. Задача психологов — сделать свои теории эксплицитными и доступными для научного эксперимента. В идеале теория личности должна содержать законы, которые помогают нам понять, почему каждый человек уникален, а также почему люди похожи. Чтобы найти такие законы, мы должны создавать теории, которые позволят систематизировать все, что нам известно, и дадут возможность совершать открытия, двигаясь по пути в неизвестное.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Личность (Personality). Характеристики человека, которые отвечают за согласованные проявления поведения.

Структура (Structure). Понятие теории личности, которое относится к наиболее устойчивым и прочным аспектам личности.

Процесс (Process). Понятие теории личности, которое от-

носится к мотивационным аспектам личности.

Широта диапазона (Bandwidth). Понятие, обозначающее спектр явлений, которые охватываются теорией.

Точность (Fidelity). Понятие, характеризующее конкретность и ясность теории в отношении охватываемых ею явлений.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Мы все действуем, как психологи личности, пытаясь наблюдать, объяснять и предсказывать поведение человека.
2. Теории личности ставят вопросы, касающиеся функционирования человека: «что?» (структура), «почему?» (процесс) и «как?» (рост и развитие). Они также ставят вопросы, касающиеся природы психопатологии и личностных изменений.
3. Есть целый ряд проблем, над которыми бьются теоретики на протяжении всей относительно короткой истории психологии личности. Ответы, предлагаемые для решения этих проблем, играют главную роль в определении наиболее существенных характеристик каждой отдельной теории.
4. По сравнению с обычным человеком специалист в области научной психологии личности осуществляет более систематические наблюдения, делает свои теории более эксплицитными (явными) и создает более строгие методы проверки конкретных предсказаний.
5. Оценивая теории, мы в первую очередь пользуемся критериями широты охвата, экономности и исследовательской релевантности.
6. Теории систематизируют накопленное знание (то, что уже известно) и предлагают ответы на вопросы о том, что еще неизвестно. Хотя роль теории в изучении личности постоянно оспаривалась, мы исходим из того, что теория важна для понимания и объяснения человеческого поведения.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

ДАННЫЕ, КОТОРЫМИ ОПЕРИРУЕТ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАДЕЖНОСТЬ, ВАЛИДНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

- Надежность
- Валидность
- Этика исследования и влияние науки на организационные и политические решения

ТРИ ОСНОВНЫХ ПОДХОДА К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

- Изучение отдельных случаев и клиническое исследование
 - • Реакции на стресс военных сражений
- Лабораторные исследования и эксперимент
 - • Выученная беспомощность
- Личностные вопросники и корреляционные исследования
 - • Внутренний и внешний локусы контроля (интернальность—экстернальность)
 - • Причинные (каузальные) атрибуции: стиль объяснения

Вопросник атрибутивного стиля (ASQ)

Объяснительный стиль

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ

- Изучение отдельных случаев и клиническое исследование: достоинства и недостатки • «Использование словесных отчетов
- Лабораторные, экспериментальные исследования: достоинства и недостатки
- Корреляционные исследования и вопросники: достоинства и недостатки
- Итоговая оценка достоинств и недостатков

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ И СЛУЧАЙ ДЖИМА

- Автобиографический очерк

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В ФОКУСЕ ГЛАВЫ

Три студента, изучавшие психологию личности, вместе работали над исследованием зависимости академической успеваемости от мотивации достижения. При первой же встрече они осознали, что совершенно расходятся во взглядах на то, как надо действовать. Алекс убежден, что самый лучший подход — проследить за одним студентом на протяжении всего семестра, тщательно записывая всю необходимую информацию, имеющую отношение к делу (оценки успеваемости, изменения в мотивации, эмоции по поводу разных лекций и т.д.), это даст полную и законченную картину. Но Саре не очень нравится идея Алекса, потому что его выводы будут приложимы только к одному-единственному человеку. Ее предложение заключается в том, чтобы придумать набор вопросов и письменно опросить по ним как можно большее число студентов. Ну, а Майкл считает, что лучший способ изучить проблему — это провести эксперимент. Его предложение — сделать так, чтобы одна группа студентов была сильно мотивирована, а другая — не мотивирована, и затем оценить, насколько успешно обе они выполняют контрольную работу. *Изучение конкретных случаев, применение вопросников и лабораторный эксперимент* — вот три главных методологических подхода, используемых в исследованиях личности. В этой главе сначала рассматриваются четыре типа информации, или четыре типа данных, которые исследователи личности собирают о людях. Затем мы проанализируем три главных подхода к исследованию и продемонстрируем относительную силу и слабость этих подходов на примерах исследований стресса, беспомощности и локуса контроля. Мы покажем, что теории личности обычно различаются используемыми методами диагностики и подходами к исследованию, т.е. мы продемонстрируем, что существует связь между содержанием наших теорий и тем, как мы подходим к исследованию людей. В конце главы мы остановимся на личностных и социальных факторах, которые оказывают влияние на все этапы исследования — от постановки проблемы до разработки соответствующих практических рекомендаций.

Вопросы, на которые отвечает данная глава

1. Какого рода информацию важно получить, когда мы проводим исследование?
2. Что мы имеем в виду, когда говорим, что наши наблюдения должны быть надежными и валидными?
3. Как поступать, когда мы хотим заняться изучением людей? Должны ли мы проводить исследование в лаборатории или в естественных условиях? Используя самоотчеты или же отчеты других людей? Нужно ли изучать множество испытуемых или достаточно одного-единственного?
4. Что и в какой степени меняется в зависимости от вида данных, которые мы используем при изучении людей? При изменении методологическо-

го подхода к исследованию? При изменении теоретической позиции? Другими словами, насколько человек, изученный разными способами и с разных теоретических позиций, будет все-таки восприниматься как один и тот же человек?

В главе 1 мы сказали, что все люди — в какой-то степени теоретики в области психологии личности и что научные психологические теории от житейских отличается то, что первые более эксплицитны и более пригодны для систематического исследования. Аналогичным образом мы все являемся и эмпирическими исследователями личности, так как замечаем различия между людьми и наблюдаем согласованные паттерны поведения у одного и того же человека. Однако «исследования», проводимые обычными людьми, все-таки отличаются от научных. Как ученые, мы должны сделать наши идеи эксплицитными и должны организовать наблюдения определенным образом. Мы следуем установленным процедурам, чтобы обеспечить как можно большую точность наших наблюдений и их воспроизводимость другими исследователями. И поскольку мы являемся учеными, то следуем определенным процедурам, чтобы выяснить, надежны ли и устойчивы ли наши наблюдения или же они случайны и ошибочны. Делая свои исследования достоянием публики через публикации статей, мы даем другим исследователям возможность воспроизвести наши факты, проверить наши данные и перепроверить наши выводы. Вряд ли в своей повседневной жизни мы делаем это сколько-нибудь целенаправленно и систематически.

Научное исследование предполагает систематическое изучение взаимосвязей между событиями. Как правило, теория направляет наше внимание на конкретные проблемы, которые надо исследовать, а исследование говорит нам, насколько успешно работает теория и как разрабатывать ее дальше. Таким образом, теория и исследование тесно связаны друг с другом. Теория без исследования — всего лишь спекуляция, а бесконечные исследования без теории — всего лишь бессмысленное собирание фактов.

ДАННЫЕ, КОТОРЫМИ ОПЕРИРУЕТ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Какие данные представляют интерес для психологов, изучающих личность? Какую информацию мы рассчитываем получить, когда проводим систематическое изучение человека? Психологи определили четыре категории информации, или четыре категории данных, которые используются в исследовании (Block, 1993). Это **жизненные записи (L-данные, от слова «life»)**, **данные наблюдений (O-данные, от слова «observer»)**, **данные тестирования (T-данные, от слова «test»)** и **данные самоотчетов, или самооценок (S-данные, от слова «self-report»)**. Эти четыре вида данных удобно запомнить с помощью акронима* **LOTS** (множество), так как психологам-личностникам приходится собирать *множество* данных о людях.

* *Акроним* — слово, составленное из первых букв слов, о которых идет речь. Все акронимы, встречающиеся в тексте, мы не переводим, так как составить акроним из соответствующих русских терминов не представляется возможным. (Примеч. пер.)

Л-данные представляют собой информацию о человеке, которую можно получить из фиксируемых в разных учреждениях и в разных документах записей о различных событиях его жизни. Например, если кто-то интересуется связью между интеллектом и школьной успеваемостью, он может использовать отметки в классных журналах. Или, если заинтересоваться связями между личностью и преступностью, можно использовать судебные записи арестов, предъявленных обвинений и приговоров в качестве критериев преступного поведения. О-данные представляют собой информацию, получаемую от осведомленных наблюдателей, таких, как родители, друзья или учителя. Подобные данные, как правило, получают в форме оценок личностных свойств. Так, например, друзей можно попросить оценить индивида по таким личностным характеристикам, как дружелюбие, экстраверсия или добросовестность. В некоторых исследованиях наблюдателей специально обучают, чтобы они вели постоянное наблюдение за людьми в их повседневной жизни и на основе своих наблюдений оценивали личностные характеристики. Например, воспитателей в детском лагере можно обучить наблюдению за поведением детей. Интересующие нас данные о личности могут быть собраны с помощью наблюдения за определенным поведением (например, за вербальной агрессией, физической агрессией, подчинением) или с помощью оценок более общих личностных характеристик (например, уверенности в себе, эмоционального благополучия, навыков общения) (Shoda, Mischel & Wright, 1994; Sroufe, Carlson & Shulman, 1993).

Как становится ясно из этих примеров, О-данные могут состоять из наблюдений за очень узкими и конкретными областями поведения или из более общих оценок, сделанных на основе наблюдений. Кроме того, данные о любом индивиде могут быть получены либо от одного, либо от множества наблюдателей (например, от одного друга или от множества друзей; от одного учителя или от множества учителей). В последнем случае можно проверить согласованность данных, поступивших от разных наблюдателей, т.е. их надежность.

Т-данные состоят из информации, полученной с помощью экспериментальных процедур или с помощью стандартизованных тестов. Например, способность терпеливо переносить отсрочку удовлетворения потребностей можно измерить, определив, как долго ребенок будет трудиться над заданием ради большего вознаграждения, сравнив эту ситуацию с той, где предлагается меньшее вознаграждение, но зато немедленно (Mischel, 1990). Выполнение заданий по стандартизованным тестам, таким, как тесты на интеллект, тоже может служить примером Т-данных.

И наконец, S-данные содержат информацию, предоставленную испытуемым о самом себе. Обычно такие данные получают в форме ответов на вопросы. В этих случаях человек принимает на себя роль наблюдателя и оценивает самого себя по шкалам (например: «Я добросовестный человек»). Личностные вопросы могут быть посвящены какой-то одной личностной характеристике (например, оптимизму) или могут пытаться охватить всю структуру личности в целом.

Рассмотрев четыре категории данных, мы теперь можем задать вопрос: в какой степени показатели, полученные на основе различных данных, согласуются между собой? Если человек оценивает себя по такой характеристике, как

добросовестность, высоко, то оценят ли его так же и другие (например, друзья, учителя)? Если индивид получает высокую оценку по такой характеристике, как депрессия, по вопроснику, предоставят ли сходную информацию оценки, данные профессиональным интервьюером? Если индивид сам оценивает себя как экстраверта, получит ли он такую же оценку своей экстраверсии в лабораторном эксперименте (например, участвуя в групповой дискуссии), специально организованном для измерения этой черты? Мы знаем, что баллы, полученные с помощью вопросников, часто расходятся с оценками, полученными в лабораторных условиях. Вопросники, как правило, содержат более широкие и обобщенные суждения в отношении огромного разнообразия ситуаций (например: «Вообще я человек довольно уравновешенный»), в то время как в результате экспериментальной процедуры личностные характеристики измеряются в сугубо конкретном контексте. Таким образом, Т-данные и S-данные, как правило, различаются.

А как обстоит дело с отношениями между самоотчетами и оценками внешних наблюдателей — между S-данными и О-данными? В этом случае мнения психологов расходятся. Одни психологи считают, что оценки черт личности, которые дают друзья и супруги, в основном подтверждают самооценки, тогда как другие психологи в этом сомневаются и считают, что самооценки и оценки, данные внешними наблюдателями, приводят к разным результатам (Coyne, 1994; John & Robins, 1994a; Kenny et al., 1994; McCrae & Costa, 1990; Pervin, 1996). Если оцениваемый признак имеет высокую значимость для человека (например, глупость, добросердечность), тенденциозности самовосприятия вторгаются в процесс оценивания, снижая тем самым степень соответствия между самооценками и оценками сторонних наблюдателей (John & Robins, 1993, 1994a). Кроме того, об одних личностных характеристиках легче судить, чем о других, потому что они более доступны для внешнего наблюдения (например, общительность в отличие от невротизма), что приводит к более высокой согласованности между самооценками и оценками наблюдателей, так же как и к большей согласованности между оценками, данными одному и тому же человеку различными наблюдателями (Funder, 1989, 1993, 1995; John & Robins, 1993). К этому можно добавить, что некоторые индивиды, очевидно, легче «прочитываются», т.е. о них легче составить определенное мнение, чем о других (Colvin, 1993). В то время как «открытых» людей легко «читать» и легко оценивать с довольно большой точностью и согласием между друзьями, есть люди, которые для окружающих оказываются закрытой книгой, в результате чего оценки их личности, данные разными наблюдателями, имеют большой разброс. Другими словами, «читабельность» (т.е. возможность легко составить свое суждение о данной личности) сама по себе может считаться личностной характеристикой. Итак, мы не можем с уверенностью утверждать, что характеристики личности, полученные из разных источников, всегда будут обнаруживать большое сходство между собой.

Если личностные показатели, измеренные разными методами, могут так отличаться друг от друга, то можно ли сказать, что один способ измерения лучше, точнее, валиднее (достовернее), чем другой? И снова мы сталкиваемся со сложным вопросом, на который трудно дать простой, однозначный ответ.

Каждая категория данных имеет свои достоинства и свои недостатки, и часть психологов предпочитают один источник данных, а часть — другой. Например, есть психологи, которые отвергают многие виды S-данных и утверждают, что люди не только сознательно лгут о себе, но часто бессознательно искажают действительное положение вещей. В то же время многие психологи считают, что если вы хотите что-то узнать о человеке, то лучшее, что вы можете сделать, — это спросить его самого (Allport, 1961; G.A. Kelly, 1955). И если одни психологи полагают, что лучший способ измерения личности — это оценки, полученные от внешних наблюдателей, хорошо знающих человека, то другие считают, что разные люди часто оценивают одного и того же человека совершенно по-разному (Hofstee, 1994; John & Robins, 1994a; Kenny et al., 1994). И тогда как одни психологи уверены в том, что «золотой запас» научного знания о личности состоит из объективных измерений поведения при строго определенных экспериментальных условиях, другие сомневаются в том, что на основе подобных данных можно предсказывать поведение индивида в естественных условиях. Короче говоря, исследователи личности расходятся в оценке достоинств различных категорий данных.

Несмотря на эти различия, почти все специалисты в области психологии личности в принципе готовы использовать любую из этих четырех категорий данных, но с разными целями. Например, если вы заинтересованы в исследовании субъективного опыта человека — того, как он переживает и воспринимает себя и других, тогда, очевидно, необходимо использовать самооценочные измерения. Вместе с тем, если вы заинтересованы в исследовании успешности выполнения реальных задач, тогда, очевидно, лучше использовать данные объективного тестирования. В идеале лучше всего было бы получать в наших исследованиях разные категории данных об одних и тех же испытуемых. Тем самым можно было бы попытаться составить всеобъемлющую картину личности и понять, почему конкретные измерения согласуются или не согласуются друг с другом. Действительно, в этой книге у нас будет возможность рассмотреть взаимосвязи между разными категориями данных, полученными на основании наблюдений за одним и тем же человеком. Мы считаем, что это стоящее предприятие, которое к тому же слишком редко практикуется в нашей области знаний. Причина этого состоит в том, что исследования, которые включают в себя интенсивное изучение отдельных людей с применением различных категорий данных, требуют очень большого времени. Кроме того, они редко позволяют проверить конкретные гипотезы или дать прямые ответы на теоретические вопросы. Подобные исследования скорее носят поисковый характер, хотя потенциально их результаты представляют очень большую ценность. И наконец, как уже отмечалось, такие исследования нарушают характерную для психологов личности традицию отдавать предпочтение тому или иному виду данных.

Так какого же рода информацию вы хотели бы получить, если вам хочется узнать о личности конкретного человека? Захотите ли вы задать ему вопросы о нем самом (S-данные)? Предпочтете ли положиться на свои наблюдения или на наблюдения других людей (О-данные)? Или воспользуетесь документированными записями по интересующим вас вопросам (L-данные)? А может быть, вы подвергнете этого человека тестированию или объективным эксперимен-

тальным процедурам (Т-данные)? Редко в повседневной жизни нам удается получить столь разностороннюю информацию о человеке, так что мы обычно довольствуемся каким-либо одним из двух видов информации — тем, что люди сообщают о себе сами, и тем, что мы можем сказать о них на основе своих и чужих наблюдений. Но даже в этом случае часто приходится сталкиваться с расхождениями между источниками информации: то, что люди говорят о себе, не согласуется с тем, что о них говорят другие, или с тем, что мы наблюдаем сами. Что же тогда нам делать? Как разобраться с разноречивыми представлениями об одном и том же человеке? Значит ли это, что один источник данных более достоверен, чем другие, или это рассогласование объясняется как-то иначе? Из обсуждения подобных вопросов можно только заключить, насколько сложна наша область знания — психология личности. Мы хорошо продвинулись в разработке личностных характеристик, и наши методы исследований стали весьма изощренными. Как мы увидим в следующем разделе, разработаны критерии для определения научной ценности различных способов измерения. И теперь это явно зависит не только от личного вкуса исследователя. Тем не менее нам никуда не уйти от понимания того, что измерения личности, получаемые с помощью различных категорий данных, могут сильно отличаться друг от друга и что не существует однозначного, универсального ответа на вопрос, какой источник данных лучше всех, точнее всех и достовернее всех. Если мы принимаем людей во всей их сложности и понимаем трудность исследования личности, то мы должны быть готовы к обескураживающим вопросам и к неокончательным ответам.

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ: НАДЕЖНОСТЬ, ВАЛИДНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

Есть ряд целей, которые объединяют всех без исключения ученых. В любом исследовании мы стремимся к систематическим наблюдениям, которые можно воспроизвести и которые относятся к интересующему нас понятию, т.е. в любом исследовании мы стремимся к надежным и валидным наблюдениям.

Надежность

Понятие надежности указывает на то, в какой степени наши наблюдения стабильны, надежны и воспроизводимы. Есть много разных видов надежности и много разных факторов, которые ее снижают. Тем не менее самый существенный критерий для всех научных исследований — это возможность повторения или воспроизведения другими исследователями наблюдений, о которых сообщается в публикации. Прежде чем приступить к теоретическим интерпретациям, мы должны быть уверены, что располагаем стабильными, устойчивыми фактами наблюдений.

Какие же факторы могут привести к появлению ненадежных наблюдений? Если говорить об испытуемом, то в том случае, когда его действия в значительной степени и несистематическим образом зависят от таких переменчивых факто-

ров, как установка или настроение, тогда есть вероятность, что наши наблюдения будут ненадежными. Например, если человек выполняет один и тот же личностный тест дважды, но в разные дни и в какой-то из этих дней его ответы изменятся под влиянием случайного события, которое произошло именно в этот день, то результаты двух предъявлений одного и того же теста будут различаться. В итоге это приведет к низкой согласованности, или к низкой надежности, что превращается в проблему, если тест предназначался для измерения стабильных личностных характеристик, относительно не зависящих от настроения или состояния.

Если говорить об экспериментаторе, то к снижению надежности могут привести изменения в инструкции, которая дается испытуемым, а также изменения процедуры измерения или интерпретации ответов. Например, небрежность в подсчете тестовых оценок или неопределенность в правилах интерпретации оценок приводит к несогласованности между разными исследователями, или к их низкой надежности.

Валидность

Наблюдения должны быть не только надежными, но и валидными (достоверными). Понятие **валидности** связано с вопросом о том, насколько наши наблюдения действительно отражают именно те явления или параметры, которые нас интересуют. Что толку в самых надежных наблюдениях, если они не имеют отношения к тем явлениям, с которыми мы их предположительно связывали? Допустим, что у нас есть надежный тест для измерения таких черт личности, как невротизм или экстраверсия, но нет доказательств, что этот тест измеряет именно то, для чего мы его предназначали. Что толку от такого измерения? Допустим, что мы примем определенные действия за проявления невротизма, а они на самом деле выражают что-то другое. Что толку от такого измерения? В некоторых других сферах жизни подобные проблемы выглядят тривиальными. Например, мы знаем, что безмен — одновременно и надежный, и валидный инструмент для измерения веса, и мы знаем, что линейка — одновременно и надежный, и валидный инструмент для измерения длины. Но откуда мы знаем, что определенное поведение есть выражение экстраверсии или что ответы на определенные пункты вопросника служат показателем невротизма?

К сожалению, в исследованиях личности не так уж редко бывает, что разные тесты или разные эмпирические показатели одного и того же понятия не совпадают по результатам друг с другом. Тогда какой же из показателей истинный, или валидный? Если у нас есть два разных результата измерения температуры, откуда мы узнаем, какой из них истинный, т.е. валидный? Ответ таков: тот результат измерения, который окажется наиболее надежным и наиболее полезным с теоретической точки зрения. Если теперь у нас есть два разных эмпирических показателя некоторого понятия из области психологии личности, откуда мы узнаем, которое из них истинное, или валидное? И здесь мы тоже будем учитывать надежность, осмысленность и полезность наблюдений. Итак, валидность рассматривается как степень нашей уверенности в том, что мы измеряем именно те явления и параметры, которые и были предметом

нашего интереса. Как мы увидим, различные виды исследований личности преподносят специфические проблемы, касающиеся удовлетворения критериям надежности и валидности.

Этика исследования и влияние науки на организационные и политические решения

Как и всякое человеческое предприятие, исследование включает в себя этические моменты, касающиеся того, как мы его осуществляем и как сообщаем о его результатах. Не раз на протяжении прошлых десятилетий некоторые исследования привлекали к себе всеобщее внимание в связи с этическими моментами. Например, в одном исследовании, которое получило награду от Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science), испытуемым предлагали обучать других людей («ученики», которые на самом деле являлись сообщниками экспериментатора, должны были запоминать перечень парных словесных ассоциаций) и наказывать их за ошибки ударами электрического тока (Milgram, 1965). Исследовалась проблема послушания фигуре, наделенной властью. Хотя на самом деле электрический ток не подавался, испытуемые верили, что удары током реальны, и часто использовали ток значительной силы, несмотря на то что «ученики» ясно давали им понять, что им очень больно. В другом исследовании, в котором было создано подобие тюрьмы, испытуемые исполняли роли охранников и заключенных (Zimbardo, 1973). Обнаружилось, что испытуемые-«охранники» и на словах, и на деле вели себя агрессивно по отношению к испытуемым-«заключенным», которые позволяли обращаться с собой бесчеловечным образом.

Подобные исследовательские программы действительно остро ставят драматические проблемы реальной жизни, но одновременно с этим возникают и фундаментальные вопросы, связанные с этическими принципами научного исследования. Имеют ли право экспериментаторы требовать участия испытуемых в подобных острых экспериментах? А обманывать испытуемых? Какова этическая ответственность исследователей перед испытуемыми и перед психологией как наукой? Эти вопросы стали предметом внимания Американской психологической ассоциации, которая приняла свод соответствующих этических принципов (*Ethical Principles of Psychologists*, 1981). Суть этих принципов заключается в том, что «психолог осуществляет исследование с уважением и заботой о достоинстве и благополучии людей, которые в нем участвуют». Это включает оценку этической приемлемости исследования, решение вопроса о том, подвергаются ли испытуемые какому-либо риску в данном исследовании, и заключение четкого и честного соглашения с участниками эксперимента в отношении обязанностей и ответственности каждого. Хотя в некоторых случаях и признается необходимость маскировки и обмана, но на этот счет вводятся строгие правила. На экспериментатора возлагается ответственность по защите участников исследования от физического и психологического дискомфорта, от травм и опасностей.

Этическая ответственность психолога распространяется не только на проведение исследования, но и на интерпретацию и публикацию результатов. Неко-

торое время назад научные круги были серьезно озабочены «распространением прямого мошенничества» (*APA Monitor*, 1982). Тревога по этому поводу началась с того, что сэр Сирил Бёрт (Cyril Burt) — в свое время выдающийся английский психолог — намеренно искажил данные в своем исследовании по наследуемости интеллекта. В других областях науки тоже бывали случаи, когда исследователи намеренно манипулировали данными, чтобы увеличить свои шансы на публикацию, на получение гранта, на продвижение по службе и на общественное признание. Проблема мошенничества в науке — это проблема, которую ученые не любят признавать и вообще избегают говорить о ней, поскольку ее наличие подрывает самые основы существования науки. Хотя поддельные данные и фальсифицированные выводы встречаются редко, психологи начинают осознавать возможность столкновения с подобными фактами и принимают конструктивные меры, чтобы справиться с этой напастью.

Гораздо более скрытой и тонкой, чем мошенничество, и, без сомнения, гораздо более значимой оказывается проблема влияния личных и общественных пристрастий на разработку той или иной темы и на характер данных, которые принимаются в качестве доказательства научной правоты (Pervin, 1978b). Например, насколько гарантированы от тенденциозности исследовательские проекты, посвященные проблеме половых различий? Насколько мы можем быть уверены, что доказательства «за» и «против» существования половых различий будут приняты с одинаковой вероятностью? В какой степени наши собственные общественные и политические взгляды влияют не только на то, что изучается, но и на то, как это изучается и к каким выводам мы готовы прийти (Bramel & Friend, 1981)? Как уже говорилось, хотя ученые предпринимают серьезные усилия, чтобы остаться объективными и устранить из своей работы все возможные источники ошибок и тенденциозности, научное исследование — это всего лишь человеческое предприятие, открытое всем влияниям — личным, общественным, культурным и политическим.

В заключение коснемся роли исследований личности в решениях, связанных с управлением персоналом и выработкой социальной политики. Хотя психология как наука еще находится на ранней стадии развития, тем не менее она имеет дело с фундаментальными человеческими проблемами, и психологов часто просят применить подходящие тесты для подбора персонала или для отбора учащихся в учебные заведения, а также сформулировать практические выводы из научных исследований для определения социальной политики. Личностные тесты часто используются в подборе персонала, для принятия решений о продвижении по службе или при приеме в аспирантуру. Результаты научных исследований оказали влияние и на государственную политику, например, в области иммиграции, в создании программ раннего обучения детей, живущих в неблагоприятных социальных условиях (Head Start), в ограничении демонстрации насилия по телевидению. И поскольку это так, на психологах лежит большая ответственность, они должны быть особенно осторожны в изложении результатов своих исследований и обязаны предупреждать общественность об ограниченных пределах применимости своих выводов в решениях, касающихся персонала, а также социальной политики.

ТРИ ОСНОВНЫХ ПОДХОДА К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Хотя все исследователи личности стремятся к надежности, валидности и к развитию теории, однако они различаются в стратегии, определяющей выбор наилучшего пути достижения этих целей. В некоторых случаях различия в исследовательских стратегиях минимальны и сводятся к выбору той или иной экспериментальной процедуры или теста. Однако в других случаях различия носят принципиальный характер и выражают более существенную разницу в подходах. В исследовании личности обычно применяется один из трех подходов, и мы переходим к их описанию. Для сравнения все эти подходы рассмотрим на примере изучения стресса и беспомощности. Это даст нам возможность увидеть, как данные, полученные с помощью разных исследовательских процедур, согласуются между собой и могут привести к более глубокому пониманию интересующего нас явления. Темы стресса и беспомощности выбраны нами потому, что они представляют интерес сами по себе и в то же время играют важную роль в современных исследованиях личности.

Изучение отдельных случаев и клиническое исследование

Клиническое исследование предусматривает интенсивное изучение отдельных индивидов. Этот подход иллюстрируется материалом, собранным психоаналитиком Зигмундом Фрейдом. Изучение конкретных случаев и глубинные наблюдения, предпринятые клиницистами, работающими с пациентами, сыграли важную роль в создании нескольких важнейших теорий личности. По ходу развития теорий, а также после того, как они сформировались, прилагались специальные усилия, чтобы сформулировать гипотезы, которые можно было бы подвергнуть более систематической проверке с помощью либо личностных тестов и вопросников, либо экспериментальных методов. Однако начинали эти теоретики все же с клинических наблюдений за своими пациентами, и эти наблюдения, проведенные ими или их последователями, продолжали играть основную роль и в дальнейшей разработке данных теорий.

Каким образом клиническое исследование использовалось при изучении стресса и беспомощности? Понятие тревоги, связанное с понятием стресса, всегда привлекало повышенное внимание клиницистов. Известный психоаналитик Ролло Мэй (Rollo May) в давнем обзоре литературы пришел к выводу, что «специфические характеристики тревоги — это чувства неуверенности и беспомощности перед лицом опасности» (1950, p. 191). Неуверенность (или отсутствие жесткой когнитивной структуры) и чувство беспомощности (или отсутствие контроля над ситуацией) постоянно упоминаются в клинической литературе. Неуверенность часто выражается в «страхе перед неизвестностью» и считается тесно связанной с чувством беспомощности и бессилия: неизвестная опасность создает ситуацию, когда деятельность не может быть направлена ни на какую определенную цель, в результате чего ум парализуется и возникает

ощущение беспомощности (Kris, 1944). Среди множества ценных клинических исследований реакций на стресс была и работа Гринкера и Шпигеля (Grinker & Spiegel, 1945), посвященная реакциям летчиков на стресс, переживаемый участниками сражений во время Второй мировой войны.

Реакции на стресс военных сражений

После Второй мировой войны два психоаналитика (Grinker & Spiegel, 1945) сообщили о своем опыте бесед и попыток лечения людей, участвовавших в воздушных боях. Их книга *«Мужчины во власти стресса»* (*«Men Under Stress»*) — впечатляющий труд, который объясняет появление стресса, общего для всех участников сражений, и возникновение различных реакций у разных индивидов. Перечислив виды опасности, с которыми сталкивались летчики, и нормы групповой морали, которыми они руководствовались, чтобы жить, постоянно глядя этим опасностям в лицо, авторы задают вопрос: «Чего боятся летчики?» Вот описание соотношения между тревогой и беспомощностью:

Хотя страх перед самолетами и человеческой уязвимостью — постоянный источник стресса, наиболее сильное чувство страха связано с активными действиями врага. У врага имеется только два вида защиты против наших воздушных сил: боевые самолеты и зенитные пушки. Вражеские самолеты действуют успешно, и наши экипажи относятся к ним с большим уважением. Но они не такой сильный источник тревоги, как зенитка. Самолеты врага — это всего лишь объекты, с которыми можно сражаться. Их можно сбить или от них можно уклониться. Зенитка же безлична, неуловима и управляется методичными и аккуратными немцами. И с этим ничего нельзя поделать — грязный черный дымок в небе и взрыв.

Источник: Grinker and Spiegel, 1945, p. 34

Сходным образом Гринкер и Шпигель описывают реакцию наземных войск на вражеские атаки с воздуха и минометный обстрел с земли. Наиболее стрессовым фактором оказывается то, что «вокруг ничто не предвещает опасности... нет никаких признаков, по которым можно было бы судить о начале атаки. Справиться с растущей тревогой становится все тяжелее» (1945, p. 52). Судя по сообщениям этих психоаналитиков, первоначальной реакцией на этот стресс становится нарастание напряжения и настороженности — человек физически и психологически готовится к неприятностям, с тем чтобы встретить опасность лицом к лицу и не потерять контроль над собой и над ситуацией. Самые разные конкретные средства могут быть использованы, чтобы противостоять угрозе, но в конечном счете «власть над ситуацией или, наоборот, беспомощность — вот ключ к итоговой эмоциональной реакции» (p. 129). Уверенность понижается под влиянием близких разрывов, физической усталости и потери друзей. Воображать себя неуязвимым (недоступным угрозе смерти или ранения) становится все более затруднительно: «Из появляющегося чувства беспомощности рождается интенсивная тревога» (p. 129). Одни держатся за идею личной неуязвимости («Этого со мной не может случиться»), в то время как другие предпочитают верить в магические или сверхъестественные силы («Бог работает моим вторым пилотом»).

Какова бы ни была природа этих уловок, их можно рассматривать как попытки справиться с угрозой потери контроля или с переживанием беспомощное-

ти. При продолжительном действии стресса возможно развитие почти всех типов невротических реакций и психосоматических симптомов (т.е. соматических болезней, возникающих на психологической почве). Эти явления объединяются в группу под общим названием *«оперативная усталость»* и обычно представляют собой смесь тревоги, депрессии и психосоматических реакций. Депрессия, которая всегда присутствует в таких случаях, связана с ощущением поражения («Я подвел своих друзей») и с уязвленной гордостью. Итак, главный компонент тревоги — это чувство беспомощности перед лицом опасности. Продолжительный стресс такого рода приводит к психологическому и физическому срыву, выражающемуся в многообразных невротических реакциях, которые часто сопровождаются фатализмом и депрессией.

Эти наблюдения Гринкера и Шпигеля интересны не только в отношении стресса и беспомощности, но и для нашего понимания депрессии. Заметим, что они связывают депрессию с продолжительным стрессом, с чувством поражения и с уязвленной гордостью. Бибринг (Bibring, 1953) отмечает сходные факторы в своем клиническом анализе пациентов, которые жалуются на депрессию. Например, он описывает пациента, который впадал в депрессию всякий раз, когда у него возникал страх оказаться слабым и беспомощным, а также пациентку, которая чувствовала себя подавленной, когда сталкивалась с властью, недостижимой для нее, и еще многих других людей, которые испытывали депрессивное психологическое состояние во время экономической депрессии 30-х годов и во время политических кризисов перед началом Второй мировой войны. Сквозными мотивами, проходящими через все случаи депрессии, по мнению Бибринга, оказываются беспомощность, чувство неотвратимости судьбы и удары по самоуважению.

Лабораторные исследования и эксперимент

Экспериментальное исследование включает действия, направленные на получение контроля за интересующими нас переменными и установление причинно-следственных связей («если... то...»). Например, в эксперименте исследователь может создавать условия, обеспечивающие высокий, средний или низкий уровень тревоги, и наблюдать результат воздействия такого меняющегося уровня тревоги на мыслительные процессы или межличностное взаимодействие. Главная цель — возможность составить определенное суждение о причинах явлений, т.е., изменяя одну переменную, получить изменения другой переменной. Лабораторный эксперимент позволяет создать обстановку для подобного исследования.

Клиническое исследование и эксперимент по целому ряду аспектов противоположны друг другу. В то время как клиницисты приближают, насколько это возможно, свои наблюдения к жизни, позволяют событиям совершаться естественным путем и изучают только немногих отдельных индивидов, экспериментальные исследования в лабораторных условиях подразумевают жесткий контроль над переменными и изучение множества испытуемых. Чтобы оценить возможности экспериментального подхода, давайте рассмотрим исследовательскую программу, направленную на изучение последствий стресса и беспомощ-

ности. Наш главный интерес здесь касается применения экспериментальных процедур в лабораторных условиях, хотя мы увидим, что программа включала в себя также и другие исследовательские процедуры.

Выученная беспомощность

В качестве примера лабораторного подхода к исследованию давайте рассмотрим важную работу Селигмена (Seligman) и понятие **выученной беспомощности**. В ходе давнего исследования, посвященного обусловливанию страха и научению, Селигмен и его сотрудники обнаружили, что собаки, которые подвергались неожиданным и неконтролируемым ударам током в одной ситуации, переносили свое чувство беспомощности на другие ситуации, где ударов током можно было избежать. В первой ситуации собаки были поставлены в такие условия, при которых, что бы они ни делали, какую бы реакцию ни давали, это не оказывало никакого действия на включение и выключение электрического тока, а также на продолжительность или интенсивность его разрядов. Когда их поместили во вторую, совсем иную ситуацию, где прыжок через барьер мог спасти от удара током, большинство собак сдавались сразу и безропотно принимали электрические удары. Первая ситуация научила их, что они никак не могут повлиять на удары током, и они перенесли этот жизненный опыт во вторую ситуацию. Заметим, что это наблюдение было справедливо для большинства собак (около двух третей), но не для всех, — важное обстоятельство, указывающее на различия среди индивидов, к которому мы вернемся позже.

Поведение собак, которые научились тому, что они беспомощны, было особенно поразительно на фоне поведения тех собак, которые прежде не получали ударов током или получали, но при других условиях. В ситуации, где можно было спастись и избежать ударов, эти необученные собаки панически метались, пока случайно не натыкались на действие, которое вело к спасению. После этого они с каждым разом научались находить это спасительное действие все быстрее и быстрее, пока в конце концов не обнаруживали способ вообще избегать ударов током. По контрасту с такими «здоровыми» собаками собаки с выученной беспомощностью поначалу метались так же яростно, но затем останавливались, ложились и скулили. С повторением процедуры собаки сдавались все быстрее и быстрее и принимали удары все более пассивно — классическое проявление выученной беспомощности. Их отчаяние заходило так далеко, что было крайне трудно изменить их ожидания. Экспериментаторы пытались облегчить собакам возможность спастись от ударов током и заставить их двигаться к безопасной зоне, заманивая их пищей, — все было бесполезно. Чаще всего собаки просто продолжали лежать.

Даже за пределами экспериментальных ситуаций поведение беспомощных собак отличалось от небеспомощных: «Когда экспериментатор входит в клетку и пытается забрать из нее небеспомощную собаку, это сделать нелегко, так как она рычит, прижимается к задней стенке клетки и сопротивляется, не даваясь в руки. Напротив, беспомощные собаки, кажется, совсем падают духом; они пассивно лежат на полу клетки, иногда даже переворачиваясь на спину и принимая позу подчинения; они не сопротивляются» (Seligman, 1975, p. 25).

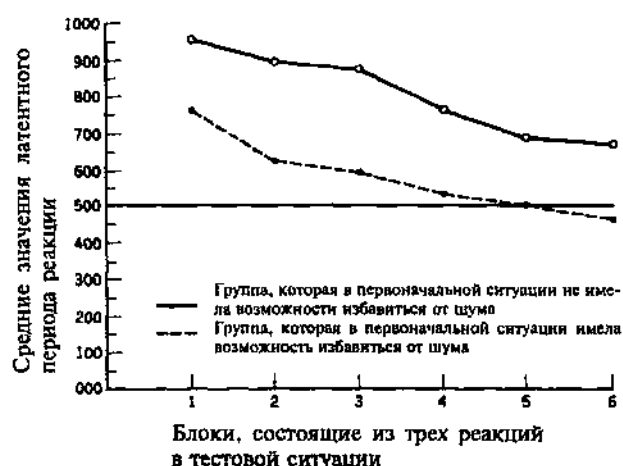

Рис. 2.1. Выученная беспомощность у человека.

Как и в экспериментах на животных, испытуемые, которые поначалу оказывались в безвыходных ситуациях, в последующей тестовой ситуации затрачивали больше времени на то, чтобы отреагировать на сигнал, и им чаще не удавалось избавиться от шума, чем испытуемым, у которых и в первоначальной ситуации была возможность предотвратить шум (Hiroto, 1974).

© 1974, Американская психологическая ассоциация. Печатается с разрешения.

Дальнейшее исследование показало, что те же самые явления, обнаруженные у собак, могут быть вызваны и у человека (Hiroto, 1974). В этом эксперименте одна группа студентов колледжа слышала громкий шум, который можно было регулировать нажатием кнопки, вторая группа слышала тот же шум, но не могла прекратить его, а третья (контрольная) группа вообще не слышала никакого шума. Затем все три группы оказывались в одинаковых условиях — в ситуации, где испытуемые, чтобы спастись от шума, должны были быстро переложить руки с одной стороны ящика на другую, как только появится световой сигнал. Первая и третья группы быстро научились спастись от шума, двигая руками, но членам группы с выученной беспомощностью этого сделать не удалось; большинство из них сидели пассивно и терпели невыносимый шум. О влиянии выученной беспомощности судили также по латентному периоду реакции, т.е. по тому, как много времени проходило, прежде чем испытуемые реагировали на световой сигнал. В итоге выяснилось, что возможность (или невозможность) что-либо предпринимать ради спасения от шума, которую имели испытуемые на первом этапе эксперимента, на втором этапе привела к отчетливым различиям поведения, связанным с выученной беспомощностью (рис. 2.1).

Последующие исследования продемонстрировали, что подобная выученная беспомощность обладает способностью генерализовываться, т.е. распространяться на более широкий спектр действий помимо того, на котором и произошло научение беспомощности (Hiroto & Seligman, 1975). Исследования показали, что обучение беспомощности может произойти, даже если человек просто наблюдает образцы беспомощного поведения (Brown & Inouye, 1978; DeVellis, DeVellis &

McCauley, 1978). Люди быстрее сдаются, когда они видят сходство между собой и моделью, демонстрирующей беспомощное поведение, по сравнению с ситуациями, когда у них перед глазами есть пример успешных действий или когда модель беспомощна, но наблюдатели считают себя более компетентными, чем она.

Селигмен объяснил феномен выученной беспомощности тем, что животное или человек обучаются тому, что конечные результаты не зависят от их действий. Ожидание же того, что результаты не зависят от реакции организма, влечет за собой целый ряд мотивационных, когнитивных и эмоциональных последствий: 1) неуправляемые события снижают мотивацию к поиску других реакций, которые смогут взять ситуацию под контроль; 2) в результате неконтролируемости первоначальных событий у организма возникают трудности в усвоении того, что его реакции могут воздействовать на другие события; 3) повторный опыт переживания неконтролируемости событий постепенно приводит к эмоциональному состоянию, напоминающему то, которое у человека называется депрессией.

Это и есть теория беспомощности — теория, которая одновременно содержит предположения о возможностях предупреждения, а также лечения подобных состояний. Прежде всего, чтобы защитить организм от ожидания того, что события не зависят от его поведения, следовало бы обеспечить его теми переживаниями, которые он испытывает, когда осуществляет контроль над событиями. В частности, опыт столкновения с травмирующим событием, которое можно контролировать, оказывается, защищает организм от последствий столкновения с травмой, которую нельзя избежать. Селигмен замечает, что собаки, участвовавшие в его первоначальном исследовании и не ставшие беспомощными даже в том случае, когда не могли избежать ударов током, скорее всего имели опыт столкновения с травмирующими, но контролируемыми событиями еще до попадания в лабораторию. Это было проверено, и обнаружилось, что собаки, имеющие недостаточный опыт в контроле чего бы то ни было, особенно поддаются состоянию беспомощности. Если же лечить человека, уже страдающего от депрессивного ожидания неуправляемости событий, то его необходимо нацелить на опыт, в результате которого у него возродится вера, что действие приводит к вознаграждению, подкрепляется. В терапии это, как правило, игры и задачи с нарастающим уровнем сложности, где каждому вначале гарантирован успех (Beck, 1991).

Модель выученной беспомощности и связанные с ней эксперименты действительно производят сильное впечатление. Негативный эффект столкновения с неконтролируемыми событиями был получен в экспериментах с кошками, рыбами и крысами, а также собаками и людьми. Тем не менее дальнейшие исследования с участием людей заставили предположить, что существуют дополнительные факторы, которые важны для определения последствий столкновения с неконтролируемой ситуацией. По крайней мере у людей эффект столкновения с неконтролируемыми событиями явно зависит от того, как человек интерпретирует то, что произошло. Наблюдения за изменением эффектов в зависимости от модификаций условий эксперимента или от индивидуальных различий между людьми привели к переформулированию модели выученной беспомощности. Хотя мы здесь не охватили все экспериментальные работы по выученной беспомощности, но, забегаая вперед, надо сказать, что многие

исследования, вытекающие из усовершенствованной модели, используют корреляционный анализ, а не экспериментальные процедуры. Некоторые из этих исследований мы рассмотрим в следующем разделе. Тем не менее к настоящему моменту на примере экспериментов Селигмена мы уже можем осмыслить некоторые характеристики, определяющие суть экспериментального подхода. В исследовательской программе Селигмена мы увидели точное воздействие на релевантные переменные или тщательный контроль за ними и, в целом, ставку на систематические влияния, не зависящие от индивидуальных различий.

Личностные вопросники и корреляционные исследования

Личностные тесты и вопросники используются там, где интенсивное изучение отдельных индивидов невозможно или нежелательно и где нельзя проводить лабораторные эксперименты. Кроме того, преимущество личностных вопросников состоит в том, что одновременно можно собрать большое количество информации о многих испытуемых. Хотя ни один индивид в этом случае не изучается так интенсивно, как при клиническом подходе, исследователь может изучить множество различных личностных характеристик у множества различных испытуемых. Хотя исследователь не может обеспечить контроль за интересующими его переменными так, как это делается в лабораторном эксперименте, у него есть возможность изучать переменные, которыми не так-то легко управлять в лабораторных условиях.

Использование личностных тестов и вопросников, как правило, связано с интересом к различиям между индивидами. Например, психологи интересуются индивидуальными различиями в проявлениях тревожности, дружелюбия или доминантности. Кроме того, этим психологам важно знать, приводят ли различия между индивидами, основанные на одной характеристике, к тому, что они будут различаться и по другой характеристике. Например, если индивиды более тревожны, то означает ли это, что они и менее креативны? Или более заторможены в общении с другими? Такого рода исследования называются **корреляционными**. В корреляционном исследовании психологи стремятся установить связи между двумя и более переменными, которые трудно поддаются экспериментальным манипуляциям и контролю. Между этими переменными устанавливается корреляционная связь, а не причинно-следственные отношения. Например, на основании коэффициента корреляции мы можем сказать, что тревожность *связана* с повышенной ригидностью, но мы не в состоянии сказать, что тревожность *вызывает* повышение ригидности. Благодаря акценту на индивидуальные различия и изучению множества переменных одновременно вопросники и корреляционные исследования очень популярны среди психологов, занимающихся личностью.

Внешний и внутренний локусы контроля (интернальность-экстернальность)

Интересное сравнение экспериментальных и корреляционных подходов к исследованию можно сделать, если ненадолго вернуться к эксперименту с выученной беспомощностью у людей (см. рис. 2.1). Напомним, что в нем было

показано, что в новой ситуации у испытуемых, которые поначалу оказывались в безвыходном положении, время реакции на световой сигнал было больше и им чаще не удавалось избежать шума по сравнению с теми, у кого с самого начала была возможность спастись. Интерпретировалось это таким образом, что в безвыходной ситуации испытуемые обучились тому, что их действия не могут повлиять на конечный результат. А будут ли испытуемые, которые *уже* различаются по своей вере в способность повлиять на конечный результат, различаться и по тому, как они поведут себя во второй экспериментальной ситуации? Другими словами, будут ли в этой ситуации личностные различия, которые уже сложились в естественных условиях, так же сказываться на поведении, как и различия, приобретенные в результате экспериментальных манипуляций? Теперь мы можем более подробно рассмотреть эксперименты Хирото (Hiroto) на выученную беспомощность у людей. Хирото изучал не только то, как влияют на последующее поведение специально созданные условия, в которых имелись либо не имелись шансы на спасение, но и индивидуальные различия по такой личностной характеристике, как **локус контроля**.

Понятие локуса контроля является составной частью личностной теории социального научения, которую разработал Дж. Роттер (Rotter, 1966, 1982), и обозначает генерализованное ожидание, связанное с детерминантами наград и наказаний в жизни человека. На одном полюсе находятся люди, которые верят в свою способность контролировать жизненные события, что означает внутренний локус контроля, или интернальность. На другом полюсе находятся люди, которые убеждены, что жизненные награды и наказания являются результатом внешних обстоятельств, таких, как случай, везение или судьба, что означает внешний локус контроля, или экстернальность. **Шкала Интернальности—Экстер-нальности (или И—Э-шкала, или шкала внутреннего—внешнего локусов контроля)** была разработана для измерения индивидуальных различий в восприятии того, находятся ли награды и наказания в основном под внутренним или под внешним контролем. Типичные высказывания приведены на рис. 2.2.

1 а. Многие неприятности в жизни человека частично связаны с тем, что ему не везет.
16. Многие несчастья человека происходят из-за его ошибок.
2а. Одна из главных причин, по которым случаются войны, состоит в том, что люди недостаточно интересуются политикой.
26. Войны будут всегда, даже если люди будут очень стараться предотвратить их.
3а. Иногда я не могу понять, на каком основании учителя решают, какие оценки ставить.
36. Существует прямая связь между тем, насколько добросовестно я учусь, и оценками, которые я получаю.
4а. Средний гражданин может оказывать влияние на решения правительства.
46. Этот мир управляется небольшой кучкой людей, стоящих у власти, и маленький человек мало что может сделать.

Рис. 2.2. Примеры высказываний, образующих роттеровскую шкалу Интернальнос-ти-Экстернальности (внутреннего-внешнего локусов контроля).

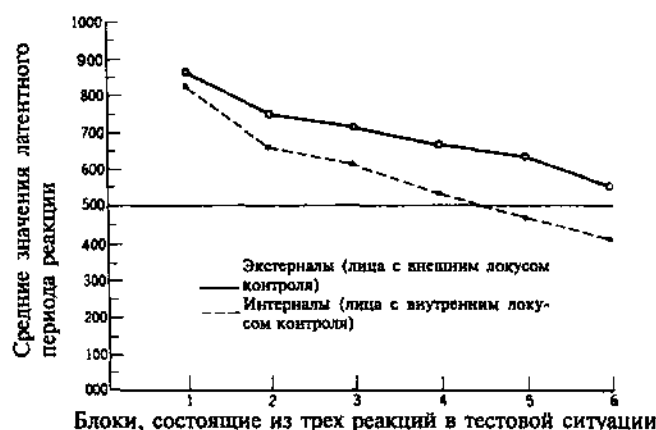

Рис. 2.3. Локус контроля и скорость избегания шума.

Личностная переменная «экстернальность», оказываясь, действует подобно искусственно созданной переменной «безвыходность». Ввиду совпадения эффектов, порожденных безвыходностью, и эффектов, порожденных экстернальностью, можно предположить, что в их основе лежит один и тот же процесс — ожидание того, что действие и подкрепление не связаны друг с другом (Hiroto, 1974).

© 1974, Американская психологическая ассоциация. Печатается с разрешения.

Так как убеждения людей с внешним локусом контроля сильно напоминают убеждения, характерные для выученной беспомощности, Хирото заподозрил, что люди, различающиеся по личностной характеристике локуса контроля, будут вести себя по-разному в тестовой ситуации эксперимента на беспомощность. Разделив испытуемых на крайние группы по локусу контроля на основании ответов по И-Э-шкале, Хирото ставил представителей каждой группы в безвыходные ситуации и в ситуации, из которых можно было найти выход, и затем наблюдал за их поведением в тестовой ситуации. Как и ожидалось, он обнаружил, что в тестовой ситуации испытуемые с внешним локусом контроля, независимо от предварительной «обработки», действовали медленнее, чтобы избежать неприятного шума, чем это делали испытуемые с внутренним локусом контроля (рис. 2.3).

Иными словами, такая личностная переменная, как экстернальность, оказывается, действует подобно искусственно созданной ситуативной переменной безвыходности, формируемой в эксперименте. Благодаря этому была обнаружена связь между уже существующими индивидуальными различиями и поведением в тестовой ситуации.

Причинные (каузальные) атрибуции: стиль объяснения

Чтобы лучше представить себе корреляционный подход к изучению личности, а также комбинированное использование вопросников и экспериментальных процедур, давайте продолжим рассказ об исследовании выученной беспомощности. Мы уже отмечали, что первоначальная формулировка идеи выучен-

ной беспомощности не могла объяснить всего многообразия последствий, возникающих у человека в результате невозможности контролировать события. В частности, оказалось, что очень важно учитывать то, как люди интерпретируют события и объясняют причину своей беспомощности. Это привело к усовершенствованию модели выученной беспомощности (Abramson, Seligman & Teasdale, 1978; Abramson, Garber & Seligman, 1980). Согласно этой новой модели, когда люди обнаруживают свою беспомощность, они спрашивают себя, почему они беспомощны. Люди отвечают на вопрос «почему?» в категориях *причинной (каузальной) атрибуции*. Наиболее важными считаются три параметра причинной атрибуции. Во-первых, люди могут приписывать причину своей беспомощности себе или ситуации, т.е. искать причину либо в самих себе, либо в характере ситуации. В первом случае причина беспомощности будет внутренней, или персонализированная, во втором — причина воспринимается как внешняя, или универсальная для всех. Во-вторых, люди могут атрибутировать беспомощность либо факторам, специфическим для той ситуации, в которой они находятся, либо более общим условиям внешнего или внутреннего мира. В-третьих, люди могут воспринимать особенности своей ситуации либо как относительно постоянные и стабильные, либо скорее как временные и нестабильные.

Итак, усовершенствованная модель выученной беспомощности предполагает наличие следующих трех параметров каузальных атрибуций: *внутреннее-внешнее, специфическое—глобальное и стабильное—нестабильное*. Считается, что атрибуция, к которой прибегает человек, определяет широкий спектр важных последствий. Например, если невозможность управлять ситуацией приписывается внутренним факторам, то предполагается, что это ведет к большему снижению самооценки, чем в случае атрибуции внешним факторам. Студент, который приписывает продолжительные неудачи своему невысокому интеллекту или некомпетентности, испытает гораздо более существенное снижение самооценки, нежели студент, который считает, что в его неудачах виновато плохое преподавание. В том случае, когда человек атрибутирует недостаток контроля над ситуацией каким-то глобальным фактором, можно ожидать большего распространения выученной беспомощности и на другие ситуации, чем в том случае, когда недостаток контроля приписывается более конкретным, ситуативно-специфическим факторам. И если человек приписывает недостаток контроля стабильным факторам, таким, как плохие способности или трудная учебная программа, то можно ожидать большей устойчивости выученной беспомощности во времени, чем в том случае, когда беспомощность атрибутируется нестабильным факторам — самочувствию студента в этот день или везению или невезению. Итак, по тому, какой атрибуции будет отдано предпочтение для объяснения своей беспомощности, можно определить, станут ли ожидания будущей беспомощности хроническими или сиюминутными, распространятся ли на другие ситуации или только на эту, конкретную, и понизится ли самооценка. Особенно важно предположение о том, что внутренние, глобальные и стабильные атрибуции играют существенную роль в развитии депрессии.

Вопросник атрибутивного стиля (ASQ). Экспериментальный подход к усовершенствованной модели выученной беспомощности предусматривает воздействие на каузальные атрибуции и наблюдение за их мотивационными и

эмоциональными последствиями. Так, например, испытуемых можно ставить в такие условия, которые будут побуждать их либо к внутренней, либо к внешней атрибуции своей неудачи, и на основе этого можно предсказать, как изменится их самооценка. Хотя благодаря экспериментам и были получены некоторые подтверждения усовершенствованной модели выученной беспомощности, в большинстве экспериментальных исследований возникли методологические трудности при создании нужного типа атрибуций или состояний беспомощности. Для того чтобы стимулировать исследования в этой области, был разработан **Вопросник атрибутивного стиля**, нацеленный на измерение индивидуальных различий по всем трем параметрам атрибуций (Peterson, 1991). В этом вопроснике испытуемых просят назвать причины 12 гипотетических событий и затем оценить эти причины по шкалам, характеризующим атрибуцию как внутреннюю либо внешнюю, специфическую либо глобальную и стабильную либо нестабильную. На рис. 2.4 приведен фрагмент вопросника. Шесть гипотетических событий в вопроснике — хорошие («Вы стали очень богаты»), а шесть — плохие («У вас свидание, и все идет плохо»). Кроме того, одни события касаются межличностных отношений, а другие — личных достижений в какой-либо области. Предполагается, что людям свойственны характерные атрибутивные тенденции, или стили, и их можно определить с помощью вопросника.

Вы некоторое время безуспешно ищите работу.

1. Напишите здесь *одну* главную причину своей неудачи_____
 2. Вашей неудачей в поисках работы вы обязаны самому себе или она связана с другими людьми или обстоятельствами? (Обведите кружком одну цифру.)
Всему причиной обстоятельства и другие люди 1 2 3 4 5 6 7 Всему причиной я сам
 3. В будущем, когда вы снова будете искать работу, эта причина сохранится? (Обведите кружком одну цифру.)
Никогда не появится
снова 1 2 3 4 5 6 7 Будет всегда
 4. Эта причина влияет только на поиски работы или она сказывается и на других сторонах вашей жизни? (Обведите кружком одну цифру.)
Влияет только на данную ситуацию 1 2 3 4 5 6 7 Оказывает влияние на все ситуации моей жизни
 5. Насколько была бы важна для вас эта ситуация, если бы это происходило на самом деле? (Обведите кружком одну цифру.)
Совершенно не важна 1 2 3 4 5 6 7 Крайне важна
-

Рис. 2.4. Пример из Вопросника атрибутивного стиля (ASQ) (Peterson et al., p. 292).

В соответствии с усовершенствованной моделью выученной беспомощности отнесение неуправляемых плохих событий на счет внутренних, стабильных и глобальных факторов ведет к депрессии. Отсюда следует, что люди, получившие высокий балл по этим параметрам по Вопроснику атрибутивного стиля (ASQ), должны оказаться более депрессивными, чем люди с низкими баллами. Действительно, авторы ASQ сообщают о наличии связи, или корреляции, между стилем атрибуции, при котором плохие события приписываются внутренним, стабильным и глобальным факторам, и симптомами депрессии, имеющимися у студентов колледжа, взрослых и пациентов клиники. Обнаружилось также, что оценки, полученные по ASQ, связаны с развитием симптомов депрессии, которые появляются после плохо сданных экзаменов в середине семестра. И наконец, в исследовании, где использовался похожий вопросник, была обнаружена связь депрессии со склонностью порицать собственный характер, а не собственные действия (Peterson, Schwartz & Seligman, 1981). Негативные события, атрибутированные характеру («Такой уж я человек»), расценивались как менее управляемые по сравнению с событиями, атрибутированными конкретному действию («Я совершил нечто»). Кроме того, порицание характера было связано с более стабильными и глобальными типами атрибуций, нежели порицание действий. Тем не менее самообвинение или порицание характера нельзя определенно считать причиной депрессии. То есть установлено, что существует связь, но не доказано, что соответствующие атрибуции являются *причиной* последующих симптомов депрессии.

Итоговый вывод, сделанный из вышеизложенного исследования, важен как для понимания депрессии через усовершенствованную модель выученной беспомощности, так и для осознания границ корреляционного исследования. Это исследование обнаруживает связь между внутренними, глобальными и стабильными атрибуциями плохих событий и депрессией, но оно не может доказать, что подобные когнитивные атрибуции вызывают депрессию. Не могут ли эти особенности атрибуции составлять одну из сторон депрессивного состояния и порождаться теми же причинами, которые вызывают депрессию? Действительно, важное исследование одних и тех же людей, проведенное до и после их впадения в депрессию, подтверждает, что когниции, связанные с депрессией, не позволяют предсказывать появление депрессии, и, видимо, их можно назвать скорее спутниками депрессии, чем ее причиной. Страдающие депрессией пациенты, прежде чем впасть в это состояние, не атрибутировали неудачи внутренним причинам и не считали, что они плохо контролируют события своей жизни (Lewinsohn, Steinmetz, Larson & Franklin, 1981).

Объяснительный стиль. Прошло около десяти лет с тех пор, как были разработаны понятие атрибутивного стиля, теперь называемого *объяснительным стилем*, и способы его измерения. Было проведено впечатляющее количество исследований, по преимуществу корреляционных. В недавнем обзоре литературы, посвященной смыслу и измерению объяснительного стиля, были сделаны следующие выводы (Peterson, 1991; Peterson, Maier & Seligman, 1993):

1. Имеются многочисленные свидетельства широкого распространения феномена выученной беспомощности как у человека, так и у животных.

2. Имеются многочисленные свидетельства того, что люди обладают характерным для них объяснительным стилем, который сохраняется в течение длительного периода, может быть, в течение всего жизненного пути.
3. Объяснительный стиль влечет за собой ряд последствий мотивационного, эмоционального и поведенческого характера. А если говорить конкретно, пессимистический стиль (интернальные, стабильные и глобальные объяснения негативных событий) связан со слабой мотивацией, низкой успешностью и более негативными эмоциями в отличие от оптимистического стиля. Как сказал знаменитый бейсболист Йоги Берра (Yogi Berra): «90% игры на 50% зависят от психического настроения».
4. Симптомы выученной беспомощности совпадают с симптомами депрессии. Депрессивные индивиды — и взрослые, и дети — дают интернальные, стабильные и глобальные объяснения плохих событий, а также экстернальные, нестабильные и ситуативно-специфические объяснения хороших событий. Хотя было обнаружено, что пессимистический объяснительный стиль *ассоциируется* с депрессией, однако ни в одном исследовании не было показано, что он является *причиной* депрессии (Robins & Hayes, 1995).
5. Когнитивная терапия может улучшить объяснительный стиль и привести к значительному облегчению депрессивного состояния (DeRubeis & Hollon, 1995).
6. Выученная беспомощность и пессимистический объяснительный стиль связаны с плохим здоровьем. Пессимистический объяснительный стиль в период взросления является фактором риска для здоровья в последующие годы.

Эти впечатляющие факты позволили Селигмену и его сотрудникам нарисовать весьма оптимистическую картину того, что может произойти в будущем: «Мы знаем, как переделать общество так, чтобы оно было благоприятно для индивида и для группы... Предаваясь самым утопическим мечтам, мы представляем, как создаются институты Оптимизма — центры, в которых проводятся базовые исследования личностного контроля, и затем результаты используются в школах, на производстве и в обществе в целом» (Peterson, Maier & Seligman, 1993, pp. 309-310).

Хотя полученные материалы впечатляют, однако следует признать, что не все факты укладываются в схему, и кроме того, возник ряд новых проблем. Вот некоторые из них, и читатель заметит, что многие из этих проблем связаны с общими потенциальными недостатками вопросников и корреляционных исследований (*Psychological Inquiry*, 1991. Vol. 2. № 1):

1. Ответы на ASQ могут не совпадать с реальными причинными атрибутами.
2. Люди могут давать специфическое объяснение каждому конкретному событию, не прибегая к более обобщенному объяснительному стилю.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СТИЛЬ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УСПЕХ И ЗДОРОВЬЕ

Исследования объяснительного стиля, начатые Селигменом, помимо депрессии, распространились и на успешность в сфере трудовой деятельности, спортивные успехи и здоровье, породив такие заголовки в прессе, как «Исследование утверждает силу позитивного мышления» и «Перестанем обвинять себя».

Удается ли страховым агентам с оптимистическим объяснительным стилем дольше продержаться на работе и застраховать жизнь большему числу клиентов, чем агентам с пессимистическим стилем? Так как страховые агенты постоянно сталкиваются на работе с неудачами, отказами и безразличием потенциальных клиентов, Селигмен предположил, что «оптимистам» будет легче преодолеть эти препятствия, чем «пессимистам». (Оптимисты дают интернальные, стабильные и глобальные объяснения позитивных событий и экстернальные, нестабильные и конкретные объяснения негативных событий. Для пессимистов верно противоположное соотношение.) Очевидно, ответ на вопрос, поставленный выше, уже ясен: *да*. Селигмен говорит: «Я думаю, теперь у нас есть хороший тест для

того, чтобы проверить, кто может выдержать работу, сопряженную со стрессами и предъявляющую к человеку особые требования, а кто — нет. Я полагаю, что этот тест мог бы сэкономить страховой компании миллионы долларов в год только на обучении, так как обучить новых агентов, а потом половину из них уволить, обходится в 30 тыс. долларов на каждого».

Если говорить о спортивных успехах, то обнаруживается, что команды и спортсмены с оптимистическим объяснительным стилем добиваются больших успехов, чем их соперники с пессимистическим объяснительным стилем, особенно в ситуациях сильного давления. А если говорить о здоровье, то есть свидетельства, что положительный настрой мыслей связан с хорошим самочувствием (думаешь «хорошо» и чувствуешь себя хорошо), может быть, потому, что хорошая иммунная система оптимистов лучше сопротивляется болезни, чем иммунная система пессимистов.

Источники: Peterson, 1995; Rettew & Reivich, 1995; Schulman, 1995; Seligman, 1991.

3. Остается неясной важность каждого отдельного параметра объяснительного стиля (экстернальности—интернальности, стабильности—нестабильности, глобальности—специфичности), а также важность атрибуций, касающихся причин позитивных событий.
4. Остается неясным, предшествует ли объяснительный стиль развитию депрессии и вызывает ее, либо верно другое предположение, что объяснительный стиль вносит свой вклад в депрессию как сопутствующий ингредиент либо он даже является результатом депрессии.
5. Оценки пессимизма, полученные из ASQ (интернальный, глобальный и стабильный стили объяснения негативных событий), не всегда согласуются с оценками пессимизма, полученными из других вопросников.

Итак, в связи с подходом к изучению личности, базирующемуся на личностных вопросниках и корреляционных связях, особого внимания заслуживают три возможные проблемы: 1) вопросник может быть использован, чтобы получить единый суммарный балл, тогда как не исключено, что в вопроснике содержится ряд различных компонентов и каждый заслуживает отдельного балла; 2) баллы, полученные на основании одного способа измерения личностной переменной, могут не совпадать с баллами, полученными на основании других способов, хотя нам кажется, что мы измеряем то же самое качество личности; 3) очень трудно установить причинно-следственные отношения между переменными.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Рассмотрев цели исследований личности, мы можем теперь оценить три основные исследовательские стратегии. Мы увидим, что вследствие движения в разных направлениях каждая стратегия может обладать как своими достоинствами, так и своими недостатками.

Изучение отдельных случаев и клиническое исследование: достоинства и недостатки

Достоинства и недостатки клинического исследования зависят от того, что именно исследуется и как проводится исследование. Как правило, в клиническом исследовании интересующее нас поведение изучается прямо и непосредственно, и нет необходимости прибегать к экстраполяции данных, получаемых в искусственных условиях, на реальную жизнь. Клиническое исследование может оказаться единственным продуктивным средством для изучения некоторых феноменов (например, военного стресса). И благодаря изучению отдельных случаев мы можем наблюдать всю сложность личностных процессов и взаимодействий индивида со средой. Мы уже говорили о том, что нашу область — психологию личности — от других областей отличает внимание к орга-

низации структур и процессов внутри личности. Глубинные клинические исследования и изучение отдельных случаев дают возможность познать такую организацию. В то же время подобные исследования могут быть не свободны от субъективизма части исследователей, что приводит к расхождению результатов наблюдений у разных ученых. И поскольку данные, получаемые в ходе наблюдения, опираются на субъективную почву, они существенно проигрывают в надежности и валидности.

Углубленное изучение нескольких индивидуумов характеризуется двумя основными чертами, которые отличают его от исследования, в котором принимают участие группы испытуемых (Pervin, 1983). Во-первых, отношения, установленные для группы в целом, могут не отражать особенностей индивидуального поведения или поведения отдельных подгрупп. Например, усредненная кривая научения может не отражать особенностей процесса индивидуального научения. Во-вторых, при рассмотрении только групповых показателей можно пропустить некоторые важные моменты процессов, протекающих у данного конкретного индивида. Много лет назад Генри Мюррей (Henry Murray) отстаивал необходимость изучения индивидуальных случаев наряду с групповыми исследованиями: «Пропустив говоря, испытуемые, которые отреагировали так же, как и большинство в группе, могли сделать это по самым разным причинам. Более того, статистический факт не позволяет объяснить нетипичную (данную меньшинством) реакцию. Ее приходится игнорировать как случайность, как исключение из правил. Обтекаемые средние величины нивелируют "индивидуальные особенности индивидуальных организмов", и, таким образом, от нас ускользает сложное взаимодействие сил, которое определяет каждое конкретное событие» (1938, р. viii).

Использование словесных отчетов

Клинические исследования личности не обязательно должны включать словесные отчеты испытуемых, хотя ясно, что часто они без них не обходятся. Используя словесные отчеты, мы сталкиваемся со специфическими проблемами, связанными с особенностями подобных данных. Отношение к тому, что говорят люди, как к точному отражению того, что на самом деле произошло или происходит в данный момент, вызывает нападки с двух очень разных сторон. Во-первых, психоаналитики и психологи, ориентированные на динамический подход (главы 3 и 4), считают, что люди часто совершенно бессознательно искажают события: «Детское восприятие неточно, дети плохо осознают свои внутренние состояния, и их воспоминания о случившемся далеки от истины. Да и взрослые не многим лучше» (Murray, 1938, р. 15). Во-вторых, многие психологи-экспериментаторы считают, что у людей нет критериев оценки их внутренних процессов и они, отвечая на вопросы интервьюера, руководствуются скорее умозаключениями о том, что должно было происходить, вместо того, чтобы точно сообщить о том, что произошло на самом деле (Nisbett & Wilson, 1977; Wilson, Hull & Johnson, 1981). Например, несмотря на утверждение экспериментатора, что испытуемые принимают решения под влиянием определенных экспериментальных манипуляций, сами испытуемые могут сообщать, что вели себя так по самым разным причинам. Или возьмем другой

пример: когда покупателей спрашивали, почему они приобрели данный товар в супермаркете, они называли причину, которая очень сильно отличалась от той, которая, как можно показать экспериментально, на самом деле имела место. По сути, люди выдвигают субъективные *резоны* того, почему они ведут себя так, как они себя ведут, но они могут и не назвать настоящих объективных *причин*. Итак, мысль заключается в том, что словесные отчеты — весьма сомнительный источник надежных и валидных данных, и происходит это либо в целях психологической самозащиты, либо из-за вполне «нормальных» трудностей познания людьми своих внутренних процессов (Wilson, 1994).

Другие психологи утверждают, что словесные отчеты следует принимать за то, что они есть, — просто данные (Ericsson & Simon, 1993). При этом выдвигается аргумент, что нет никаких причин считать, что вербальные сообщения менее полезны, чем наблюдаемые моторные реакции, такие, например, как нажатие на кнопку.

Действительно, вербальные реакции, как и другие поведенческие реакции людей, можно подвергнуть объективному, систематическому и количественному анализу. Если вербальные реакции не сбрасывать автоматически со счетов, тогда встает вопрос: «Какие виды вербальных реакций наиболее полезны и заслуживают доверия?» Здесь выдвигается следующая аргументация: испытуемый может сообщать только о тех вещах, которые привлекают или привлекали его внимание. Если экспериментатор просит испытуемого вспомнить или объяснить какие-то события, которые были где-то на периферии его внимания, то испытуемый будет либо прибегать к умозаключениям, либо высказывать гипотезы о том, что произошло (White, 1980). Так, если вы позднее спросите у человека, почему он предпочел купить в супермаркете именно этот продукт, а не другой, притом что в то время, когда делалась покупка, он не обращал внимания на свой выбор, он даст вам ответ, основанный на умозаключении или на гипотезе, а не действительное объяснение того, что тогда происходило.

Те, кто стоит за использование вербальных сообщений, считают, что если тщательно выспрашивать испытуемых и учитывать сопутствующие высказываниям обстоятельства, то они могут оказаться полезным источником информации. Хотя термин *интроспекция* (т.е. словесное описание процесса, протекающего внутри человеческой психики) был дискредитирован психологами-экспериментаторами уже много лет назад, сейчас интерес к подобного рода данным растет. Признавая потенциальную ценность вербальных сообщений, мы тем самым значительно расширяем возможности получения данных, охватывая богатую и содержательную область наблюдений. В то же время мы не должны забывать о задачах соответствия требованиям надежности и валидности. Поэтому мы должны настаивать на доказательствах того, что те же самые наблюдения и интерпретации могут быть повторены и другими исследователями и что наши данные отражают именно те понятия, которые и предполагалось операционализировать. Высоко оценивая заслуги и огромный потенциал словесных отчетов, мы должны также осознавать вероятность злоупотреблений или наивной интерпретации. Короче говоря, вербальные сообщения, если они претендуют на то, чтобы быть эмпирическими данными, должны проходить такую же строгую проверку, как и другие исследовательские наблюдения.

Лабораторные, экспериментальные исследования: достоинства и недостатки

Со многих точек зрения экспериментальное, лабораторное исследование представляет собой научный идеал. Попросите людей дать описание ученого, и они, вероятнее всего, нарисуют образ человека в белом халате, находящегося в лаборатории, с планшетом в руке, который считывает показания с приборов или возится с аппаратурой. Сила и преимущество экспериментального подхода к исследованию заключается в возможности четко управлять избранными переменными, собирая объективные данные, свободные от пристрастий и субъективных интерпретаций, и устанавливать причинно-следственные отношения. В эксперименте, который организован и выполнен должным образом, каждый шаг тщательно планируется, с тем чтобы исключить посторонние влияния на интересующие нас переменные. Чтобы не возникала проблема распутывания сложных взаимосвязей, переменных берут немного. Систематические связи между изменениями одних переменных и последствиями для других переменных устанавливаются таким образом, что экспериментатор может сказать: «Если X, то Y». В публикации сообщаются все детали экспериментальной процедуры, для того чтобы результаты можно было воспроизвести в других лабораториях.

Психологи, которые критикуют лабораторные исследования, считают, что слишком часто в них создаются искусственные условия и их релевантность для других контекстов невысока. То, что работает в лаборатории, может не сработать в другой ситуации. Более того, хотя можно установить связь между изолированными переменными, она может не сохраниться, когда мы обратимся к реальному поведению человека во всей его сложности. Кроме того, так как лабораторные исследования, как правило, ограничены относительно короткими внешними интервалами предъявления испытуемым тех или иных стимулов, можно пропустить важные процессы, которые происходят после отведенного времени. К этой критике надо добавить, конечно, и возможные ограничения, связанные с тем, что далеко не все феномены можно воссоздать в лаборатории.

Будучи человеческим предприятием, экспериментальное исследование людей подвержено влияниям, которые свойственны повседневным межличностным отношениям. Изучение таких влияний можно было бы назвать *социальной психологией эксперимента*. Давайте рассмотрим два важных примера. Прежде всего это могут быть факторы, влияющие на поведение испытуемых, но не предусмотренные программой эксперимента. Среди таких факторов могут быть подсказки, скрыто заложенные в самой экспериментальной ситуации, которые дают понять испытуемому, что ожидает экспериментатор, какая у него гипотеза, и испытуемый «в интересах науки» ведет себя так, чтобы подтвердить эту гипотезу. Такие влияния известны как **эффект требуемых результатов** и означают, что психологический эксперимент есть форма социального взаимодействия, в котором испытуемые придают смысл и значение происходящему (Ogpe, 1962; Weber & Cook, 1972). Смысл и значение, придаваемые исследованию, могут варьироваться от испытуемого к испытуемому, не будучи зап-

ланированными программой эксперимента, и тем самым будут способствовать снижению как его надежности, так и валидности.

В дополнение к этим ошибкам и тенденциозности со стороны испытуемого существуют источники непреднамеренного влияния или ошибок со стороны экспериментатора. Сами того не подозревая, экспериментаторы могут совершать ошибки в записях и анализе данных или давать подсказки испытуемым и таким образом влиять на их поведение. Подобный непреднамеренный **эффект ожиданий экспериментатора** может привести к тому, что испытуемые будут вести себя в соответствии с гипотезой (Rosenthal, 1994; Rosenthal & Rubin, 1978). Например, рассмотрим классический случай с Умным Гансом (Pfungst, 1911). Ганс был конем, который, стуча копытом, мог складывать, вычитать, умножать и делить. Коню предъявляли математическую задачу, и, невероятно, но факт, он давал правильный ответ. Чтобы раскрыть секрет талантов Ганса, предпринимались попытки варьировать различные ситуативные факторы. Если Ганс не мог видеть задающего вопрос или если спрашивающий сам не знал ответа, то Ганс был не в состоянии дать правильный ответ. В то же время если спрашивающий знал ответ задачи и конь мог его видеть, то Ганс мог отстучать ответ своим копытом. Очевидно, спрашивающий произвольно сигнализировал Гансу, когда следует начинать бить копытом и когда надо остановиться: постукивание должно начинаться, когда спрашивающий наклоняет голову вперед, ускоряться, когда спрашивающий наклоняется вперед еще больше, и останавливаться, когда спрашивающий выпрямляется. Таким образом, эффекты ожиданий экспериментатора могут быть очень скрытыми и ни экспериментатор, ни испытуемый могут и не подозревать об их существовании.

Надо заметить, что эффекты требуемого результата и эффекты ожиданий экспериментатора могут оказаться источниками ошибок во всех трех стратегиях исследования. Тем не менее эти эффекты рассматривали и изучали в основном в приложении к экспериментальным исследованиям. Кроме того, как уже отмечалось, эксперимент, по мнению многих, наиболее близок к научному идеалу. Поэтому подобные источники ошибок при рассмотрении этой стратегии исследования заслуживают особого внимания.

Многие критики экспериментального подхода сами подвергались ответным нападкам со стороны психологов-экспериментаторов. Было выдвинуто несколько положений в защиту лабораторного эксперимента: 1) такие исследования — необходимая база для проверки причинно-следственных гипотез, степень же общности установленных связей может стать предметом дальнейших исследований; 2) некоторые феномены никогда не были бы открыты без лабораторных экспериментов; 3) в лаборатории можно исследовать те феномены, которые трудно было бы изучать другим способом (например, в условиях эксперимента испытуемым позволяют быть агрессивными, тогда как в естественных условиях, в обществе, на проявления агрессии довольно часто налагаются строгие запреты); 4) набирается очень мало эмпирических фактов, подтверждающих, что испытуемые обычно пытаются подстроиться под гипотезу экспериментатора или что влияние других экспериментальных артефактов так уж велико. Действительно, многие испытуемые по отношению к экспериментатору настроены скорее негативистски, чем конформно (Berkowitz & Donnerstein, 1982).

Корреляционные исследования и вопросники: достоинства и недостатки

Как отмечалось ранее, многие достоинства и недостатки корреляционного исследования представляют собой полную противоположность достоинствам и недостаткам экспериментального исследования. С одной стороны, корреляционное исследование предоставляет возможность изучить более широкий диапазон переменных, а с другой — оно дает меньше возможностей для установления контроля над этими переменными.

Рассмотрим применение личностных вопросников в корреляционном исследовании. Во-первых, многие психологи усомнятся в том, можем ли мы принять ответы испытуемых на вопросники как точные свидетельства того, что испытуемые чувствуют и делают. Во-вторых, ответы на вопросники, требующие от испытуемого самоотчета, чувствительны к различным видам тенденциозности. Специальные исследования показывают, что испытуемые часто реагируют на характер вопросов, а не только на их содержание, т.е. у них есть устойчивая тенденция определенным образом реагировать на вопросы — **стиль ответов** (или стиль реагирования).

Ситуацию можно проиллюстрировать на двух проблемах, связанных со стилем реагирования. В первом случае мы сталкиваемся с **соглашательским** стилем реагирования, который означает тенденцию соглашаться (либо, наоборот, не соглашаться) с вопросами, независимо от их содержания. Например, испытуемые оказывают предпочтение таким ответам, как «нравится» и «согласен» (поддакиватели), или таким ответам, как «не нравится» и «не согласен» (негативисты). Второй пример потенциальной тенденциозности в ответах на вопросники — это **социальная желательность** определенных ответов. Вместо того чтобы реагировать на заложенный в вопросе психологический смысл, испытуемый может отвечать на него исходя из своих представлений о социальной желательности или нежелательности личностных характеристик.

Еще одно критическое замечание в адрес вопросников связано с тем, что они полностью полагаются на самоотчеты и тем самым потенциально чреватые появлением всех проблем, которые обсуждались раньше в связи со словесными отчетами. Недавнее исследование проливает дополнительный свет на вопрос о бессознательном искажении ответов и в то же время подчеркивает потенциальную ценность клинического суждения (Shedler, Mayman & Manis, 1993). В этом исследовании, проведенном психологами психоаналитической ориентации, скептически относившимися к данным, полученным на основе самооценок, индивиды, которые выглядели «хорошими» по шкалам вопросника психического здоровья, независимо от этого оценивались клиницистом психодинамической ориентации. На основе его клинического заключения были выделены две подгруппы: в одну попали действительно здоровые индивиды, что соответствовало их ответам по шкалам вопросника, а в другую — индивиды, которые находились в состоянии сильного психологического дискомфорта, но сохраняли *иллюзию* психического здоровья за счет защитного отрицания своих трудностей. Обнаружилось, что индивиды этих двух групп существенно

различаются по своим реакциям на стресс. Было обнаружено, что у испытуемых с иллюзорным психическим здоровьем уровень коронарной реактивности на стресс значительно выше, чем у здоровых испытуемых. У индивидов этой группы обнаруживали даже более высокий уровень коронарной реактивности на стресс, чем у испытуемых, которые имели низкие оценки по шкалам психического здоровья. Различия в реактивности на стресс между действительно здоровыми испытуемыми и «иллюзорно» здоровыми оказались значимыми не только статистически, но и с медицинской точки зрения. Таким образом, было установлено, что «для некоторых людей шкалы психического здоровья, видимо, служат правомерными средствами измерения психического здоровья. У других людей эти шкалы, видимо, измеряют защитное отрицание. Кажется, что нет никакой возможности только по одним тестовым показателям определить, что именно измеряется у данного конкретного респондента» (Shedler, Mayman & Manis, 1993, p. 1128).

Сторонники применения вопросников считают, что подобные проблемы и источники тенденциозности можно свести на нет благодаря тщательному конструированию теста и точной интерпретации. Например, создатели тестов полагают, что ответы на вопросник надо расценивать не как буквальное отражение чувств и действий испытуемого, а всего лишь как *показатель*, связанный с интересующим нас феноменом. Они также считают, что, тщательно составив вопросы, можно избежать таких видов тенденциозности, как соглашательство и социальная желательность. И наконец, они полагают, что можно включить в тест вопросы или шкалы, которые покажут, пытается ли испытуемый обмануть или представить себя в особенно выгодном свете.

Хотя такие способы повышения адекватности в принципе возможны, они редко реализуются на практике в многочисленных личностных вопросниках. Более того, даже когда личностный тест имеет солидные доказательства надежности и валидности, его результаты могут расходиться с результатами другого теста, предположительно измеряющего ту же самую характеристику. Короче говоря, хотя личностные вопросники привлекательны с точки зрения легкости применения и возможности добраться с их помощью до таких характеристик личности, которые иначе изучить очень трудно, однако проблемы с их валидностью и надежностью часто бывают весьма существенными.

Итоговая оценка достоинств и недостатков

Оценив все эти альтернативные стратегии исследования, мы должны признать, что рассматривали скорее потенциальные достоинства и недостатки, а не те, которые непременно имеют место (табл. 2.1). Отсюда вытекает, что каждая попытка исследования должна оцениваться индивидуально, с учетом возможностей, которые она дает в продвижении к истине, а не на основе заранее сформулированных ожиданий. Альтернативные подходы к исследованию можно использовать в сочетании друг с другом в любом научном проекте. Кроме того, надо сказать, что данные альтернативных подходов могут быть интегрированы с целью создания более всеобъемлющей теории.

Таблица 2.1. Сводка потенциальных достоинств и недостатков альтернативных подходов к исследованию

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ДОСТОИНСТВА	ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ
ИЗУЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЕВ И КЛИНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	
1. Избегает искусственности лабораторных ситуаций.	1. Ведет к несистематическим наблюдениям.
2. Дает возможность изучать всю сложность взаимоотношений человека со средой.	2. Подталкивает к субъективизму в интерпретации данных.
3. Ведет к углубленному изучению индивидуальности.	3. Не распутывает связи между переменными.
ЛАБОРАТОРНЫЕ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1. Манипулируют конкретными переменными.	1. Исключают из исследования феномены, которые не могут быть изучены в лаборатории.
2. Ведут объективную регистрацию данных.	2. Создают искусственные условия, которые ограничивают общность результатов.
3. Устанавливают причинно-следственные отношения.	3. Способствуют проявлению эффекта требуемых результатов и эффекта ожиданий экспериментатора.
ВОПРОСНИКИ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1. Изучают широкий диапазон переменных.	1. Устанавливают связи скорее ассоциативного характера, чем причинно-следственного.
2. Изучают связи между многими переменными.	2. При использовании вопросников, требующих самоотчета, возникают проблемы с их валидностью и надежностью.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В первой главе мы говорили о природе теории личности, о попытках теории систематизировать то, что уже известно, и сориентировать исследования на открытие того, что еще не изучено. Эту главу мы начали с анализа разных видов данных, получаемых психологами в эмпирических исследованиях личности. Затем мы обратились к рассмотрению трех стратегий в исследованиях личности — клинической, экспериментальной и корреляционной. Хотя каждая из них следует своим путем, не пересекаясь с другими, у них есть общие цели — надежность и валидность, т.е. задачи получения воспроизводимых результатов, которые расширяют наше знание и могут быть помещены в теоретический контекст. До сих пор мы рассматривали теорию и эмпирические

исследования отдельно. Тем не менее мы постоянно подчеркивали, что теория и исследования влияют друг на друга. Теория открывает широкие перспективы для исследования, а исследование дает средства для проверки гипотез, порождаемых теорией. Не связанная с исследованием теория состоит из одних спекуляций, а исследования, не имеющие отношения к теории, представляют собой простое собирание фактов. Теория и исследования взаимозависимы, они придают дополнительное значение друг другу и многое заимствуют друг у друга.

Обращая внимание на взаимозависимость теории и исследований, мы также хотим высказать предположение, что между ними существуют связи и другого рода. Ранее в этой главе был сделан вывод, что исследователи личности отдают явное предпочтение тому или иному виду данных. Кроме того, ученые выражают свои предпочтения и пристрастия и в отношении того, как следует проводить исследование. Отец американского бихевиоризма Джон Б. Уотсон (John B. Watson) признавался в том, что он проводит исследования на животных отчасти из-за дискомфорта, который испытывает, работая с людьми. Вместе с тем, без сомнения, чувства других исследователей могут быть прямо противоположны. Исторически сложилось, что исследователи личности так или иначе склоняются к одному из полюсов в каждой из трех оппозиций, связанных с тремя стратегиями исследований: 1) «заставлять события происходить» в исследовании (экспериментальный подход) либо «изучать то, что уже произошло» (корреляционный подход); 2) изучать всех индивидов (экспериментальный подход) либо одного-единственного индивида (клинический подход) и 3) изучать один или несколько аспектов личности либо индивидуальность в целом. Иными словами, мы имеем дело с предпочтениями или пристрастием к клиническому, к экспериментальному или к корреляционному исследованию. Несмотря на объективность науки, эмпирическое исследование — это такое же человеческое предприятие, как и все другие, поэтому подобные предпочтения — неизбежная составляющая научной деятельности. Все ученые стараются быть объективными, насколько это возможно, в проведении своих исследований, и, как правило, они выдвигают «объективные» причины следования именно данной стратегии. То есть подчеркиваются определенные преимущества выбранного исследовательского подхода по сравнению с достоинствами и недостатками альтернативных подходов. Однако, помимо этого, сюда примешивается и личный элемент. Точно так же, как психологи чувствуют себя более комфортно с тем или другим видом данных, они чувствуют себя и более комфортно в рамках того или иного подхода к исследованию.

Далее можно утверждать, что различные теории личности связаны с различными исследовательскими стратегиями и соответственно с различными видами данных. Другими словами, связи между теорией, данными и типом эмпирического исследования ведут к тому, что наблюдения, свойственные одной теории личности, часто отличаются от тех наблюдений, которые характерны для другой теории. И феномены, которые являются предметом интереса для одной теории личности, не так легко изучать средствами, предназначенными для изучения феноменов, которыми занимается другая теория личности. Одна теория личности приводит к получению одного вида данных и следует одному подходу к исследованию, тогда как другая теория собирает данные другого

вида и следует другой стратегии исследования, и дело не в том, что одна стратегия лучше другой, а в том, что они разные, и эти различия нужно признавать, индивидуально рассматривая каждый отдельный подход к теории и исследованию. Так как остальные главы этой книги непосредственно посвящены основным теоретическим подходам к личности, очень важно держать в голове все эти связи и различия при сравнении одной теории с другой.

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ И СЛУЧАЙ ДЖИМА

Как мы видели, эмпирические исследования личности включают измерение личностных характеристик, предположительно имеющих теоретическую значимость. Термин *диагностика*, или *психодиагностика* (*assessment*), обычно имеет отношение к измерению личностных свойств индивидов для решения задач практического или прикладного характера: будет ли данный человек подходящим кандидатом для данной работы? будет ли этот пациент успешно продвигаться в сторону выздоровления при том или ином способе терапии? подходит ли данный человек для данного вида обучения? Кроме того, термин *диагностика* часто обозначает стремление всесторонне постичь личность людей, собрав о них как можно больше разнообразных данных. В этом смысле диагностика человека означает предъявление разнообразных личностных тестов или измерений с целью всестороннего изучения его личности. Как уже отмечалось, такие попытки, кроме всего прочего, позволяют сравнить результаты, получаемые из разных источников информации. Эта книга исходит из предположения, что каждый диагностический метод дает какое-то представление о поведении индивида и что ни один тест в отдельности не дает и не может дать полную и целостную картину личности человека. Люди сложны, и наши попытки диагностировать личность обязаны отражать эту сложность.

В последующих главах мы рассмотрим целый ряд теорий личности и подходов к личностной диагностике. Кроме того, мы будем обсуждать оценку одного и того же индивида — Джима с точки зрения разных теорий и разных подходов к диагностике. Благодаря этому приему мы сможем увидеть взаимосвязи между теорией и диагностикой, а также посмотреть, насколько похожая картина получается в результате применения разных подходов.

Прежде чем мы возьмемся за описание личности Джима, нужно представить, при каких обстоятельствах осуществлялся данный психодиагностический проект. Джим был студентом колледжа, когда в конце 60-х годов он добровольно согласился участвовать в качестве испытуемого в проекте, предполагающем интенсивное изучение студентов колледжа. Он принял участие в проекте главным образом потому, что интересовался психологией, но еще и потому, что надеялся лучше разобраться в себе. В тот раз его провели по целому ряду разнообразных тестов. Эти тесты были выбраны из числа тех, что были доступны в то время. Понятно, что тесты, связанные с теориями, еще не разработанными к тому времени, предъявляться не могли. Однако Джим согласился рассказать о своем жизненном опыте и пройти дополнительное тестирование 5, 10 и 25 лет спустя. И всякий раз ему предъявлялись тесты, разработанные в соответствии с появившимися к тому времени теориями личности.

Таким образом, у нас нет возможности рассмотреть результаты всех тестов в один и тот же момент времени. Тем не менее мы можем наблюдать личность индивида на протяжении значительного времени и тем самым изучить, как теории и тесты отразят то, что происходило в его жизни раньше и что получилось потом. Давайте начнем с короткого пересказа автобиографии Джима и проследим за ним на протяжении всего текста книги, по мере того как будем касаться различных подходов к личности.

Автобиографический очерк

В автобиографии Джим сообщил, что он родился в Нью-Йорке после окончания Второй мировой войны и в детстве был окружен вниманием и любовью. Его отец закончил колледж и занимается собственным бизнесом по продаже автомобилей; его мать — домохозяйка, которая занимается еще и благотворительностью — читает слепому человеку. Джим сообщил, что у него хорошие отношения с отцом, а о матери написал, что она «много печется о других людях и в целом она — "любящая" женщина». Джим — старший из четырех детей: сестра моложе его на четыре года, а из братьев один моложе на пять лет, а другой — на семь. Главные темы его автобиографии — неспособность установить удовлетворяющие его отношения с женщинами, его потребность в успехе, относительные неудачи, начиная со старших классов школы, а также его неуверенность в том, по какой специальности следует идти в аспирантуру — по деловому администрированию или по клинической психологии. В целом он считал, что люди высоко оценивают его, потому что они используют поверхностные критерии, а сам он испытывает по поводу себя внутреннее беспокойство.

Мы наметили здесь только внешние контуры жизни человека. Будем надеяться, что они наполнятся подробностями, когда он будет изучен с позиций разных теорий личности. Надеемся, что к концу книги постепенно возникнет заверченный портрет Джима.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

L-данные (L-data). Жизненные данные, или информация, касающаяся человека, которую можно получить из его биографии или различных документов.

O-данные (O-data). Данные, полученные при стороннем наблюдении, или информация, предоставленная осведомленными наблюдателями, такими, как родители, друзья или учителя.

T-данные (T-data). Тестовые данные, или информация, полученная в результате проведения эксперимента или стандартизованных тестов.

S-данные (S-data). Данные самоотчетов, или информация, предоставленная самим испытуемым.

Надежность (Reliability). Величина, которая определяет, в ка-

кой степени наблюдения стабильны, заслуживают доверия и воспроизводимы.

Валидность (Validity). Величина, которая определяет, в какой степени наши наблюдения отражают феномены или переменные, которые и предполагалось исследовать.

Клиническое исследование (Clinical research). Подход к исследованию, предполагающий интенсивное изучение индивидов в форме наблюдения за естественным поведением или в форме вербальных сообщений о том, что происходило в естественных условиях.

Экспериментальное исследование (Experimental research). Стратегия исследования, при которой, в отличие от корреляционного подхода, экспериментатор манипулирует переменными и интересуется общими законами. Цель состоит в установлении причинно-следственных связей между немногими переменными.

Выученная беспомощность (Learned helplessness). Понятие, введенное Селигменом для характеристики неадекватной пассивности и сниженной мотивации, возникающих в результате повторных столкновений с неконтролируемыми событиями.

Корреляционное исследование (Correlational research). Подход к исследованию, при котором в отличие от экспериментального подхода измеряются уже существующие индивидуальные различия и устанавливаются связи между ними.

Локус контроля (Locus of control).

Понятие Роттера, описывающее генерализованное ожидание, или убеждение, относительно детерминант наград и наказаний.

Шкала

Интернальности—Экстернальности (И—Э-шкала, или шкала

внутреннего-внешнего локусов контроля) (Internal-External (1-E) Scale). Личностная шкала,

разработанная Роттером для измерения того, в какой степени у человека развито убеждение, что он контролирует события, происходящие в его жизни (интернальный локус контроля), в противоположность убеждению, что жизненные события — это результат внешних факторов, таких, как случай, везение или судьба (экстернальный локус контроля).

Причинная (каузальная) атрибуция (Causal attribution).

В усовершенствованной теории выученной беспомощности и депрессии атрибуции оцениваются по трем параметрам: интернальные (персонализированные)—экстернальные (универсальные), специфические—глобальные и стабильные—нестабильные.

Вопросник атрибутивного стиля [Attributional Style Questionnaire (ASQ)].

Вопросник, созданный для измерения атрибуций, касающихся выученной беспомощности, по трем параметрам: интернальные (персонализированные)—экстернальные (универсальные), специфические—глобальные и стабильные-нестабильные.

Требуемые результаты (Demand characteristics). Подсказки, которые имплицитно (скрыто) присутствуют в экспериментальной ситуации и влияют на поведение испытуемого.

Эффекты ожиданий экспериментатора (Experimenter expectancy effects). Непреднамеренные влияния со стороны экспериментатора, которые под-

талкивают испытуемых к реакции, соответствующей гипотезе экспериментатора.

Стиль реагирования (Response style). Наблюдающаяся у некоторых испытуемых тенденция отвечать на вопросы теста или вопросника согласованным образом, который больше связан с формой вопросов и/или ответов, чем с их содержанием.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Исследование личности предполагает систематическое изучение взаимосвязей между феноменами или событиями. Четыре типа данных используются в исследовании личности: L-данные, O-данные, T-данные и S-данные (LOTS). Существуют три основных подхода, три стратегии исследования личности — клиническое исследование, лабораторный эксперимент и корреляционный анализ с использованием вопросников.
2. Все исследования имеют общие цели: обеспечение надежности и валидности, т.е. получение наблюдений, которые можно воспроизвести и для которых имеется доказательство их связи с исследуемым понятием. Будучи разновидностью человеческой деятельности, эмпирическое исследование личности имеет и этический аспект, касающийся обращения с испытуемым во время эксперимента и публикации результатов.
3. Клиническое исследование подразумевает интенсивное изучение индивидов и иллюстрируется примером изучения реакций на стресс военных сражений.
4. Экспериментальное исследование подразумевает возможность манипулирования выбранными переменными и возможность установления причинно-следственных связей по типу «если... то...». Этот подход к исследованию иллюстрируется изучением выученной беспомощности.
5. В корреляционном исследовании психолог оказывается не в состоянии контролировать интересующие его переменные и пытается установить ассоциативные, или корреляционные, связи уже существующих феноменов друг с другом. Для корреляционного исследования особенно большое значение имеют вопросники, как это показано на примере исследований с использованием шкалы Интернальности— Экстернальности и Вопросника атрибутивного стиля.
6. Согласно усовершенствованной модели выученной беспомощности, причинные объяснения событий различаются по таким параметрам,

как интернальность-экстернальность, специфичность—глобальность и стабильность—нестабильность. Предполагается, что тот или иной атрибутивный (или объяснительный) стиль связан с определенными последствиями (например, интернальные, глобальные и стабильные атрибуции негативных событий связаны с депрессией).

7. Все три исследовательских подхода дают сходные результаты, касающиеся связи между отсутствием контроля, или беспомощностью, и стрессом. Ожидание того, что конечные результаты не зависят от твоих действий (экстернальный локус контроля, выученная беспомощность), существенно сказывается на мотивационной, когнитивной и эмоциональной сферах.
8. Каждый из трех подходов к исследованию имеет свой собственный баланс достоинств и недостатков (см. табл. 2.1). Таким образом, каждая исследовательская стратегия может приводить в чем-то к глубокому проникновению в суть проблемы, а в чем-то — к поразительной слепоте.
9. Теории личности различаются по своей приверженности определенным видам используемых эмпирических данных и подходов к исследованию. Иными словами, существует тенденция взаимозависимости между теорией, характером данных и методом исследования. Важно не забывать об этой зависимости, когда в дальнейших главах мы будем рассматривать основные теории личности. Для иллюстрации и возможностей сравнения в каждой главе будет представлен один и тот же индивид, изученный с точки зрения каждого теоретического направления.

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: психоаналитическая теория Фрейда

ЗИГМУНД ФРЕЙД (1856-1939): ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА ТЕОРИИ ВЗГЛЯДЫ ФРЕЙДА НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО ВЗГЛЯДЫ ФРЕЙДА НА НАУКУ, ТЕОРИЮ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИЗ: ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

- Структура
 - • Понятие бессознательного
 - • Уровни осознания
 - Мотивированное бессознательное*
 - Релевантные психоаналитические исследования*
 - Современный статус понятия бессознательного*
- • Оно, Я и Сверх-Я

- Процесс
 - • Инстинкты жизни и смерти
 - • Динамика функционирования
 - • Тревога и защитные механизмы
- Рост и развитие
 - • Развитие процессов мышления
 - • Развитие инстинктов
 - Стадии развития*
 - Психосоциальные стадии развития, по Эриксону*
 - • Важность раннего опыта

**ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

В фокусе главы

Сильнейшая теннисистка выступает на чемпионате штата. Она никогда прежде не встречалась со своей соперницей и поэтому решила познакомиться с ней перед матчем. Она прошла на ту сторону корта, где разминалась ее соперница, и сказала: «Привет! Меня зовут Энн, рада тебя *победить*»*. Можете себе представить, как была смущена Энн! Покраснев, она извинилась за свою нечаянную ошибку и вернулась тренироваться на свою сторону. «Боже, — подумала Энн, — откуда *это* взялось?»

Была ли оговорка Энн действительно столь невинной? Фрейд никогда бы так не сказал. С его точки зрения, дурацкая ошибка Энн на самом деле разоблечила *бессознательные* агрессивные влечения. *Психоаналитическая* теория Фрейда — пример *психодинамического* и *клинического* подходов к личности. Поведение истолковывается как результат динамического взаимодействия мотивов, влечений, потребностей и конфликтов. В эмпирическом исследовании используется, главным образом, клинический подход, который, как уже было сказано, означает изучение отдельных индивидов, внимание к индивидуальным различиям и стремление оценить и понять индивида как целое.

Вопросы, на которые отвечает данная глава

1. В какой степени исторические и личные события наложили отпечаток на теорию Фрейда?
2. Какие факты доказывают наличие бессознательных влияний на нашу жизнь?
3. Тревога часто переживается очень болезненно. К каким средствам прибегают люди, чтобы защититься от слишком сильной тревоги?
4. Могут ли люди вытеснить воспоминания о пережитой в детстве травме и затем восстановить их, будучи взрослыми?
5. Насколько ранний опыт важен для развития личности в дальнейшем?

Психоанализ отразил смену ценностей в нашем обществе и сыграл свою роль в этом процессе. Психоаналитическая теория Фрейда по-прежнему привлекает к себе внимание и как выдающееся явление в культуре нашего общества, и как образец психодинамической теории личности. Как заметил Норман О. Браун: «Это шокирующее переживание для любого человека, верного западным традициям морали и рациональности — не отводя глаз, посмотреть на то, что Фрейд хотел и должен был сказать. Это унижительно, когда тебя неотврати-

* «Glad to *beat* you», — сказала Энн. В этом предложении выделенное курсивом слово *beat* (победить) созвучно слову *meet* (знакомиться). «Glad to *meet* you» — «Рада с тобой познакомиться», — хотела сказать Энн. Кроме того, слово *beat* означает также и *побить* (в буквальном, физическом смысле). (Примеч. пер. и науч. ред.)

мо вынуждают признать крайне неприглядную изнанку многих великих идеалов... Проникнуться идеями Фрейда — все равно что во второй раз вкусить запретного плода от древа познания» (N. Brown, 1959, p. xi). Фрейд проницательно заметил, что по человеческому самолюбию и самоуважению было нанесено три удара: открытием Коперника, что Земля не есть центр Вселенной, открытием Дарвина, что человек не есть нечто независимое от других обитателей животного царства, и открытием того, до какой степени мы находимся под влиянием неизвестных, неосознанных, а иногда и неконтролируемых сил.

Психоаналитическая теория выросла из интенсивной работы с отдельными людьми и в свою очередь повлияла на практическую работу с ними. Психоанализ является примером *психодинамической* теории, поскольку решающая роль в поведении человека в нем отводится взаимодействию сил. Согласно психоаналитической теории, поведение есть результат борьбы и компромиссов между мотивами, потребностями, влечениями и конфликтами. В поведении мотив может выражаться прямо или замаскированно, скрыто. Одно и то же поведение может удовлетворять у одних людей одни мотивы, а у других — другие или множество различных мотивов одного и того же человека. Например, потребление пищи может удовлетворять голод, но символически оно может удовлетворять и потребность в любви; работа врача может удовлетворять потребность помогать людям, но в то же время может служить и средством снятия собственной тревоги, вызванной опасениями заболеть или получить травму. Именно эта особенность поведения составляет главный пункт психодинамической теории личности. И последнее, поведение имеет разные уровни осознанности: люди могут в большей или в меньшей степени осознавать те силы, которые стоят за их разнообразными действиями.

Итак, в этой главе мы проанализируем и оценим теорию, согласно которой поведение человека — это результат взаимодействия сил. Это всеобъемлющая теория, рассматривающая различные по сложности феномены — начиная с оговорок, нечаянно слетевших с языка, и кончая развитием культуры.

ЗИГМУНД ФРЕЙД (1856-1939): ПРЕДСТАВЛЯЕМ АВТОРА ТЕОРИИ

Зигмунд Фрейд родился в Австрии в 1856 г. Он был первым ребенком у своих родителей, хотя его отец, будучи старше его матери на 20 лет, имел двух сыновей от первого брака. Вслед за его рождением родился и умер во младенчестве второй ребенок, а затем постепенно появились на свет еще шестеро братьев и сестер. Описывая себя как любимца матери, Фрейд заявлял, что «мужчина, который был безусловным фаворитом своей матери, на всю жизнь сохраняет чувство победителя, уверенность в успехе, которая часто ведет к реальному успеху» (Freud, 1900, p. 26). Мальчиком Фрейд мечтал стать великим полководцем или министром, но, так как он был евреем, ему приходилось считаться с сильным антисемитизмом, распространенным в этих сферах. Это заставило его задуматься о медицине. В бытность его студентом-медиком (1873—1881) большое влияние на него оказал Эрнст Брюке, известный в то время физиолог.

Брюке рассматривал человека как динамическую *физиологическую* систему, в которой все процессы регулируются согласно физическим законам сохранения энергии. Этот взгляд на функционирование физиологических процессов лег в основу динамической теории Фрейда о *психологическом* функционировании (Sulloway, 1979).

После получения медицинской степени Фрейд занимался научными исследованиями и практикой в области неврологии. Некоторые его ранние исследования были посвящены сравнению взрослого и эмбрионального мозга. Он пришел к выводу, что наиболее ранние (незрелые) мозговые структуры устойчиво сохраняются в более поздних мозговых структурах, никогда полностью не исчезая; позднее это нашло свое отражение в представлениях Фрейда о развитии личности. Итак, первые годы его профессиональной жизни после окончания медицинской школы были заняты теоретическими и экспериментальными исследованиями, но затем по материальным соображениям Фрейд начинает заниматься частной практикой. В течение жизни Фрейд периодически переживает депрессии и приступы тревоги, временами принимая кокаин, чтобы снять возбуждение и избавиться от угнетенного состояния. Фрейд был женат и имел трех дочерей и трех сыновей.

В 1886 г. Фрейд работает с французским психиатром Жаном Шарко, который добился с помощью гипноза некоторого успеха в лечении людей, страдающих неврозами. Хотя Фрейд и не был полностью удовлетворен результатами гипноза, его вдохновляли идеи Шарко. Эрнст Джонс, первый биограф Фрейда, так высказывался о его достижениях в этот период: «Вся эта работа впоследствии сделает Фрейда первоклассным специалистом-неврологом, упорным тружеником, строгим и точным мыслителем, но пока в ней — за исключением, быть может, книги об афазии — еще мало усматривалось присутствие гения» (E. Jones, 1953, p. 220).

В 1897 г., последовавшим за годом смерти отца, Фрейд начал свой самоанализ. Он был по-прежнему подвержен депрессиям, и хотя интеллектуальные занятия помогали отвлекаться от страдания, он искал решение проблем в своем подсознании: «Мое выздоровление может произойти только с помощью работы подсознания. Я не могу обойтись только одним сознанием». Всю оставшуюся жизнь он продолжал заниматься самоанализом, посвящая ему последние полчаса своего рабочего дня. В 1890-х годах он пробует на своих пациентах различные варианты терапевтических методов. Сначала он использовал гипнотическое внушение в том виде, как его практиковал Шарко; затем он попробовал метод концентрации: он клал свою руку на голову пациента и побуждал его к воспроизведению воспоминаний. В этот период Фрейд также сотрудничал с венским врачом Иосифом Брейером, научился у него методу катарсиса (облегчение и высвобождение эмоций в процессе беседы пациента с психотерапевтом) и написал в соавторстве с ним книгу *«Исследования истерии»*. К этому времени Фрейду уже за сорок, он еще мало, практически ничего, не сделал для построения того, что потом станет известно как психоанализ. Более того, собственные суждения Фрейда о себе и своей работе близки к мнению его биографа Джонса: «Я обладаю весьма ограниченными способностями и талантами. Совсем никакими к естественным наукам, нулевыми — к математике и к

любимым точным наукам. Но то, что мне дано, пусть весьма ограниченного свойства, развито, вероятно, очень сильно».

Поворотный момент в практической и теоретической деятельности Фрейда датируется началом самоанализа и началом применения в 1896 г. метода **свободных ассоциаций** в клинической работе с пациентами. В 1900 г. этот метод, позволяющий мыслям течь свободно, без запретов и искажений любого толка привел к появлению книги *«Толкование сновидений»*, которую до сих пор считают самой значительной работой Фрейда. В ней Фрейд начал разрабатывать свою теорию психики, и хотя в первые восемь лет после публикации было продано всего 600 экземпляров книги, он продолжал работать над этой теорией дальше. В 1902 г. было создано Психоаналитическое общество. В него вошли люди, которым предстояло стать выдающимися психоаналитиками: Альфред Адлер, Пауль Федерн, Отто Ранк и Шандор Ференци. Увеличивалось количество работ Фрейда, развивалась теория, но с ростом внимания публики начались и публичные оскорбления. В 1904 г. Фрейд опубликовал *«Психопатологию обыденной жизни»*, а в 1905 г. выходят *«Три этюда по теории сексуальности»*. В последней работе были представлены взгляды Фрейда на детскую сексуальность и на ее связь с сексуальными перверзиями и неврозами. Результатом стало шельмование Фрейда, которого сочли дьяволом и нечестивцем с грязными мыслями. Медицинским учреждениям, терпимо относящимся к взглядам Фрейда, объявлялся бойкот; одного из его первых последователей — Эрнста Джонса — вынудили покинуть должность психоневролога за расспросы пациентов об их сексуальной жизни.

Отклоняясь в сторону от нашего повествования, интересно отметить, что книги Фрейда долго и с презрением отвергались в Советской России как противоречащие коммунистической идеологии, и даже когда началась либерализация, специалисту, желавшему опубликовать свои статьи о сексе, заявили, что «нашей молодежи не нужны книги о Фрейде» (*The New York Times*, May 2, 1989, A 1).

В 1909 г. Фрейд был приглашен американским психологом Г. Стенли Холлом прочесть цикл лекций в Университете Кларка в Ворчестере, штат Массачусетс. Там Фрейд работал над теорией развития и теорией детских фантазий, развивал свои представления о принципах функционирования психики и взгляды на психоаналитический процесс. К тому времени он достиг значительной славы и признания, так что пациенты записывались к нему в очередь на прием.

Но у Фрейда были и проблемы. К 1919 г. он потерял почти все свои сбережения в результате Первой мировой войны. В 1920 г. в возрасте 26 лет умерла его дочь. Но, возможно, самым сильным его переживанием в то время был страх за жизнь двух сыновей, которые оказались на фронте. В 1920 г. на фоне этого исторического контекста Фрейд в свои 64 года разработал теорию **инстинкта смерти** — желания умереть, которое противостоит инстинкту жизни (желанию выжить).

Насколько явно отразилась война на его творчестве, настолько на него, очевидно, повлиял и антисемитизм, значительно возросший в 30-е годы. Например, в 1932 г. нацисты в Германии устроили публичное сожжение его книг. Вскоре после этого Фрейд опубликовал свою работу *«Моисей и монотеизм»*, в которой он предположил, что Моисей был на самом деле знатным египтянином, который присоединился к евреям и дал им религию. Фрейд объяснял антисемитизм сопротивлением людей строгому моральному кодексу евреев и

фактически заявил в этой книге, что этот кодекс был создан не евреем, а египтянином.

Фрейд умер 23 сентября 1939 г. в возрасте 83 лет. Почти до самого конца он продолжал свой ежедневный анализ и писал свои труды. Последние 20 лет его жизни замечательны высокой продуктивностью и большим личным мужеством. Ранее ему нужна была огромная смелость, чтобы делать свое дело, несмотря на нападки публики и коллег-медиков. Позднее потребовалось огромное мужество, чтобы продолжать работу, несмотря на потерю многих своих учеников и жестокость нацистов. В последний период своей жизни Фрейд продолжал работу, несмотря на крайне неблагоприятное физическое состояние и боль: ему пришлось перенести 33 операции по поводу рака челюсти. Хотя он был небогат, Фрейд отклонял выгодные предложения, которые, как он считал, поставили бы под угрозу его достоинство как ученого. В 1920 г. он отказался от предложения журнала *«Космополитен»* писать для них на темы типа: «Место мужа в доме», заявив: «Если бы я с самого начала своей карьеры считался с соображениями, определяющими дух вашего издания, уверен, что вряд ли стал бы известен в Америке или в Европе». В 1924 г. он отклонил сделанное Самуилом Голдвином предложение стоимостью в 100 тысяч долларов участвовать в создании фильмов по знаменитым любовным историям.

Большая часть того, что мы теперь называем основными элементами теории Фрейда, была разработана именно в эти последние 20 лет. Его человеческими качествами одни люди восхищались, отмечая его отзывчивость, мужество и гениальность, другие же, подчеркивая его многочисленные столкновения и разрывы с коллегами, считали его человеком ригидным, авторитарным и нетерпимым к чужому мнению (Fromm, 1959). Но как бы мы ни оценивали личность Фрейда, большинство, если не все, признают, что он отличался страстной жаждой истины и настойчиво, с огромным мужеством продолжал свои исследования. И последнее, большинство из тех, кто изучал Фрейда и психоанализ, согласятся, что факты личной жизни Фрейда и исторические реалии той эпохи (т.е. викторианская эпоха, Первая мировая война и антисемитизм) сыграли свою роль в окончательном оформлении его теории и развитии психоаналитического движения.

ВЗГЛЯДЫ ФРЕЙДА НА ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВО

В психоанализе имплицитно содержатся и взгляды на человека, и взгляды на общество, и даже, может быть, глобальная философия жизни. Хотя Фрейд стремился создать беспристрастную теорию, свободную от предрассудков как своих собственных, так и того исторического периода, в котором он жил, однако на самом деле психоаналитическая теория отразила темы, которые были актуальны для Европы конца XIX и начала XX в. Теория Фрейда базировалась на наблюдениях, но это были преимущественно наблюдения за пациентами среднего и высшего класса викторианской эпохи.

В центре психоаналитического учения о человеке находится понимание того, что человек есть **энергетическая система**. Постулируется, что существует систе-

ма, в которой энергия либо течет свободно, либо находит обходные пути, либо накапливается, как вода перед плотиной. Количество энергии ограничено, и если она тратится на одно, то ее остается существенно меньше на другое. То есть энергия, используемая для достижения культурных целей, недоступна более для сексуальных целей, и наоборот. Если один из каналов выхода энергии заблокирован, то она находит другой, в основном по линии наименьшего сопротивления. Цель всего поведения — *удовольствие*, т.е. уменьшение напряжения, или разрядка энергии.

Какое отношение имеет энергетическая модель к человеческому поведению? Эта модель порождена тем воодушевлением, которое переживали ученые во времена Фрейда в связи с открытиями в области энергетической динамики. Например, в соответствии с принципом сохранения энергии, введенным физиком XIX столетия Гельмгольцем, материя и энергия не исчезают, а превращаются из одной формы в другую. Не только физики, но и представители других наук изучали законы изменения энергии внутри системы. Как уже говорилось, во время обучения в медицинской школе большое влияние на Фрейда оказал физиолог Брюке. Человек, считал Брюке, движим силами, подчиняющимися закону сохранения энергии, и именно это представление было перенесено Фрейдом на психологические реалии поведения. Век динамики и энергетики обогатил ученых новой концепцией человека, гласящей, что «человек является энергетической системой и подчиняется тем же самым законам, которые управляют мыльными пузырями и движением планет» (Hall, 1954, pp. 12—13).

Помимо представления о человеке как об энергетической системе в концепции Фрейда содержится также мысль о том, что человеческие существа побуждаются сексуальными и агрессивными инстинктами, или влечениями (*drives*). Взгляды Фрейда на роль агрессии в поведении человека основывались на наблюдениях, но его интерпретация этих наблюдений имела явно философский характер. Так, например, в книге *«Недовольство культурой»* (Freud, 1930)* Фрейд писал: «А истинная суть всего этого, которая столь яростно отрицается, в том, что люди — вовсе не благородные, дружелюбные существа, жаждущие любви, которые всего лишь защищаются, если на них нападают, напротив, суть в том, что сильно выраженное стремление к агрессии должно быть признано в качестве составной части человеческих инстинктов» (p. 85). Продолжая разъяснять свою позицию дальше, Фрейд заявляет, что инстинкт агрессии лежит «в основе всех эмоциональных и любовных отношений между людьми за одним, быть может, исключением — отношения матери к своему ребенку мужского пола» (p. 89). Мы уже отмечали, что Фрейд опубликовал свою теорию агрессии и инстинкта смерти в 1920 г., после длительной и кровавой Первой мировой войны.

Наряду с влечением к агрессии Фрейд огромное внимание уделял сексуальному влечению и конфликту между выражением этого влечения и обществом. Акцент на сексуальных запретах, очевидно, был особенно тесно связан с вик-

* Работа Фрейда «*Civilization and Its Discontents*» выходила у нас под названиями: «*Цивилизация и ее враги*», «*Неудовлетворенность культурой*» и др. Более точный перевод названия — «*Недовольство культурой*» предложен А. М. Руткевичем. (*Примеч. науч. ред.*)

торианской эпохой, в которую жили и Фрейд, и его пациенты. По Фрейду, человек в своем настойчивом стремлении к удовольствию оказывается в конфликте с обществом и цивилизацией. Люди действуют в соответствии с **принципом удовольствия**, стремясь к «ничем не обузданному удовлетворению» своих желаний. Однако такой способ действий вступает в противоречие с требованиями общества и внешнего мира. Энергия, которая при других обстоятельствах могла бы быть высвобождена в стремлении к удовольствию и наслаждению, в этом случае должна быть заторможена и направлена по другому каналу, чтобы соответствовать целям общества. Фрейд полагал, что и научная деятельность, и деяния художника — практически весь спектр культурного творчества — суть выражение сексуальной и агрессивной энергии, которой не дали выразить себя более прямым путем.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

КАКОВА ЦЕНА ПОДАВЛЕНИЯ ВОЛНУЮЩИХ МЫСЛЕЙ?

Фрейд предполагал, что ценой прогресса нашей цивилизации оказывается нарастающий запрет на принцип удовольствия и все усиливающееся чувство вины. Нуждается ли цивилизация в подобном запрете? Во что обходятся индивиду его усилия подавить желания и отказаться от их «необузданного удовлетворения»?

Последние исследования Даниэля Уэгнера и его сотрудников позволяют предположить, что подавление волнующих мыслей может приводить к появлению негативных эмоциональных реакций и образованию психологических симптомов, таких, как фобии (иррациональные страхи) и навязчивые состояния (поглощенность неуправляемыми мыслями). В этих исследованиях испытуемым велели не думать о сексе. Старания не думать о сексе вызвали эмоциональное возбуждение, причем точно такое же, какое возникало у испытуемых, которым было дано разрешение думать

о сексе. Хотя через несколько минут возбуждение снизилось в обеих группах, они существенно различались по тому, что происходило с ними позже. В первой группе усилия подавить волнующие мысли приводили к вторжению этих мыслей в сознание и к возвратным всплескам эмоций. Если же испытуемым предоставлялась возможность свободно думать о сексе, подобных психологических последствий не наблюдалось.

Исследователи предполагают, что подавление волнующих мыслей может усиливать волнение. Другими словами, сам акт подавления может даже больше стимулировать данные мысли, чем в тех случаях, когда мы намеренно сосредоточиваемся на них. В итоге подобные усилия по подавлению мыслей не могут сослужить нам хорошую службу ни в эмоциональном, ни в психологическом плане.

Источники: Wegner, 1992, 1994; Wegner et al., 1990.

Еще одно следствие конфликта между индивидом и обществом — это душевные страдания (misery) и неврозы. По Фрейду, за прогресс цивилизации человек расплачивается душевными страданиями, утратой ощущения счастья и нарастающим чувством вины.

Таким образом, мы можем видеть, что за формальной концептуализацией теории личности в психоанализе присутствует некий имплицитный взгляд на человека. В соответствии с этим взглядом человеческие существа, подобно другим животным, побуждаются инстинктами, или влечениями, и действуют в целях поиска удовольствия. Люди функционируют как энергетические системы, в той или иной форме распределяя, запасаая, разряжая в основе своей одну и ту же энергию. Все поведение детерминировано, и по большей части — силами, лежащими за пределами нашего сознания. В конечном итоге психоанализ встает на защиту инстинктов и ищет способы уменьшения степени их фрустрированности (неудовлетворенности).

ВЗГЛЯДЫ ФРЕЙДА НА НАУКУ, ТЕОРИЮ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы знаем, что Фрейд обучался экспериментальной медицине и высоко ценил взаимосвязь теории с эмпирическими исследованиями. Он чувствовал необходимость в точном определении понятий, но также допускал и возможность того, что не очень четкие понятия и спекулятивные теории могут быть полезны на ранних стадиях развития науки.

Хотя Фрейд создал весьма разработанную теорию личности, все же главный вклад ученого заключался в характере тех наблюдений, которые он делал. Наблюдения Фрейда базировались на анализе пациентов, и, вообще говоря, он не видел особенной пользы в проверке принципов психоанализа лабораторными методами. Когда какой-нибудь психолог писал Фрейду, рассказывая ему о своих экспериментальных исследованиях психоаналитических положений, Фрейд отвечал, что психоаналитические понятия основываются на множестве достоверных наблюдений и не нуждаются в независимой экспериментальной верификации. Он вполне удовлетворялся интенсивным клиническим изучением отдельных пациентов, которое и было его главным исследовательским методом.

Этот метод исследования позволяет накопить значительный объем данных об индивиде. Вероятно, ни один другой метод в психологии даже не приближается к тому богатству информации, которую психоаналитик собирает об одном-единственном человеке. В то же время, как указывал сам Фрейд, аналитики отличаются от других ученых тем, что не используют эксперимент в своих исследованиях. Хотя Фрейд считал психоанализ частью научной психологии, большинство ранних исследований проводилось специалистами-медиками в ходе психотерапии. Только в последние 20-30 лет психологи попытались приложить традиционные научно-исследовательские методы к положениям психоанализа. По мере углубления в обсуждение психоаналитических понятий мы будем все больше сталкиваться с постоянной борьбой между сложными, неконтролируемыми наблюдениями, осуществляемыми в клинических условиях, и система-

тическим, контролируемым исследованием феноменов, проводимым в лаборатории. Например, совсем недавно прозвучала серьезная критика неконтролируемой природы фрейдовских наблюдений и способа их подачи: «Вместо того, чтобы обучать ученых, Фрейд пришел к тому, что обучал практиков в рамках довольно жесткой системы идей» (Sulloway, 1991, p. 275).

ПСИХОАНАЛИЗ: ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Теперь мы переходим к обсуждению деталей психоаналитической теории, помня об акценте на клинических исследованиях, который в ней делается, и о ее взглядах на функционирование человека как результат взаимодействия сил.

Структура

Каковы структурные элементы, которые использует психоаналитическая теория, чтобы объяснить поведение человека? На ранней стадии развития теории главным отправным пунктом психоаналитического учения было понятие уровней осознания. Действительно, Фрейд заявлял, что «у психоанализа нет других целей и достижений, кроме открытия бессознательного* в психической жизни» (1924, p. 397).

Понятие бессознательного

Трудно переоценить важность понятия бессознательного для теории психоанализа. Трудно переоценить также нравственные дилеммы, которые возникли в результате того, что это понятие было принято всерьез, и трудности ученых, с которыми они столкнулись при проведении соответствующих исследований. Суть понятия бессознательного состоит в том, что есть аспекты нашего существования, которые мы не полностью осознаем. Кроме того, в рамках психоаналитической теории понятие бессознательного включает мысль о том, что значительная часть, а может быть, и большинство наших действий, детерминируется неосознаваемыми силами и что много нашей психической энергии уходит либо на поиск приемлемых путей для выражения неосознаваемых желаний, либо на то, чтобы не пропустить их в сознание. Именно степень влияния бессознательного и мотивационные аспекты подобного влияния особенно примечательны для психоаналитического понятия бессознательного.

Уровни осознания

В соответствии с теорией психоанализа психическая жизнь может быть описана с точки зрения осознания психических феноменов: **сознательное** относится к явлениям, которые мы осознаем постоянно, в любой момент, **предсоз-**

* Термины «бессознательное», «неосознаваемое», «подсознательное» мы используем как синонимы. (Примеч. науч. ред. и пер.)

нательное — к явлениям, которые мы можем осознать, если обратим на них внимание, **бессознательное** — к явлениям, которые мы не осознаем и не можем осознать, если только не будут созданы специальные условия.

Хотя Фрейд не был первым, кто обратил внимание на важность бессознательного, но он был первым, кто исследовал в деталях свойства бессознательной жизни и придал им огромное значение для нашей повседневной жизни. Анализируя сновидения, оговорки, неврозы, психозы, творчество художников и ритуальное поведение, Фрейд попытался понять свойства бессознательного. Что он обнаружил прежде всего, так это то, что в бессознательной психической жизни нет ничего невозможного. Бессознательное алогично (противоположности могут означать одно и то же), не считается со временем (события разных периодов могут существовать одновременно) и с пространством (соотношения размеров и расстояния игнорируются, так что предметы огромных размеров могут помещаться внутри малых, а отдаленные друг от друга точки совмещаются). В этой связи вспоминается реплика Уильяма Джеймса о мире новорожденного ребенка как о «большой, расплывчатой и жужжащей мешанине».

Именно в сновидениях работа бессознательного становится наиболее очевидной. Здесь нам открывается мир символов, где множество идей могут ужаться в одно слово, где деталь одного предмета может обозначать одновременно множество разных вещей. Именно через процесс символизации пенис может быть представлен змеей или носом, женщина — церковью, часовней или лодкой, а мать, полностью поглощающая своего ребенка, — осьминогом. Благодаря символизации мы можем взглянуть на процесс письма как на сексуальный акт: перо здесь представляет мужской орган, а бумага — женщину, принимающую чернила (семя), которые вытекают при быстрых — туда-сюда — движениях пера (Groddeck, 1923). В «Книге об Этом» Гроддек приводит много завораживающих примеров работы бессознательного, в том числе он описывает действие бессознательного в его собственной жизни.

Я не могу вспомнить, как она (няня) выглядела. Я не знаю ничего, кроме ее имени Берта, сияющего имени. Но я ясно помню тот день, когда она ушла. В качестве прощального подарка она дала мне медную монетку в три пфеннига. Трешку... С этого дня меня начало преследовать число три. Такие слова, как Троица, Треугольник, Тройственный союз, несли оттенок чего-то сомнительного, и не сами слова, а идеи, сцепленные с ними. Да, и даже целый комплекс идей строился вокруг них причудливой игрой ума ребенка. По этой причине Святой Дух как Третий член Троицы был подозрителен мне уже в раннем детстве. Тригонометрия в школьные годы была сущим наказанием... Да, Тройка — что-то вроде фатального числа для меня.

Источник: Groddeck, 1923, p. 9

Мотивированное бессознательное. По своим корням психоаналитическая теория является мотивационной теорией поведения человека. Как было отмечено выше, согласно теории психоанализа, значительная часть наших действий мотивирована со стороны бессознательных влияний. Как будет более детально показано дальше, в соответствии с этой теорией некоторые мысли, чувства и побуждения находятся в бессознательном по вполне мотивированным причинам. То есть, если позволить мыслям появиться в сознании, это

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕУДАЧА, НЕВЕЗЕНИЕ И НЕОСОЗНАННАЯ МОТИВАЦИЯ

В своей работе «Потерпевшие от успеха» Фрейд рассказал об индивидах, которые из-за чувства вины буквально заболевают, как только осуществляется их долго лелеемое желание. Сравнительно недавно Рой Шейфер (Roy Schafer) описал неосознаваемые значения, которые могут иметь для человека успех, неудача, радость и несчастье. Он предполагает, что повторяющиеся неудачи и хроническое невезение — это скорее проявления самонаказания, а не неизбежных ударов судьбы. Например, в одном случае мужчина добивается меньшего, чем мог бы, ради того, чтобы избежать ревности со стороны других людей, а в другом — молодой человек стремится к неуда-

чам, чтобы пощадить самооценку своего не слишком многого добившегося отца. «Таким образом, для этого молодого человека неудача была одновременно и своего рода успехом, а успех одновременно оказывался и неудачей». В третьем случае женщина была крайне склонна к самопожертвованию, чтобы удержать любовь других людей. Хотя «стремление к неудаче» и «идеализация невезения», как видно, встречаются у представителей обоего пола, Шейфер считает, что первое больше преобладает у мужчин, а второе — у женщин. Это не значит, тем не менее, что все случаи неудачи или невезения вызываются неосознаваемыми конфликтами.

Источник: Schafer, 1984.

причинит нам боль или создаст дискомфорт. Например, если вспомнить болезненные события из прошлого, признать чувства ревности или враждебности, или осознать сексуальное желание по отношению к тому, с кем сексуальное взаимодействие запрещено, равно как и желание причинить боль любимому человеку, то все это может доставить нам серьезный дискомфорт. Таким образом, в соответствии с нашим стремлением к удовольствию и избеганию боли мы стараемся удержать подобные мысли, чувства и мотивы за пределами нашего сознания.

Считая, что мысли, чувства и воспоминания не осознаются по вполне мотивированным причинам, психоаналитики далее предполагают, что скрытое в подсознании может проявляться в нашем повседневном поведении через оговорки, ошибки восприятия, «случайности» («нечаянности»), нехарактерные поступки или внешне иррациональные действия. Другими словами, наши скрытые «истинные» чувства и мотивы могут вырываться вовне вопреки нашим усилиям похоронить их в глубинах бессознательного. Итак, дело не только в том, что есть компоненты нашего Я, о которых мы ничего не знаем, но и в том, что эти компоненты влияют на наше повседневное поведение, причем часто таким образом, что это приводит в замешательство и нас самих, и окружающих. Для

многих аналитиков психоанализ — это как раз и есть способ исследования подобных бессознательных влияний.

Релевантные психоаналитические исследования. Бессознательное никогда не наблюдается непосредственно. Какими же доказательствами мы располагаем в поддержку концепции бессознательного? Давайте рассмотрим ряд свидетельств, которые можно истолковать в пользу существования бессознательного, начиная с клинических наблюдений самого Фрейда. Важность бессознательного Фрейд понял в результате наблюдений за гипнотическими феноменами. Как всем хорошо известно, люди, находясь под гипнозом, могут вспоминать вещи, которые прежде припомнить не могли. Более того, в состоянии постгипнотического внушения они совершают какие-то действия, не отдавая себе отчета в том, что подчиняются внушению, т.е. полностью верят, что поступают по собственной воле и независимо от чьего-то внушения. Когда Фрейд отказался от метода гипноза и продолжил свою терапевтическую практику, используя другие методы, он обнаружил, что пациенты часто вспоминают и осознают события и желания, ранее глубоко запрятанные. Нередко такие открытия сопровождались болезненными эмоциями. Это действительно волнующее клиническое наблюдение, когда вы видите пациента, внезапно переживающего сильнейшую тревогу, истерически рыдающего или впадающего в ярость, когда он (или она) внезапно вспоминает вытесненное событие или вступает в контакт со своим запретным чувством. Таким образом, именно подобные клинические наблюдения навели Фрейда на мысль, что бессознательное содержит воспоминания и желания, которые не только не представлены в нашем потоке сознания, но и «намеренно захоронены» в нашем подсознании.

А как обстоит дело с экспериментальными подтверждениями? В 60-е и 70-е годы XX в. экспериментальные исследования были сосредоточены на бессознательном восприятии или на том, что называют **восприятием без осознания**. Может ли человек «знать» что-то, не зная, что он это знает? Например, может ли человек слышать или воспринимать стимулы и находиться под влиянием этих стимулов, не подозревая о том, что он их воспринял? В настоящее время это явление известно как *подпороговое восприятие*, т.е. регистрация человеком стимула на уровне, находящемся ниже того порога, который требуется для осознанного восприятия. Например, в некоторых ранних исследованиях одной группе испытуемых показывали «загадочную картинку» с уткой, контур которой был замаскирован ветками дерева. Другой группе был показан похожий рисунок, но без утки. Обеим группам рисунок предъявляли короткое время — так, чтобы его едва можно было успеть разглядеть. Это было сделано с помощью тахистоскопа — аппарата, который позволяет экспериментатору предъявлять человеку стимулы с очень высокой скоростью, затрудняющей их восприятие. Затем испытуемых просили закрыть глаза, вообразить себе естественный пейзаж, зарисовать его и назвать его части. Будут ли группы различаться, т.е. будут ли испытуемые из группы «смотревших» на картинку с уткой рисовать пейзажи, отличные от пейзажей испытуемых из другой группы? И если да, то будет ли такое различие связано с разницей в припоминании того, что было воспринято? Обнаружилось, что в рисунках испытуемых, «видев-

ших» картинку с уткой, встречалось гораздо больше образов, ассоциирующихся с уткой (утка, вода, птицы, перья), чем в рисунках испытуемых из другой группы. Тем не менее эти испытуемые не сообщали, что видели утку во время эксперимента, и большинство из них даже затруднялись найти ее, когда их просили поискать утку на картинке. Другими словами, стимулы, которые не воспринимались осознанно, все же влияли на воображение и мысли испытуемых (Eagle, Wolitzky and Klein, 1966).

Тот факт, что люди могут воспринимать и испытывать влияние стимулов, о которых они не подозревают, сам по себе еще не означает, что здесь задействованы психодинамические или мотивационные силы. Существуют ли доказательства, что подобные силы имеют или могут иметь место? Здесь можно отметить два релевантных направления исследований. Первое изучаемое явление называют **перцептивной защитой**; оно представляет собой процесс, посредством которого индивид защищается от тревоги, сопровождающей узнавание угрожающих стимулов. В одном давнем эксперименте испытуемым предъявляли через тахистоскоп два типа слов: нейтральные слова — такие, как *яблоко*, *танец* и *ребенок*, и эмоционально окрашенные слова — такие, как *изнасилование*, *шлюха*, *пенис*. Слова предъявлялись сначала с очень высокой скоростью, а потом с каждым разом все медленнее. Фиксировались тот момент, когда испытуемые были в состоянии идентифицировать каждое из этих слов, и активность реакции их потовых желез на каждое слово (один из общепринятых показателей психического напряжения). Эти измерения продемонстрировали, что испытуемые затрачивали больше времени на опознание эмоционально окрашенных слов, чем на опознание нейтральных, и обнаруживали признаки появления эмоциональной реакции на значимые слова до того, как они опознавались (McGinnies, 1949). Несмотря на критику (например, может быть, испытуемые опознали эмоционально значимые слова раньше, но стеснялись назвать их экспериментатору), благодаря исследованиям подобного рода набирается все же достаточно свидетельств того, что люди, сами того не осознавая, могут избирательно реагировать на специфические эмоциональные стимулы и избегать их (Erdelyi, 1984).

Более поздние исследования были направлены на изучение явления, которое получило название **подпороговая психодинамическая активация** (Silverman, 1976, 1982; Weinberger, 1992). В этих исследованиях предпринимается попытка стимулировать бессознательные желания, в то же время не допуская их осознания. Как правило, в экспериментальной процедуре используется тахистоскоп, чтобы предъявить субъекту стимульный материал, связанный с желаниями, несущими в себе угрозу или, наоборот, снимающими тревогу. Затем наблюдают, наступил ли ожидаемый эффект. В случае активации угрожающих желаний ожидается, что стимульный материал, будучи предъявлен на подпороговом уровне (ниже порога осознанного узнавания), расшевелит неосознаваемый конфликт и таким образом усилит состояние психологического дисбаланса. В случае со стимулом, снижающим тревогу, ожидается, что стимульный материал, будучи предъявлен на подпороговом уровне, ослабит неосознаваемый конфликт и таким образом уменьшит и состояние психологического дисбаланса. Например, текст «Я теряю маму» может сильно расстроить некоторых

испытуемых, в то время как текст «Мама и я — одно целое» может ободрить, вернуть уверенность.

В серии исследований Сильверман и его коллеги продемонстрировали, что эффект действия подобной подпороговой психодинамической активации действительно может быть получен в эксперименте. В одном из исследований данный метод был использован для того, чтобы предъявить стимульный материал, усиливающий конфликт («любящий папа нездоров») и снижающий конфликт («любящий папа в порядке»), девушкам-студенткам. Обнаружилось, что у испытуемых, склонных к конфликту на сексуальной почве, стимульный материал, усиливающий конфликт и предъявленный без возможности осознания, вызывал сбой памяти на текстах, идущих сразу после подпороговой активации конфликта. Эта закономерность не проявляется при предъявлении материала, смягчающего конфликт, и у тех испытуемых, которые не склонны к конфликтам на сексуальной почве (Geisler, 1986). Здесь имеются два ключевых момента: 1) то, какой материал принесет определенным группам испытуемых огорчение или утешение, предсказывается заранее на основе психоаналитической теории; 2) данные эффекты возникают только тогда, когда стимульный материал воспринимается под порогом узнавания, т.е. бессознательно.

Еще один интересный пример использования модели подпороговой психодинамической активации дает исследование пищевых расстройств. В первом из этих исследований здоровые женщины — студентки колледжа и женщины, имеющие признаки пищевых расстройств, сравнивались по тому, как много крекеров они съедали после предъявления (на подпороговом уровне) трех сообщений: «Мама покидает меня», «Мама покупает это», «Мона покупает это»* (Patton, 1992). Проверяемая гипотеза, вытекающая из теории психоанализа, состояла в том, что испытуемые, имеющие пищевые расстройства, борются с чувством потери и покинутости, идущим из детства, и потому будут искать замещающего удовлетворения в форме поедания крекеров, как только их внутренний конфликт подсознательно активизируется через сообщение: «Мама покидает меня». Действительно, оказалось, что испытуемые, имеющие пищевые расстройства, получившие подпороговые стимулы покинутости, одиночества («Мама покидает меня»), съедали больше крекеров, чем испытуемые, не имеющие пищевых расстройств, или испытуемые с расстройствами, подвергнутые той же стимуляции покинутости, но только *над* порогом осознания.

Это исследование было повторено с использованием дополнительного стимула в виде рисунка, изображающего рыдающего ребенка и женщину, уходящую прочь, в сочетании с сообщением «Мама покидает меня» и рисунка с изображением просто идущей женщины в сочетании с нейтральным сообщением «Мама прогуливается». Женщины, имеющие пищевые расстройства и подвергавшиеся воздействию и фраз, и рисунков, стимулирующих чувство покинутости, съедали намного больше крекеров по сравнению с женщинами, которые имели пищевые расстройства и подвергались воздействию тех же стимулов, но *над* порогом осоз-

* Чтобы сохранить в русском переводе сходное звучание трех предложений, мы вынуждены были изменить содержание двух последних фраз, что в данном случае не принципиально. В оригинале: «Mama is leaving me», «Mama is loaning it», «Mona is loaning it». {Примеч. пер.}

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

СИЛА ПОДПОРОГОВЫХ СООБЩЕНИЙ

Как только было открыто подпороговое восприятие, встал вопрос о том, в какой степени подобные сообщения могут влиять на то, что мы думаем, чувствуем и делаем. Может ли реклама, используя скрытые внушающие фразы, заставить людей покупать вещи, которые они иначе не купили бы? Могут ли кассеты, рассчитанные на терапевтический эффект, с заложенными в них скрытыми сообщениями, предписывающими расслабиться, реально оказывать успокаивающее действие? А можно ли повысить вашу уверенность в себе, если подобные скрытые сообщения будут передавать вам положительную информацию о вас? А как быть с родителями, которые предъявляют судебные иски в связи с тем, что самоубийства их сыновей

вызваны, по их мнению, приказом «Сделай это!», зашифрованным в музыке рок-группы «Джудас Прист» («Judas Priest»)?

В целом все психологи согласны, что подпороговое восприятие существует, но они расходятся в оценке того, насколько сильно и всепроникающе его воздействие. Нет ни доказательств его силы в рекламе, ни подтверждения терапевтического эффекта кассет с подпороговыми сообщениями, да и родители проиграли судебный процесс против группы «Джудас Прист».

Тем не менее некоторые психологи утверждают, что специфические подпороговые сообщения, адресованные подсознанию индивида, могут воздействовать на то, что человек думает, чувствует и делает.

нания, и по сравнению с женщинами, не имеющими подобных расстройств, которые подвергались действию этих стимулов как над, так и под порогом осознания (Gerard, Kupper, Nguyen, 1993). Еще раз было продемонстрировано, что только в том случае, когда стимулы предъявляются на подсознательном уровне, они способны активизировать неосознаваемые желания и конфликты.

Некоторые ученые рассматривают исследования перцептивной защиты и подпороговой психодинамической активации как решающие экспериментальные подтверждения важной роли психодинамических, мотивационных факторов в детерминации того, что «вложено» и «хранится» внутри бессознательного (Weinberger, 1992). Тем не менее эти эксперименты часто критикуют с точки зрения методологии, а некоторые эффекты иногда бывает трудно повторить или воспроизвести в других лабораториях (Balay and Shevrin, 1988, 1989; Holender, 1986).

Современный статус понятия бессознательного. Понятие мотивированного бессознательного по-прежнему занимает место в самом центре психоаналитической теории. Как оно воспринимается более широким психоло-

гическим сообществом? Сегодня почти все психологи, независимо от того, являются ли они аналитиками или нет, согласились бы с тем, что бессознательные процессы существенно влияют на то, что именно привлекает наше внимание и какие чувства мы испытываем. Познакомьтесь, для примера, с мнением Джакоби, известного исследователя в области бессознательного восприятия, не являющегося приверженцем психоаналитической теории: «Наше заключение, может быть, не слишком приятное для обычного человека, таково: влияние бессознательного вездесуще. Очевидно, что люди иногда осознанно строят планы и совершают осознанные действия. Тем не менее гораздо чаще поведение находится под влиянием бессознательных процессов, т.е. мы совершаем действие, а потом, если спросят, находим ему оправдание» (Jacoby, Toth, Lindsay & Debnar, 1992, p. 82). В то же время существуют разные точки зрения относительно принципов функционирования бессознательного, содержания бессознательного и его мотивационных аспектов.

Здесь можно рассмотреть две противоположные позиции: одна позиция делает упор на психоаналитическом бессознательном, а другая — на том, что называют *когнитивным бессознательным* (Kihlstrom, 1990; Pervin, 1996).

Как мы уже видели, *психоаналитический* взгляд на бессознательное подчеркивает иррациональную, алогичную природу его функционирования. Вдобавок содержание бессознательного, как предполагают аналитики, состоит, главным образом, из сексуальных и агрессивных образов, чувств и мотивов. И наконец, аналитики подчеркивают, что то, что находится в бессознательном, попадает туда по определенным мотивам, и содержание бессознательного влияет на мотивы повседневного поведения человека.

Напротив, в соответствии с *когнитивным* представлением о бессознательном, не существует фундаментальной качественной разницы между неосознанными и осознанными процессами. С этой точки зрения бессознательные процессы, во-первых, могут быть такими же разумными, логичными и рациональными, как и сознательные, во-вторых, когнитивное представление о бессознательном подчеркивает разнообразие содержимого, которое может находиться в бессознательном, не выделяя в особую категорию сексуальные и агрессивные сферы. И наконец, в связи с этим когнитивное представление о бессознательном не делает упор на мотивационные факторы. Согласно когнитивному представлению, познавательные процессы являются бессознательными потому, что они не могут протекать на уровне сознания, либо потому, что они никогда и не достигали этого уровня, либо потому, что они стали со временем слишком рутинными и автоматическими. Например, завязывание шнурков на ботинках происходит настолько автоматически, что мы не отдаем себе отчета, как мы это делаем. Сходным образом мы действуем при печатании на машинке, находя буквы на клавиатуре. Многие из наших культурных догматов были усвоены именно таким подсознательным образом, так что мы не можем их озвучить как убеждения. Как было замечено в главе 1, мы даже не подозреваем о них, пока не встречаем представителей другой культуры. Однако подобное содержание бессознательного удерживается там отнюдь не по мотивационным причинам. И соответственно подобное бессознательное не обязательно оказывает мотивационное влияние на наше поведение.

Таблица 3.1. Сравнение двух взглядов на бессознательное: психоаналитического и когнитивного

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	КОГНИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД
1. Акцент на алогичном, иррациональном характере бессознательных процессов. ными процессами.	1. Отсутствие фундаментальных различий между сознательными и бессознательными процессами.
2. Акцент на мотивах и желаниях как содержании бессознательного.	2. Акцент на мыслях как содержании бессознательного.
3. Акцент на мотивационных аспектах функционирования бессознательного.	3. В фокусе — немотивационные аспекты функционирования бессознательного.

Суть этих противостоящих друг другу взглядов точно схвачена в приводимом ниже утверждении Килстрема, одного из лидеров когнитивного направления в изучении бессознательного:

Психологическое бессознательное, научно обоснованное современной психологией, весьма отличается от того, что когда-то в Вене имели в виду Зигмунд Фрейд и его коллеги-психоаналитики. Их бессознательное было горячим и влажным; оно кипело гневом и вожделением; оно было примитивно, иррационально и извергало галлюцинации. Бессознательное современной психологии добрее и благороднее, оно более рационально и готово к разумным ограничениям, даже если и его нельзя назвать совсем уж сухим и холодным.

Источник: Kihlstrom, Barnhardt, & Tataryn, 1992, p. 788

Хотя предпринимались усилия, чтобы соединить психоаналитический и когнитивный взгляды на бессознательное (Epstein, 1994), расхождение позиций сохраняется. В итоге, хотя важность феноменов бессознательного общепризнана и изучение этих феноменов стало важным направлением эмпирических исследований, однако, правомерность исключительно психоаналитического подхода к теме бессознательного остается спорной для многих, а возможно, и для большинства ученых непсихоаналитической ориентации.

Оно, Я и Сверх-Я

В 1923 г. Фрейд разработал более формальную структурную модель психоанализа, в основе которой лежат понятия Оно (Id), Я (Ego) и Сверх-Я (Superego), относящиеся к различным аспектам человеческой жизнедеятельности*. В соответствии с этой теорией **Оно** представляет собой источник всей побудительной энергии. Необходимая для человеческой жизнедеятельности

* *Id* (в немецком оригинале З. Фрейда — *Es*), *Ego* (в немецком — *Ich*) и *Superego* (в немецком — *Über-Ich*) переводятся в книге соответственно как *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*, хотя существуют и другие переводы этих слов в виде «кальки» с английского: Ид, Эго и Супер-эго. Обратим внимание также на то, что слово Я (*Ego*) в психоанализе используется для обозначения одной из трех личностных подсистем (или «инстанций») и это его значение не совпадает (или не полностью совпадает) с рефлексивным Я (*self*), с которым мы встретимся в других теориях и теоретических подходах. (Примеч. науч. ред. и пер.)

энергия изначально присуща сексуальным и агрессивным влечениям, инстинктам жизни и смерти, которые составляют существенную часть Оно. В своем функционировании Оно стремится к высвобождению («разрядке») возбуждения, напряжения и энергии. Эта подсистема действует в соответствии с принципом удовольствия - ищет наслаждения и избегает боли. Действуя таким образом, Оно стремится к немедленной и тотальной разрядке, напоминая избалованного ребенка: Оно хочет то, что хочет, тогда, когда этого захочет. То есть Оно не выносит фрустраций и свободно от любых запретов, не обращает никакого внимания на реальность и может находить удовлетворение как в реальном действии, так и в фантазиях, воображая, что уже имеет то, что хочет; воображаемое удовлетворение ничем не хуже реального; Оно вне резонанса, вне логики, вне ценностей, вне морали. В итоге, Оно требовательно, импульсивно, слепо, иррационально, асоциально, эгоистично и, наконец, обожает удовольствия.

Полной противоположностью Оно является **Сверх-Я**, представляющее моральную ветвь нашего существования. Сюда относятся идеалы, за которые мы боремся, и наказания (чувства вины), которых мы ожидаем, когда нарушаем свой этический код. Эта структура функционирует, чтобы контролировать поведение в соответствии с правилами общества, предлагая награды (чувство гордости, любви к себе) за «хорошее» поведение и наказания (чувства вины и неполноценности, а также самонаказание в виде так называемых несчастных случаев) за «плохое» поведение.

Сверх-Я может функционировать на очень примитивном уровне, будучи относительно неспособным считаться с реальностью и менять свои действия в зависимости от обстоятельств. В таком случае человек не в состоянии отличать мысль от действия, переживая чувство вины за дурные помыслы, даже если они не приводят к проступку. Более того, индивид ограничивает себя суждениями типа «все-или-ничего», «черное-или-белое» и стремится к совершенству. Чрезмерное увлечение такими словами, как *хороший*, *плохой*, *приговор*, *суд*, говорит о строгом Сверх-Я. Но Сверх-Я может быть также понимающим и гибким. Например, люди бывают способны прощать себя или кого-то другого, если для них очевидно, что все произошло случайно или совершено в состоянии сильного стресса. В ходе развития дети учатся различать столь важные тонкости и смотреть на вещи не только с позиции «все-или-ничего», «правильно-или-не-правильно», «черное-или-белое».

Третья подсистема, выделенная Фрейдом, — это Я. В то время как Оно ищет удовольствия, а Сверх-Я — совершенства, Я стремится к реальности. Функция Я заключается в том, чтобы выразить и удовлетворить желания Оно, согласовав их с реальными обстоятельствами и с требованиями Сверх-Я. В то время как Оно действует в соответствии с принципом удовольствия, Я действует в соответствии с **принципом реальности**: удовлетворение инстинктов откладывается до того момента, когда можно будет получить наибольшее удовольствие при минимуме болезненных и неприятных последствий. В соответствии с принципом реальности энергия Оно может блокироваться, отводиться в сторону или освобождаться постепенно в полном согласии с требованиями реальности и совести. Подобная стратегия не противоречит принципу удоволь-

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

КАК ИЗМЕРИТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ «Я»:
ТЕСТ НЕЗАКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
РАЗРАБОТАННЫЙ Д. ЛОВИНДЖЕР

Фрейд не очень-то верил в способность Я эффективно осуществлять «руководящую функцию» в урегулировании требований Оно, Сверх-Я и реальности. Джейн Ловинджер думала иначе. Ее теория *развития Я* (Loevinger, 1976) фиксирует внимание на огромных индивидуальных различиях в функционировании Я. Функционирование Я представляет собой специфический способ, с помощью которого человек интерпретирует свой опыт и воздействует на окружающий мир: этот способ проявляется в том, как человек перерабатывает информацию, как контролирует свои импульсы и как строит отношения с людьми.

Опираясь на теорию психоанализа, так же как и на другие психологические теории, Ловинджер заявляет о существовании последовательных стадий в функционировании Я. Эти стадии охватывают весь процесс развития Я, который представляет собой последовательное, прогрессивное продвижение ко все более *зрелым*, как их называет Ловинджер, *уровням* функционирования Я. На низших уровнях развития Я индивиды думают упрощенно и стереотипно, они импульсивны, склонны к самозащите. На среднем уровне развития Я индивиды воспринимают мир в категориях добра и зла, ценят конформность по отношению к правилам и лояльность к друзьям и семье, они погло-

щены приспособлением к социуму. На высших уровнях развития Я индивиды мыслят сложно, в своих отношениях с людьми пытаются соединить близость и независимость, принимают многоаспектность и амбивалентность жизни. Человек может остановиться на каждой из перечисленных стадий развития, так что в любой возрастной группе люди будут резко различаться по уровню развития Я.

Как можно измерить такой широкий и всеобъемлющий конструкт? Ловинджер разработала Тест незаконченных предложений (Sentence Completion Test) (Loevinger & Wessler, 1970), состоящий из 36 начальных заготовок фраз (например: «Женщине всегда следовало бы...»), которые испытуемые заканчивают, как хотят. По собственным словам Ловинджер, «Тест незаконченных предложений, будучи тестом со свободными ответами, позволяет раскрыть внутреннюю систему координат респондента. Это дает возможность заглянуть в структуру личности, к которой не могут подобраться объективные тесты» (1993, р. 12). В приведенной ниже таблице для примера представлены две начальные заготовки фраз и ответы, данные индивидами, имеющими низкий, средний и высокий уровни развития Я.

Эти ответы на два незаконченных предложения наглядно демонстрируют последовательность продвижения

Уровень развития Я	(1) Женщине всегда следует...	(2) Когда меня критикуют...
<i>Низкий:</i>	...добиваться того, что она хочет.	...я прихожу в ярость и наношу ответный удар.
<i>Средний:</i>	...пытаться выглядеть привлекательно.	...я чувствую себя глубоко задетым и мне кажется, что критикующий меня не любит.
<i>Высокий:</i>	...выбирать такие роли в жизни, какие, по ее мнению, отражают ее истинное Я.	...мне это нравится, потому что я могу поучиться у других и увидеть в себе то, что видят во мне окружающие.

по уровням, которое Ловинджер описывает как развитие Я. На низшем полюсе мы видим довольно простую интерпретацию опыта (т.е. импульсивное удовлетворение сиюминутных потребностей), в то время как на высшем полюсе индивиды демонстрируют наличие намного более сложной и более интегрированной системы координат. Все эти завершения пред-

ложений получены от взрослых и иллюстрируют огромный диапазон индивидуальных различий в функционировании Я у людей одной и той же возрастной категории. В то время как Фрейд уделял относительно мало внимания Я, теория стадий Ловинджер и ее эксперименты проливают свет на значение Я в жизнедеятельности личности.

ствия, а скорее свидетельствует о временном отступлении. Она служит для того, чтобы, по словам Бернарда Шоу, «можно было выбрать линию наибольшей выгоды, а не линию наименьшего сопротивления». Я способно отделить желание от фантазии, может выдержать напряжение и компромисс и может изменяться со временем. Соответственно в Я выражается развитие перцептивных и когнитивных навыков, способность воспринимать больше информации и думать в более сложных терминах. Например, с какого-то момента человек может начать думать в терминах будущего и с позиции того, что хорошо в долгосрочной перспективе. И эти качества резко отличаются от нереалистичного, неменяющегося и требовательного Оно.

По сравнению со своим вкладом в разработку бессознательного и Оно Фрейд относительно мало внимания уделял Я. Он изобразил Я как слабую структуру, бедное существо, которое служит сразу трем суровым господам — Оно, реальности и Сверх-Я. «Бедное» Я переживает тяжелые времена, обслуживая трех господ, и призвано согласовывать жалобы и требования каждого из них. Особое значение имеет отношение Я к тирании Оно.

Можно сравнить отношение Я к Оно с отношением, существующим между всадником и лошадью. Лошадь дает движущую энергию, а прерогатива всадника — определять цель и направлять движение своего могучего коня к этой цели. Но слишком часто между Я и Оно мы наблюдаем менее идиллическую картину, когда всадник вынужден направлять свою лошадь туда, куда она сама хочет скакать.

Источник: Freud, 1933, p. 108

Итак, по Фрейду, Я — логичный, рациональный, устойчивый к напряжению «руководящий орган» личности, но оно же — бедный всадник на стремительной лошади Оно и находится под властью трех господ.

Только незадолго до своей смерти Фрейд начал больше внимания обращать на важность Я для личности. Эта тема в дальнейшем разрабатывалась его дочерью Анной Фрейд и рядом других психоаналитиков, чьи труды были позднее отнесены к *психологии Я (ego-psychology)*. Хотя, согласно ранним представлениям, Я не имеет своей собственной энергии и вынуждено править туда, куда захочет Оно, согласно более поздним представлениям, Я отводится особая роль в разрешении конфликтов и в процессе адаптации. Эта точка зрения допускала, что удовольствие индивид может испытывать не только от разрядки энергии Оно, но и от бесконфликтного функционирования Я. Согласно Я-психологии, Я имеет свой собственный источник энергии и находит удовольствие в овладении окружающей средой. Эта концепция связана с понятием *мотивации компетентности*, предложенным Р. У. Уайтом (R.W. White, 1959). При описании личности эта концепция особое значение придавала способам, с помощью которых люди активно осваивают окружающий их мир, а также способам их мышления и восприятия. Хотя по-прежнему можно было бы считать, что эти способы освоения и познания мира обслуживают Оно и смягчают конфликт, в них теперь стали видеть и независимые адаптивные функции, и самостоятельную важность.

Психологи попытались изучить индивидуальные различия в функционировании Я. Так, например, были разработаны процедуры измерения для таких понятий, как *Сила Я* (Bargen, 1953), *развитие Я* (Loevinger, 1976, 1985, 1993) и *Я-контроль* и *Я-упругость* (Block, 1993; Block & Block, 1980; Funder & Block, 1989). Хотя в деталях эти понятия, так же как и методы их измерения, различаются, но их объединяет внимание к таким свойствам, как способность выносить отсрочку удовлетворения потребности, способность выносить фрустрацию и справляться со стрессом, четкое ощущение себя, способность строить отношения с другими на основе близости и взаимности, наличие интернализованной системы ценностей и относительная бесконфликтность жизнедеятельности.

Понятия сознательного, бессознательного, Оно, Я и Сверх-Я в высшей степени абстрактны и не всегда определяются с большой точностью. Более того, определенная нехватка ясности связана с тем, что значение некоторых понятий менялось по мере развития теории, но конкретный характер этих изменений никогда отчетливо не проговаривался (Madison, 1961).

В конце концов надо ясно понимать, что эти понятия суть концептуализации реальных феноменов. Хотя язык живописен и конкретен, мы не должны смотреть на понятия как на реальные вещи. Внутри нас нет электростанции с маленьким гномом, распределяющим энергию. Речь не идет о том, что в нас «сидят» Оно, Я и Сверх-Я, а только о том, что, согласно теории, существуют такие свойства человеческого поведения, которые полезно концептуализировать в данных структурных понятиях. Структуры приобретут большую определенность, если обратиться к процессам, с которыми они связаны; это мы сейчас и сделаем.

Процесс

Инстинкты жизни и смерти

Мы уже обсудили взгляды Фрейда на личность как на энергетическую систему, подчиняющуюся тем же самым законам, что и другие энергетические системы. Энергия может видоизменяться и трансформироваться, но по существу это все та же самая энергия. В рамках этого представления процессы (динамика), рассматриваемые теорией психоанализа, относятся к способам, посредством которых энергия выражается, блокируется или трансформируется. Согласно теории, источник всей психической энергии заключен в состояниях телесного возбуждения, которые ищут выражения и ослабления напряжения. Эти состояния называются *инстинктами*, или *влечениями* (*drives*)*. Они представляют собой постоянно действующие неотвратимые силы. В более ранних представлениях фигурировали эго-инстинкты, связанные с тенденциями к самосохранению, и **сексуальные инстинкты**, связанные с тенденциями к сохранению рода. В более поздних представлениях речь шла об **инстинкте жизни**, вбирающем в себя более ранние эго- и сексуальные инстинкты, и об **инстинкте смерти**, включающем стремление организма умереть или вернуться к неорганическому состоянию. Энергия инстинкта жизни получила название **либидо**. С инстинктом смерти, вообще говоря, не ассоциируется никакого общепринятого названия. Фактически инстинкт смерти остается одной из самых противоречивых и наименее принятых частей теории, притом что большинство аналитиков вместо этого говорят об **инстинкте агрессии**. Оба инстинкта — и сексуальный, и агрессивный — считаются составляющими Оно.

В теории психоанализа инстинкты характеризуются как стремление к немедленному снижению напряжения, к достижению удовлетворения и удовольствия. По сравнению с животными, человеческие существа способны к удовлетворению инстинктов более разнообразными и многочисленными способами. Это обеспечивает уникальность личности. Более того, у людей инстинкты, до того как они смогут найти удовлетворение, могут быть заторможены и модифицированы.

Динамика функционирования

С точки зрения динамики функционирования, что может происходить с инстинктами? Они могут быть блокированы (по крайней мере, временно), выражены в измененном виде или выражены напрямую без изменения. Например, чувство любви может быть модифицированным выражением сексуального инстинкта, а сарказм — модифицированным инстинктом агрессии. Если говорить об объекте удовлетворения инстинкта, здесь также возможно изменение или *смещение* инстинкта с исходного объекта на какой-либо другой. Так, любовь к матери может смещаться на любовь к жене, детям или собаке. Любой инстинкт может трансформироваться или видоизменяться, инстинкты могут комбинироваться друг с другом. Футбол, например, может удовлетворять одновременно и сексуальные, и агрессивные инстинкты; в хирургии возможен сплав любви и стремления к разрушению. Из того, что изложено выше, уже должно

О переводе термина *drive* см. примечание к с. 39. (Примеч. пер. и науч. ред.)

быть ясно, каким образом психоанализ умудряется объяснить столь многое в поведении на базе только двух инстинктов. Именно текучесть, подвижность, постоянные модификации инстинктов и множество альтернативных видов их удовлетворения делают возможной подобную вариативность поведения. По существу один и тот же инстинкт может быть удовлетворен самыми разными способами и одно и то же поведение у разных людей может порождаться разными причинами.

Фактически любой процесс в психоаналитической теории может быть описан в терминах расхода энергии или в терминах силы, тормозящей этот выход энергии, т.е. препятствующей удовлетворению инстинкта. Поскольку процесс торможения тоже предполагает расход энергии, люди, которые тратят много сил на торможение инстинкта, в итоге испытывают скуку и усталость. *Представление о взаимодействии между выражением инстинктов и их торможением образует фундамент динамических разделов психоаналитической теории.* Ключевым здесь является понятие **тревоги**.

С позиции психоаналитической теории, тревога — это болезненное эмоциональное переживание, сигнализирующее об опасности или угрозе для личности. В состоянии «свободно плавающей» тревоги индивид не способен связать свое состояние напряжения с каким-либо внешним объектом; напротив, в состоянии страха источник напряжения человеку известен. У Фрейда было две теории тревоги. Согласно первой, тревога рассматривалась как следствие неразряженных сексуальных импульсов — остановленного плотиной либидо. В более поздней теории тревога понималась как болезненная эмоция, которая служит сигналом опасности, угрожающей Я. В этом случае тревога является функцией Я, предупреждающей Я об опасности, чтобы оно могло действовать.

Психоаналитическая теория тревоги исходит из того, что в какой-то момент человек пережил травму, событие, причинившее ему вред или нанесшее ущерб. Тревога представляет собой повторение более раннего травматического переживания, но в ослабленном виде. Таким образом, тревожность в настоящем связана с более ранним переживанием опасности. Например, ребенок может быть серьезно наказан за какое-то сексуальное или агрессивное действие. Позднее, в течение жизни взрослый человек может испытывать тревогу в связи с побуждением совершить такой же сексуальный или агрессивный акт. При этом он может помнить о давнем наказании (травме), а может и не помнить о нем. В терминах структуры личности это означает, что тревога развивается из конфликта между давлением инстинктов Оно и угрозой наказания со стороны Сверх-Я. То есть дело обстоит так, как будто Оно говорит: «Я хочу этого!», Сверх-Я говорит: «Это ужасно!», а Я говорит: «Я боюсь!»

Тревога и защитные механизмы

Тревога — это настолько болезненное состояние, что мы не способны очень долго его выдерживать. Как мы поступаем с подобным состоянием? Почему мы не тревожимся постоянно? Ответ заключается в том, что индивиды вырабатывают **механизмы защиты** от тревоги. Бессознательно мы вырабатываем способы искажать реальность и не допускать чувства в сознание, с тем чтобы не испытывать тревоги. Каким образом это может быть сделано? Один из самых примитивных защитных механизмов — **проекция**. Действие этого механизма заключа-

ется в том, что все сокровенное и неприемлемое для сознания проецируется на других людей и воспринимается как нечто внешнее по отношению к индивиду. Вместо того чтобы признавать свою враждебность, индивид видит враждебность в других. Например, предположим, что вы испытываете тревогу или чувство вины из-за того, что вы неприязненно и враждебно настроены по отношению к своему другу, использовавшему вас в своих интересах. Вы можете спроецировать свою собственную враждебность на этого человека и усмотреть во многих его вполне невинных действиях враждебные намерения по отношению к себе, при этом вы можете отрицать всякие неприязненные чувства со своей стороны. Мы все иногда ведем себя подобным образом. Но если этот механизм чрезмерно развит и принимает крайние выражения, люди проецируют все неприемлемые для них чувства на окружающих, в результате чего все окружающие воспринимаются как средоточие пороков, тогда как самих себя они считают образцом добродетели.

Попытки экспериментальным путем вызвать проекцию весьма проблематичны (Holmes, 1981). В полуэкспериментальном исследовании Хэлперн (Halpern, 1977) проверял психоаналитическую гипотезу о том, что испытуемые с сильными защитными механизмами будут реагировать на угрозу посредством проецирования характеристик, которые они боятся признать в себе, на неприятного им другого человека. Сначала была измерена защита от сексуальных переживаний — подсчитывалось число случаев, когда испытуемый при заполнении вопросника соглашался с ответами типа: «У меня никогда не бывает сексуальных фантазий» и «У меня никогда не бывает сновидений с сексуальным содержанием». Таким образом испытуемые разделились на две группы — с сильной защитой и со слабой защитой. Затем члены каждой группы подвергались одному из двух испытаний. В одной группе испытуемым предъявили порнографические фотографии. В другой группе испытуемые получили фотографии без сексуального содержания. Вслед за этим всех испытуемых просили оценить наиболее несимпатичного им человека, увиденного на фотографиях, а также самих себя по предложенному списку черт личности.

Как много проекций проявилось и где? Черта «похотливый» была выбрана как ключевая, исходя из предположения, что испытуемые с сильной защитой будут проецировать свою черту на несимпатичную персону, когда их стимулируют фотографиями с обнаженной натурой. Предположительно подобные стимулы должны были бы представлять угрозу для группы испытуемых с сильной защитой и тем самым создавать условия для действия защитных механизмов. Действительно, испытуемые с сильной сексуальной защитой, которые видели фотографии с обнаженными фигурами, оценивали неприятную персону как в высшей степени похотливую, в то время как испытуемые со слабой защитой, которые тоже видели такие фотографии, ставили неприятной персоне низший балл по похотливости. Что касается самооценки, то, независимо оттого, предъявлялись сексуальные стимулы или нет, испытуемые с сильной защитой оценивали свою «похотливость» ниже, чем испытуемые со слабой защитой. Исследование показывает, что требуются определенные условия, чтобы проявилась проекция. И еще: исследование подтвердило, что в соответствии с психоаналитической теорией люди проецируют только те черты или мотивы, от которых

они ищут защиты, и связывают эти характеристики с несимпатичной персоной. Иными словами, *в качестве защиты проекция используется только в отношении специфических характеристик, только при определенных условиях и только по отношению к особым людям*. К сожалению, многие исследователи не так осторожны и корректны в своих определениях и в своих экспериментах с защитными механизмами.

Другой защитный механизм — это **отрицание (denial)**. Здесь возможно либо отрицание *реальности*, как у девочки, которая отрицает, что у нее нет пениса, или как у мальчика, который в фантазиях отрицает нехватку власти, либо отрицание *побуждения*, когда раздраженный человек протестует: «Я не чувствую злости». Когда говорят, что кто-то «протестует слишком сильно», то как раз и имеют в виду этот вид защиты. Отрицание реальности часто проявляется, когда люди пытаются избежать признания угрозы. Восклицание «О, нет!», которое следует на сообщение о смерти близкого друга, представляет собой рефлекс отрицания. Дети, как известно, отрицают смерть любимого животного и долго после этого ведут себя так, как если бы оно было живым. Когда Эдвина Миза, бывшего генерального прокурора в администрации Рейгана, спросили, сколько денег он должен заплатить своему адвокату, он ответил: «Я на самом деле не знаю. Я боюсь взглянуть на эти счета, так что я и не смотрю». Первоначально такое избегание может быть осознанным, но позднее оно становится автоматическим и бессознательным, так что человек даже и не отдает себе отчета, что «не смотрит».

Отрицание реальности заметно и в случае, когда люди утверждают или предполагают, что «со мною этого не может случиться», несмотря на очевидное свидетельство близкого конца. Эта защита была замечена у евреев, которые оказались жертвами нацистов. Штэйнер (Steiner, 1966) в своей книге о нацистском концентрационном лагере Трешлинка пишет, что люди вели себя так, как будто смерти не существовало, несмотря на явное свидетельство противоположного. Он отмечает, что истребление целого народа было настолько невообразимо, что люди не могли это принять. Они предпочитали скорее верить в ложь, чем выносить травмирующую истину.

Можно привести еще одну иллюстрацию отрицания реальности, близкую к нашему времени, на примере того, как люди реагируют на внезапные стихийные бедствия — такие, как землетрясение. Некоторое время назад было предсказано сильнейшее землетрясение в Южной Калифорнии. В 1983 г. Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе создал специальный комитет, чтобы изучить готовность зданий студенческого городка к такому катастрофическому событию. Отчет о результатах обследования был доведен до всех членов университетского сообщества. Опрос тех, кто был в курсе этого сообщения и предполагаемой опасности, обнаружил, что студенты, жившие в самых ненадежных помещениях, были склонны отрицать серьезность ситуации и сомневались в расчетах экспертов в гораздо большей степени, чем это делали студенты, занимавшие более благополучные помещения. Кроме того, обе группы студентов продемонстрировали полное игнорирование элементарной информации о мерах безопасности при землетрясении и не сделали ничего, чтобы подготовиться к возможному бедствию. Исследователи пришли к следующему заключению: «Результаты опроса свидетельствуют о том, что индивиды перед лицом опасно-

сти наступления катастрофического события, которое произойдет с высокой долей вероятности, но неизвестно точно, в какое время, могут справляться с угрозой, игнорируя или отрицая серьезность ситуации... Тот факт, что участники опроса, как правило, знали об угрозе, и то, что обитающие в сейсмически неустойчивых помещениях обнаруживали больше скепсиса и отрицания, чем обитатели сейсмоустойчивых зданий, говорит о том, что подобная реакция — это усилие подавить угрозу, а не результат простого незнания или неверного информирования» (Lehman & Taylor, 1987, pp. 551, 553).

Всегда ли отрицание — такая плохая вещь? Всегда ли следует избегать самообмана? Психоанализ, как правило, полагает, что хотя защитные механизмы могут быть полезны для снижения тревожности, в то же время они приводят к неадекватности, поскольку отвращают человека от реальности. Вспомним, как в главе 2 мы говорили об испытуемых с сильно выраженными защитными механизмами и иллюзией психического здоровья, которые на самом деле проявляли признаки более сильного стресса, чем здоровые испытуемые либо нездоровые, но не склонные к психологической защите (Shedler, Mayman & Manis, 1993). Таким образом, психоаналитики считают «ориентацию на реальность» основой эмоционального здоровья и сомневаются, что искажения правды в отношении себя или других могут представлять вообще какую-либо ценность для адаптации (Colvin & Block, 1994; Robins & John, 1996).

Тем не менее некоторые психологи полагают, что положительные иллюзии и самообман, часто базирующиеся на отрицании или искажениях реальности, могут быть конструктивны и адаптивны. Например, предполагается, что позитивные иллюзии в отношении самого себя, в отношении своей способности управлять событиями и в отношении того, что «все будет хорошо», могут быть полезны и, вероятно, даже необходимы для психического здоровья (Taylor & Brown, 1988, 1994). Разрешение этого противоречия, по-видимому, зависит от степени искажения, от того, насколько широко оно охватывает личность, и от обстоятельств, при которых это происходит. Например, может быть, полезно иметь позитивные иллюзии в отношении себя до тех пор, пока они не достигают крайности. Отрицание и самообман могут принести временное облегчение при эмоциональной травме и уберечь человека от угрозы впасть в тревожное или депрессивное состояние. Отрицание может быть полезным в тех случаях, когда человек находится в ситуации, которую нельзя исправить (например, смертельная болезнь). В то же время отрицание вредно, если оно не позволяет предпринять какое-то конструктивное действие, как, например, в тех случаях, когда отрицание не позволяет отнестись серьезно к симптомам болезни и получить соответствующее лечение.

Другой способ избавиться от тревоги и угрозы — это изолировать события в памяти или изолировать эмоции от содержания воспоминания или побуждения. При использовании механизма **изоляции** побуждение, мысль или действие не лишаются доступа к сознанию, но они лишаются естественного эмоционального сопровождения. Например, женщина может допустить мысль «удушила бы своими руками» о своем ребенке, но без обычного в таких случаях чувства гнева. В результате действия механизма изоляции происходит *интеллектуализация* — преобладание мысли над чувством и эмоцией и появление изолированных отсеков в сознании, связанных между собой чисто логически. В подобных случаях сами

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТРИЦАНИЕ: ЗДОРОВЬЕ ИЛИ БОЛЕЗНЬ?
ПОЛЕЗНО ИЛИ ВРЕДНО?

Следует ли нам избегать самообмана? Является ли полное знание признаком здоровья? В общем психодинамики считают, что хотя механизмы защиты полезны тем, что снижают тревогу, они в то же время и вредны, поскольку изолируют человека от реальности. Обсудим, например, потенциальный вред механизма отрицания. Человек, который отрицает угрожающие сигналы, может не суметь отреагировать на опасность должным образом. Так, женщины, которые обнаруживают припухлость у себя в груди и не идут к врачу, потому что *отрицают* серьезность своего открытия, могут значительно снизить шансы на успех хирургического вмешательства. Или мужчины, которые *отрицают* симптомы сердечного приступа и продолжают делать физические упражнения или подниматься по лестнице, могут совершить фатальную ошибку.

Тем не менее есть свидетельства и в пользу того, что отрицание и самообман могут быть полезны и конструктивны. Например, возьмем случай тяжелой неизлечимой болезни, такой, как полиомиелит или рак. Отрицание и самообман могут дать временное облегчение от эмоциональной травмы и помочь человеку избежать подавленности, тревоги или гнева. Защитные механизмы могут способ-

ствовать сохранению оптимизма и тем самым конструктивно участвовать в реабилитационных процессах. В этом случае отрицание как процесс совладания с трудностями может быть адаптивным. Это может быть хорошо для вашего здоровья!

Какой вывод можно сделать из этих противоречивых свидетельств? В целом можно заключить, что отрицание вредно, когда оно мешает действию, которое в ином случае могло бы улучшить положение человека. Однако отрицание, как правило, полезно, когда действие невозможно или неуместно и когда чрезмерные эмоции могут помешать выздоровлению. Должен ли врач все сообщать пациенту? Очевидно, это зависит не только от вышеизложенных факторов, но и от личности пациента. Одни люди заинтересованы в информации и действуют лучше, когда полностью информированы. Другие избегают информации и действуют лучше, когда знают только самое существенное. Другими словами, отрицание может быть, а может и не быть полезным механизмом, в зависимости от обстоятельств; и полная информированность может быть, а может и не быть полезной в зависимости от личного стиля совладания с трудностями.

Источники: Lazarus, 1983; Miller & Man-gan, 1983; Robins & John, 1996; Taylor, 1989.

чувства могут быть расколоты на части, как в ситуации, когда мужчина делит всех женщин на две категории: с которыми возможна любовь, но не секс, и с которыми возможен секс, но не любовь (комплекс «мадонна—шлюха»).

Люди, у которых встречается защитный механизм изоляции, обычно используют и механизм **аннулирования (undoing)**. В этом случае индивид магически уничтожает одно действие или желание другим действием или желанием. «Это разновидность негативной магии, с помощью которой последующее (второе) действие аннулирует или компенсирует результат предыдущего (первого) действия так, как будто ни одно из них не имело места, в то время как в действительности имеют место оба действия» (А. Freud, 1936, p. 33). Этот механизм просматривается в навязчивом ритуальном поведении, когда человек испытывает непреодолимое желание совершить некоторый акт (например, человек аннулирует мысли о самоубийстве или об убийстве навязчивым выключением газовых горелок в кухне), а также проявляется в религиозных ритуалах и в детских поговорках типа «не наступи на трещину, иначе у твоей матери спина треснет» («на трещину наступишь — трещину у матери в спине получишь»).

С помощью механизма **формирования противоположной реакции** индивид защищается от выражения неприемлемого желания, признавая и утверждая противоположное. О присутствии этого защитного механизма можно судить по ригидности, преувеличенной аффектации и отсутствию целесообразности в выполнении социально-желательных действий. Человек, который использует формирование противоположной реакции, не может признать себе в противоположных чувствах, например сверхзаботливые матери, стремящиеся подобным поведением не допустить в сознание ни малейшего намека на свою враждебность к собственным детям. Действие механизма формирования противоположной реакции становится особенно очевидным, когда защита рушится, как, например, в случаях, когда «образцовый» сын стреляет в своих родителей или когда человек, который «мухи не обидит», впадает вдруг в неистовое буйство и не останавливается перед убийством. С этой точки зрения представляют интерес и время от времени появляющиеся сообщения о судьях, совершающих преступления.

Следующий защитный механизм, который довольно хорошо знаком студентам, — **рационализация**. В этом случае действие осознается, а лежащий в его основе мотив — нет. Поведение интерпретируется так, чтобы оно выглядело разумным и приемлемым. Особенно интересно, что с помощью рационализации индивид может реализовать опасные побуждения без какого-либо осуждения со стороны Сверх-Я. Множество ужасных зверств и преступлений против человечества было совершено во имя любви. Благодаря механизму рационализации мы можем быть агрессивными, горячо заверяя в своей любви, или поступать аморально во имя утверждения морали.

В заключение мы переходим к главному, приоритетному защитному механизму, а именно: к **подавлению**, или **вытеснению (repression)**. В случае вытеснения мысль, идея или желание удаляются из сознания, как если бы мы сказали себе: «То, чего мы не знаем или не помним, то и не ранит». Считается, что вытеснение играет определенную роль во всех других способах защиты и так же, как и все другие защиты, требует постоянного расхода энергии, чтобы удерживать вне сознания все, что представляет опасность. Проводилось много

экспериментальных исследований вытеснения, много больше, чем исследований любых других защитных механизмов, а может быть, и больше, чем исследований любых других понятий в психоанализе. Один из ранних экспериментов в этой области был проведен Розенцвейгом (Rosenzweig, 1941), который обнаружил, что когда студенты из Гарварда были лично вовлечены в исследование, они припоминали больше заданий, которые смогли завершить, чем заданий, которые они были не в состоянии выполнить полностью. Когда же студенты не были столь вовлечены и не чувствовали, что их Я что-то угрожает, они припоминали больше незавершенных заданий.

В сравнительно недавних исследованиях женщинам с сильным ощущением того, что секс — это грех, и женщинам, не видящим в сексе греха, предъявлялись эротические видеозаписи, и затем их просили сообщить об уровне сексуального возбуждения, которое они испытывали. Одновременно фиксировался уровень их физиологической реакции. Обнаружилось, что женщины с сильным чувством сексуальной греховности сообщают о меньшем возбуждении, чем женщины со слабым чувством греха, но показывают более высокое физиологическое возбуждение. Предполагается, что чувство вины, связанное с сексуальным возбуждением, ведет к вытеснению, или блокированию, осознания физиологического возбуждения (Morokoff, 1985).

В другом остроумном исследовании испытуемых просили вернуться мысленно в свое детство и назвать любое переживание или ситуацию, которая приходит в голову. Их также просили вспомнить какие-нибудь детские переживания, связанные с каждой из пяти эмоций (радость, печаль, гнев, страх и удивление), и назвать наиболее раннее воспоминание для каждой эмоции. С помощью специальных вопросников испытуемых разделили на репрессоров («вытеснителей») и нерепрессоров (не склонных к вытеснению), причем последние в свою очередь были разделены на высоко и низко тревожных. Будут ли различаться их воспоминания, как это можно было предположить исходя из психоаналитической теории вытеснения? Обнаружилось, что репрессоры припоминали меньше ситуаций, связанных с негативными эмоциями, и что они оказывались значительно старше по возрасту ко времени своего самого раннего негативного воспоминания (рис. 3.1). Авторы делают следующий вывод: «Обнаруженные закономерности согласуются с гипотезой, что вытеснение предполагает недоступность негативных эмоциональных воспоминаний и указывает, кроме того, на то, что вытеснение некоторым образом связано с подавлением или торможением эмоционального опыта в целом. Понимание вытеснения как процесса, налагающего ограничения на принятие негативно окрашенных воспоминаний, видимо, является обоснованным» (Davis & Schwartz, 1987, p. 155).

Дальнейшие исследования в этом направлении подтверждают предположение о том, что некоторые индивиды могут быть охарактеризованы как люди с репрессивным вытесняющим стилем (Weinberger, 1990). Такие индивиды говорят, что у них слабо выражены отрицательные эмоциональные переживания, и дают относительно стереотипные эмоциональные реакции. Они имеют довольно непротиворечивый образ Я, мало стремятся к изменениям и сопротивляются информации, которая может привести к подобным изменениям. Хотя они относительно спокойны, такое спокойствие, очевидно, достается им дорогой ценой. Так, на-

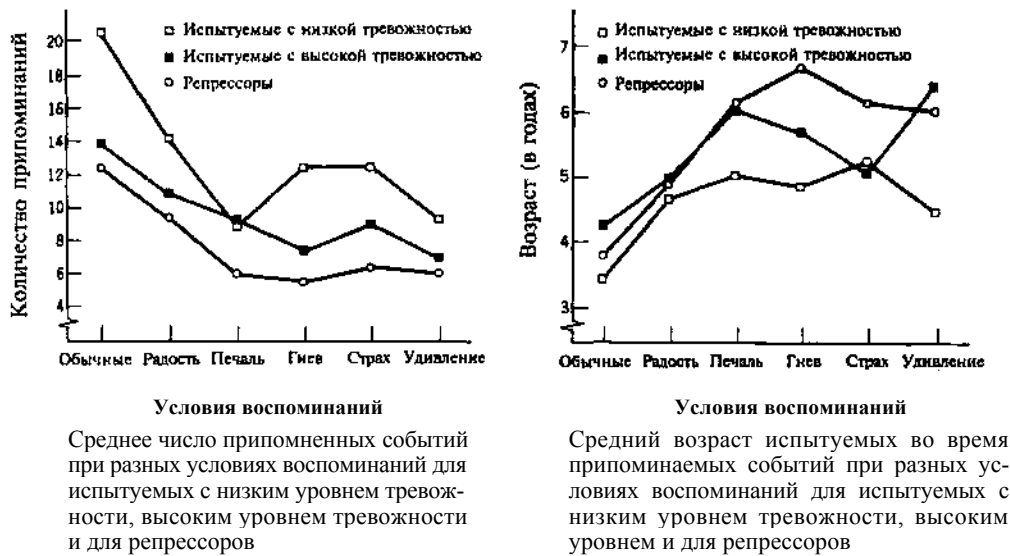

Рис. 3.1. Вытеснение и эмоционально окрашенные воспоминания {Davis & Schwartz, 1987}. © 1987, Американская психологическая ассоциация.

Печатается с разрешения.

пример, они, похоже, физиологически более сильно реагируют на стресс, чем индивиды, не склонные к вытеснению, и более предрасположены к разнообразным заболеваниям (Weinberger & Davidson, 1994). Сообщая о сходных исследованиях, Шварц (Schwartz) указывает, что внешняя бодрость репрессоров маскирует их высокое кровяное давление и частый пульс, что создает для них повышенный риск заболеть такими болезнями, как рак и инфаркт {*APA Monitor*, July 1990, p. 14}. Этот вывод согласуется с другими фактами, свидетельствующими, что недостаточная эмоциональная экспрессивность связана с риском различных заболеваний (Cox & MacKay, 1982; Levy, 1991; Temoshok, 1985, 1991).

Обсуждая статус понятия вытеснения, мы фактически возвращаемся к рассмотрению вопросов, касающихся понятия бессознательного, что совсем не удивительно, так как оба эти понятия связаны очень тесно. Призывая «не замечать вытеснение под ковер», Эрдели и Голдберг (Erdelyi & Goldberg, 1979) делятся мыслями, проливающими свет на проблемы, возникающие при определении этого понятия и при воспроизведении соответствующего явления в лаборатории. Их рассуждения начинаются с цитаты из повести Достоевского «Записки из подполья».

Есть в воспоминаниях всякого человека такие вещи, которые он открывает не всем, а разве только друзьям. Есть и такие, которые он и друзьям не откроет, а разве только себе самому, да и то под секретом. Но есть, наконец, и такие, которые даже и себе человек открыть боится, и таких вещей у всякого порядочного человека довольно-таки накопится*.

* Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 122. {Примеч. пер.}

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ИЛИ ЛОЖНАЯ ПАМЯТЬ?

Психоаналитики предполагают, что с помощью защитного механизма вытеснения люди хоронят в бессознательном травмирующие воспоминания детства. Они считают также, что в некоторых ситуациях, таких, как сеанс психотерапии, индивид может вспомнить свои забытые переживания. Эта тема попала на первые страницы газет, когда люди начали сообщать о пережитом в детстве сексуальном насилии и возбуждать на этой основе судебные дела против тех, кто, как они теперь вспоминают, был виновен в насилии. Хотя одни профессионалы убеждены в подлинности воспоминаний о сексуальных приставаниях и считают, что человеку наносят серьезный ущерб, когда не верят в реальность его прошлых переживаний, однако другие — сомневаются в их подлинности и относятся к ним как к разновидности синдрома «ложной памяти». Тогда как одни специалисты считают эти внезапные открытия памяти полезными и целительными для тех, кто долгое время подавлял и вытеснял травму, причиненную насилием, другие — предполагают, что эти «воспоминания» вызываются провоцирующими вопросами терапевтов, убежденных, что подобное насилие имело место.

В одной статье, опубликованной в профессиональном психологическом журнале, задается вопрос: «Какие существуют научные доказательства подлинности воспоминаний о сексуальном насилии, которые были "вытеснены", а затем "вспомнились" с помощью психотерапевта? Каким образом ученые, юристы и сами расстроенные пациенты отличают истинные воспоминания от ложных?» К сожалению, у нас нет ясных ответов на эти вопросы. С одной стороны, мы знаем, что люди могут забывать события, которые впоследствии припоминаются. С другой стороны, мы также знаем, что люди могут «припоминать» события, которые в действительности никогда не происходили. Как бы то ни было, психологи по-разному относятся к ценности доказательств, касающихся того, могут ли люди восстанавливать первоначально «вытесненные» воспоминания. И кроме того, даже если подобные воспоминания можно припомнить, то в настоящее время мы не имеем реальных возможностей, чтобы отличить восстановленные воспоминания от «ложной памяти».

Источники: American Psychological Society *Observer*, July, 1992, p. 6; Loftus, 1993; *New York Times*, April 8, 1994, p. A1; Williams, 1994.

Они считают, что существуют серьезные экспериментальные подтверждения того, что события или воспоминания, казалось бы, безнадежно забытые, могут быть восстановлены. Что гораздо труднее продемонстрировать в лаборатории, так это защитную функцию вытеснения, т.е. то обстоятельство, что усилия не допустить вытесненные идеи в сознание вызваны стремлением минимизировать психологическую боль. Тем не менее, вместо того чтобы говорить о том, что отсутствие экспериментальных доказательств вынуждает нас отказаться от данного понятия, Эрдели и Голдберг сосредоточиваются на принципиальной ограниченности попыток воссоздать сложные феномены в лабораторных условиях. Обсуждая результаты клинических и лабораторных исследований, они выдвигают предположение, что «эти два подхода приносят ощутимо различные плоды. Подобные различия, как мы полагаем, отражают неотъемлемые различия в двух подходах, а не некое особое непостоянство феноменов самих по себе. Сущность клинического подхода состоит в его способности вскрыть истинную сложность когнитивных процессов... С клинической точки зрения доказательства существования механизма вытеснения очевидны и поразительны. Вместе с тем слабость клинического подхода заключается в неопределенности, неточности метода... Сила лабораторно-экспериментального подхода в отличие от клинического заключается в его методической мощи, его фундаментальная слабость — в неспособности иметь дело с подлинно сложными процессами» (Erdelyi & Goldberg, 1979, pp. 383-384).

В результате, в то время как практикующие психоаналитики считают доказательства в поддержку концепции вытеснения вполне убедительными, исследователи-экспериментаторы полагают, что контролируемых свидетельств в пользу вытеснения, полученных в лабораторных условиях, не существует, и, может быть, пришло время отказаться от подобных поисков (Holmes, 1990).

Прежде чем закончить обсуждение видов психологической защиты, необходимо отметить еще один защитный механизм, который используется человеком, чтобы выразить свои побуждения, не вызывая у себя тревоги. Этот механизм, имеющий важное социальное значение, называют **сублимацией**. В этом случае исходный объект удовлетворения замещается более высокой культурно значимой целью, далеко отодвинутой от непосредственного выражения инстинкта. В то время как другие защитные механизмы сталкиваются с инстинктами «лоб в лоб» и так или иначе ограничивают их разрядку, при сублимации инстинкт преобразуется и направляется в новый и полезный канал. По контрасту с другими защитами здесь Я не должно постоянно наращивать расход энергии, чтобы предотвратить разрядку. Фрейд интерпретировал создание Мадонны Леонардо да Винчи как сублимацию сексуального влечения к матери. Приобретение профессий хирурга, мясника или боксера в большей или меньшей степени может означать сублимацию агрессивных импульсов. Работа психиатра может представлять собой сублимацию желаний подглядывать за чужой жизнью, в том числе за ее интимными моментами. В целом, как уже отмечалось, Фрейд считал, что в способности человека сублимировать сексуальную и агрессивную энергию заключена суть цивилизации.

Рост и развитие

Психоаналитическая теория развития принимает во внимание все аспекты развития личности. В теории выделяются два главных аспекта. Первый — это то, что индивид проходит определенные стадии развития. Второй — подчеркивание важности событий раннего детства для всей последующей жизни. В своем крайнем выражении психоаналитическая теория заходит так далеко, что утверждает, будто самые существенные особенности зрелой личности закладываются в первые пять лет жизни.

Развитие процессов мышления

Психоаналитическая теория развития мышления фокусируется на переходе от **первичного процесса** мышления ко **вторичному процессу**. Первичный процесс мышления осуществляется на языке бессознательного, в котором реальность и фантазия неразличимы. Аспекты первичного мышления обнаруживаются в сновидениях. В них события происходят одновременно в нескольких местах, характеристики различных людей и предметов переплетаются между собой, события быстро перемещаются назад и вперед во времени и с легкостью происходит то, чего не может происходить в состоянии бодрствования. Вторичный процесс мышления предполагает использование языка сознательного и проверку реальностью. Параллельно этому процессу идет развитие Я и Сверх-Я. С развитием Я индивид дифференцируется от остального мира как самость и его поглощенность собой снижается.

Недавно Эпштейн (Epstein, 1994) ввел похожее типологическое различие между *непосредственным* и *рациональным мышлением*. Эти два типа мышления рассматриваются как два фундаментально различных способа познания, причем один ассоциируется с чувствами и непосредственным опытом, а другой — с интеллектом. Непосредственное мышление, как и первичное мышление, считается более ранним этапом эволюционного развития и характеризуется целостностью, конкретностью и сильным влиянием эмоций. Оно часто используется в межличностных отношениях, будучи эмпатическим и интуитивным. Рациональное мышление, аналогичное вторичному мыслительному процессу, рассматривается как более поздний этап эволюции и определяется как более абстрактное, аналитическое и управляемое логикой и фактами. Например, рациональное мышление используется в решении математических задач.

Потенциальный конфликт между двумя системами мышления можно наблюдать в эксперименте, в котором испытуемых просили выбрать одно из двух: вытаскивать призовую красную конфетку из сосуда, содержащего десять конфет, только одна из которых — красная, или из сосуда, содержащего сто конфет, восемь из которых — красные (Denes-Raj & Epstein, 1994). Зная долю красных конфет в обоих сосудах, испытуемые прекрасно *понимали*, что разумнее было бы выбрать сосуд с их большим процентным содержанием, т.е. тот, где была одна красная конфета из десяти. Однако, несмотря на это, многие испытуемые *чувствовали*, что у них больше шансов с сосудом, в котором было больше красных конфет, несмотря на более низкий процент их содержания. Этот конфликт между тем, что *чувствовали* испытуемые и что они *понимали*, выра-

жает конфликт между непосредственной и рациональной мыслительными системами. По Эпштейну (1994), эти две системы функционируют параллельно и могут действовать как в согласии друг с другом, так и в конфликте. Вероятно, это и происходит в большинстве видов творческой деятельности. Кроме того, существуют индивидуальные различия по степени развития каждой системы и по возможности использовать ее в тех или иных видах деятельности.

Развитие инстинктов

Самая важная часть психоаналитической теории развития связана с развитием инстинктов. Источник инстинктов — состояния телесного напряжения, фокусирующиеся на определенных участках тела, называемых **эрогенными зонами**. Согласно теории, развитие и смена основных эрогенных зон тела детерминированы биологически. В каждый определенный момент главный источник возбуждения и энергии фокусируется в определенной зоне, и местоположение этой зоны меняется в течение первых лет развития. Первая эрогенная зона — это рот, вторая — анус, а третья — гениталии. Умственное и эмоциональное развитие ребенка зависит от социальных взаимодействий, тревог и удовлетворений, которые так или иначе оказываются связаны с этими зонами.

Стадии развития. Первая по времени главная зона возбуждения, чувствительности и энергии — это рот. По месту возникновения возбуждения называется и стадия развития — **оральная стадия**. В раннем детстве оральное удовольствие переживается во время кормления, сосания большого пальца и других движений рта, характерных для младенца. Во взрослой жизни следы оральности просматриваются в жевании резинки, в еде, курении и поцелуях. На ранней стадии орального развития ребенок пассивен и восприимчив. На более поздней оральной стадии, с развитием зубов, можно говорить о смешении сексуального и агрессивного удовольствий. Подобное смешанное удовлетворение разных инстинктов можно наблюдать у детей, когда они едят крекеры, изготовленные в виде животных. В более поздние периоды жизни мы находим следы оральности в различных сферах. Например, учебная деятельность может иметь оральные ассоциации в бессознательном: человеку дается «пища для ума», его просят «поглощать» прочитываемую информацию и ему велят «отрыгнуть» то, что он выучил, на экзамене*.

На второй, **анальной стадии** развития (возраст два-три года) возбуждение локализуется в анусе и в движении фекалий через задний проход. Изгнание фекалий из тела, как предполагается, приносит облегчение от напряжения и удовольствие от стимуляции слизистых оболочек в этой области. У ребенка возникает конфликт между избавлением и удержанием, между удовольствием от облегчения и удовольствием от удержания, а также между желанием получить удовольствие от эвакуации содержимого кишечника и требованием внешнего мира отсрочить, задержать ее. Последний конфликт представляет собой первое серьезное столкновение между индивидом и обществом. В этом случае социальная среда требует от ребенка либо пойти против принципа удовольствия,

* Есть аналоги в русском языке: «глотать книги», «обсасывать тему со всех сторон», «отрыжка знаний» и т.д. (Примеч. пер.)

либо быть наказанным. Ребенок в отместку может начать умышленно пачкать белье (диарея), может начать ассоциировать процесс испражнения с потерей чего-то очень важного для себя, и подобная ассоциация ведет к депрессии или может связать выталкивающие действия кишки с передачей наград или подарков другим, что в свою очередь может начать ассоциироваться у него с чувством власти или контроля.

На **фаллической стадии** (возраст четыре—пять лет) возбуждение и напряжение локализуются в гениталиях. Биологическая дифференциация между полами ведет к психологической дифференциации. У мальчика развивается эрекция, и новые ощущения в этой области ведут к нарастанию интереса к гениталиям и к пониманию того, что девочки лишены пениса. Это приводит к страху, что он может лишиться пениса, — **страху кастрации**. Отец становится соперником в борьбе за любовь матери; как поется в песне: «Я хочу девушку точь-в-точь такую, как девушка, на которой женился мой дорогой старик». Враждебность мальчика по отношению к отцу проецируется на отца с сопутствующим страхом перед расплатой. Это приводит к феномену, известному под названием **Эдипов комплекс**. В соответствии с Эдиповым комплексом каждый мальчик обречен в своих фантазиях мечтать убить своего отца и жениться на собственной матери. Эдипов комплекс может усиливаться действительным очарованием и соблазнительностью его матери. Тревога по поводу кастрации может быть усилена реальными угрозами со стороны отца отрезать пенис. Как оказалось, эти угрозы встречаются на удивление часто.

Для того чтобы продемонстрировать интересную попытку проверить существование Эдипова комплекса, вернемся к изучению подпороговой психодинамической активации бессознательного. Как мы уже рассказывали, в подобном исследовании испытуемым при помощи тахистоскопа предъявляются стимулы ниже порога восприятия. Когда определенные подпороговые стимулы (например, фразы) поступают к человеку, они, предположительно, активизируют бессознательные конфликты и либо усиливают, либо смягчают их в зависимости от природы конфликта и предъявленных фраз. Цель эксперимента, о котором мы хотим рассказать, заключалась в том, чтобы изменить степень интенсивности Эдипова конфликта у мужчин и наблюдать за тем, как это скажется на их поведении в ситуации соревнования (Silverman, Ross, Adler & Lustig, 1978). Были выбраны следующие фразы для усиления или смягчения Эдипова конфликта: «Бить отца нельзя» и «Бить отца можно». Кроме того, было представлено некоторое количество других фраз, включая нейтральную: «Люди прогибаются». Эти фразы предъявлялись студентам-мужчинам после того, как они участвовали в соревновании по метанию дротиков (похожему на игру «Дарт»). После каждого подпорогового предъявления стимульной фразы испытуемых снова тестировали на меткость метания дротика. Как и следовало ожидать, два «Эдиповых» стимула дали ясно выраженные эффекты, причем в противоположных направлениях. За предъявлением стимула «Бить отца можно» следовали гораздо более высокие результаты, чем после предъявления нейтральных стимулов, в то время как за стимулом «Бить отца нельзя» следовали гораздо более низкие результаты, чем это наблюдалось после предъявления нейтральных стимулов (табл. 3.2).

Т а б л и ц а 3.2. Эдипов конфликт и успешность участия в соревновании в зависимости от подпорогового предъявления трех различных стимулов

Очки в БРОСАНИИ ДРОТИКОВ	«Бить ОТЦА НЕЛЬЗЯ»	«Бить ОТЦА МОЖНО»	«Люди ПРОГУЛИВА ЮТСЯ»
Средние значения, зафиксиро- ванные до предъявления сти- мулов	443,7	444,3	439,0
Средние значения, зафиксиро- ванные после предъявления стимулов	349,0	533,3	442,3
Разница	-94,7	+90,0	+3,3

Результаты приведены по работе: Silverman et al., 1978, p. 346.

В этом исследовании примечательно то, что экспериментальное тестирование проводилось среди здоровых студентов-мужчин, тогда как теоретическая концепция была построена на основе материала, полученного в результате клинического обследования пациентов. Экспериментаторы полагали, что, «поскольку большинство людей в той или иной степени проявляют невротическое поведение и поскольку, согласно психоаналитической трактовке, Эдипов конфликт часто играет роль центрального патогенного фактора, закономерность, основанная на клинических наблюдениях, может оказаться приложимой к "нормальной" студенческой выборке» (p. 342).

Стоит остановиться на двух дополнительных моментах, поскольку с повторением подобного рода экспериментов возникали трудности. Во-первых, эта закономерность не обнаруживается, если стимулы предъявляются над порогом: действие психодинамической активации, видимо, проявляется скорее на бессознательном уровне, чем на уровне сознания. Во-вторых, авторы подчеркивают, что экспериментальные стимулы должны соответствовать мотивационному состоянию испытуемых, а измеряемые реакции должны быть чувствительны к изменениям этих мотивационных состояний. Так, в вышеприведенном эксперименте испытуемые были первоначально «разогреты» фотографиями и историями, содержащими Эдиповы мотивы, и, кроме того, бросание дротиков было представлено именно как соревнование.

Для женщины процесс развития на этой стадии носит несколько иной характер. Она осознает нехватку пениса и винит в этом мать, первоначально являющуюся объектом любви. В результате развития **зависти к пенису** девочка выбирает в качестве предмета любви отца и воображает, что потерянный орган может быть восстановлен посредством рождения ребенка от отца*. В то время

* Психоаналитическая теория была раскритикована феминистками по целому ряду оснований. Возможно, понятие зависти к пенису больше, чем какое-либо другое понятие, рассматривалось ими как выражение мужского шовинизма и враждебности по отношению к женщинам. К этой теме мы вернемся в разделе «Критическая оценка» главы 4. (Примеч. авторов.)

как Эдипов комплекс у мальчика разрешается благодаря страху кастрации, у девочки аналогичный комплекс возникает из-за зависти к пенису. Как и в случае с мальчиком, конфликт в этот период может усилиться благодаря повышенной соблазнительности отца для маленькой дочери. И подобно мальчику, овладевающему своей матерью через идентификацию с отцом, девочка разрешает конфликт, сохраняя отца в качестве объекта любви, но добиваясь его любви не прямо, а через идентификацию со своей матерью.

Демонстрируют ли дети на самом деле поведение по Эдипову типу, или все это только искаженные воспоминания взрослых, и в особенности пациентов на сеансах у психоаналитиков? Было предпринято исследование этого вопроса, в котором использовались сообщения родителей о взаимоотношениях между ними и их детьми, а также анализ реакций детей на разные истории, посвященные отношениям детей и родителей. Обнаружилось, что где-то в районе четырех лет дети демонстрируют растущее предпочтение родителей противоположного пола и все увеличивающийся антагонизм по отношению к родителю того же пола. В возрасте пяти-шести лет различия в отношении к обоим родителям уменьшались. Примечательно, что экспериментаторы, хотя они и принадлежали к другой теоретической ориентации, пришли к выводу, что обнаруженные ими факты совпадают с психоаналитическими представлениями об Эдиповых отношениях сыновей с матерями и дочерей с отцами (Watson & Getz, 1990).

Чтобы разрешить Эдипов комплекс, ребенок идентифицируется с родителем своего пола. Таким образом, ребенок заполучает родителя противоположного пола не через поражение другого родителя, одного с ним пола, а через **идентификацию** с ним. Развитие идентификации с родителем того же пола является центральным моментом в период фаллической стадии и в более общем плане — центральным понятием в психологии развития. В процессе идентификации индивид перенимает качества другого человека и интегрирует их в свою деятельность. При идентификации со своими родителями дети перенимают их ценности и моральные нормы. Именно в этом смысле Сверх-Я называют «наследником» разрешенного Эдипова комплекса.

Хотя Фрейд относительно мало внимания уделял факторам развития, действующим после разрешения Эдипова комплекса, он определенно признавал их существование. После фаллической стадии ребенок вступает в **латентный** период. Смысл понятия латентной стадии в психоаналитической теории никогда не был особенно ясен. Признание снижения сексуальных влечений и интересов в период с 6 до 13 лет могло соответствовать результатам наблюдений за детьми викторианской эпохи, но оно не соответствует результатам наблюдений за детьми, живущими в других культурах. Более правдоподобным кажется предположение (хотя его труднее проверить), что в этот период развития нет новых продвижений в способах, которыми дети ищут удовлетворения своих инстинктов.

Наступление пубертатного периода с новым пробуждением сексуального влечения и Эдиповых чувств обозначает начало генитальной **стадии**. Важность этого периода для индивида и для его вхождения в общество демонстрируется ритуалами инициации во многих культурах и еврейским ритуалом бар-мицва.

Чувство зависимости и внутренняя борьба с Эдиповым комплексом, которые не были полностью преодолены в прегенитальный период развития, теперь возвращаются, поднимая свои уродливые головы. Смятение подросткового возраста отчасти приписывается действию этих факторов.

Психосоциальные стадии развития, по Эриксону. Итак, в психоаналитической теории развития основное внимание уделяется первым пяти годам жизни человека и развитию инстинктов. Эго-психологи попытались, оставаясь внутри этой теоретической рамки, уделить больше внимания другим аспектам развития в ранние годы и найти те его формы, которые реально имеют место в период латентной и генитальной стадий. Эрик Эриксон (Erik Erikson, 1902—1994), один из ведущих эго-психологов, описывает развитие в психосоциальных терминах, а не просто в терминах, связанных с сексуальностью (табл. 3.3). Так, первая стадия важна не только локализацией удовольствия в области рта, но и тем, что в ситуации кормления развивается доверие или недоверие между младенцем и матерью. Сходным образом анальная стадия важна не только сменой главной эрогенной зоны, но также и тем, что приучение к пользованию горшком есть значимая социальная ситуация, в которой ребенок может развить чувство автономии или поддаться стыду и неуверенности в себе. На фаллической стадии ребенок должен разрешить конфликт между получением удовольствия и развитием чувства вины, чтобы в результате стать настойчивым, готовым к конкурентной борьбе и успешным.

Для Эриксона (1950) латентная и генитальная стадии — это периоды, в которые у индивида развивается чувство трудолюбия и успеха или, напротив, чувство неполноценности и, может быть, самое важное приобретение — чувство идентичности либо противоположное ему чувство ролевой диффузности. Для Эриксона решающая задача подросткового периода заключается в становлении чувства Я-идентичности, растущей уверенности, что сегодняшнее восприятие индивидом самого себя является продолжением его прошлого Я и согласуется с восприятием его другими людьми. По сравнению с людьми, у которых развилось чувство идентичности, человек с диффузией ролей не вполне уверен в том, кем он является на самом деле, он не знает, соответствует ли то, что думает о себе он сам, тому, что думают о нем окружающие, и он не отдает себе отчета в том, как он стал тем, кто он есть, и кем он станет в будущем. В поздний подростковый период и в студенческие годы стремление решить задачу идентичности может приводить к вступлению в самые разные группы и к мучительным переживаниям по поводу выбора карьеры. Если эти проблемы не решаются в данный период, то в последующие годы индивид переполняет чувство отчаяния; жизнь кажется слишком короткой и слишком поздно начинать все сначала.

В своем исследовании процесса формирования идентичности Марсиа (Marcia, 1994) выделяет четыре статуса, которые могут иметь индивиды в ходе этого процесса. Статус *Достигнутой идентичности* человек приобретает, если он усваивает свою идентичность после поиска и изучения себя. Такие индивиды функционируют на высоком психологическом уровне, будучи способны к независимому мышлению, к близости в межличностных отношениях, к сложным моральным рассуждениям, они обладают устойчивостью к групповому давлению.

Таблица 3.3. Стадии психосоциального развития, по Эриксону, и их значение для личности

Психосоциальная стадия	Возраст	Позитивные исходы	Негативные исходы
Базовое доверие <i>либо</i> Недоверие	1	Чувство внутреннего комфорта, доверие к себе и другим, оптимизм	Чувство неблагополучия, недоверие к себе и другим, пессимизм
Автономия <i>либо</i> Стыд и неуверенность в себе	2-3	Сила воли, самоконтроль, способность делать выбор	Ригидность, болезненная совестливость, неуверенность в себе, склонность к чувству стыда
Инициативность <i>либо</i> Чувство вины	4-5	Удовольствие от совершенного, активность, определенность и целеустремленность	Чувство вины по поводу намерений и инициатив
Трудолюбие <i>либо</i> Неполноценность	Латентный период	Способность быть поглощенным продуктивной работой, гордость за конечный продукт	Чувство неадекватности и неполноценности, неспособность доводить дело до конца
Идентичность <i>либо</i> Диффузия ролей	Подростковый возраст	Уверенность во внутренней тождественности и преемственности, предвкушение карьеры	Ощущение неловкости в разных ролях, отсутствие твердых стандартов, чувство искусственности, деланности
Интимность <i>либо</i> Изоляция	Ранняя зрелость	Взаимность, разделенность (с другим) мыслей, чувств, труда	Уклонение от интимности, поверхностные отношения
Производительность <i>либо</i> Стагнация	Взрослость	Способность погружаться в работу и отношения с другими людьми	Потеря интереса к работе, обедненные связи с людьми
Интеграция <i>либо</i> Отчаяние	Поздние годы жизни	Чувство порядка и смысла жизни, удовлетворение собой и тем, что сделал в жизни	Страх смерти, горечь по поводу прожитой жизни и по поводу того, что получил от нее или что не состоялось

нию и к групповым манипуляциям с их чувством самоуважения. Статус *Идентификационного моратория* индивид имеет, если он находится в разгаре кризиса идентичности. Такие люди способны к деятельности высокого психологического уровня, что выражается в сложных умозаключениях и моральных рассуждениях; они также ценят близость в отношениях с другими людьми. Однако они

все еще продолжают решать проблему, кто же они такие и что о них думают другие, и менее готовы сделать ответственные выборы в разных сферах жизни, чем достигшие идентичности. В случае *Неоплаченной идентичности* индивид принимает определенную идентичность, минуя процесс исследования себя. Такие индивиды склонны к ригидности, сильно подвержены групповому давлению и чувствительны к манипуляциям с их чувством самоуважения. Они склонны к соблюдению условностей и отказываются отступать от принятых ими стандартов добра и зла. И наконец, индивид, имеющий статус *Диффузной идентичности*, лишен какого-либо сильного чувства идентичности или обязательств перед кем-либо. Подобные индивиды легко уязвимы в случае ударов по их самоуважению, их мышление часто дезорганизовано, и у них есть проблемы с установлением близких отношений с людьми. Таким образом, Марсиа считает, что индивиды различаются по тому, как они справляются с процессом формирования идентичности, причем данные различия проявляются в их ощущении себя, в мыслительных процессах и в межличностных отношениях. Хотя то, как протекает процесс формирования идентичности, и не предопределяет жестко структуру будущей жизни, этот процесс имеет, согласно взглядам Марсиа, большое значение для дальнейшего развития личности.

Продолжая свое описание последующих стадий жизни и сопровождающих их психологических проблем, Эриксон предполагает, что у одних людей развивается чувство близости в отношениях с другими, принятие своих жизненных успехов и разочарований и чувство преемственности, пронизывающее весь жизненный цикл, тогда как другие остаются в социальной изоляции от семьи и друзей, по-видимому, живут сегодняшним днем и как бы заикливаются на прошлых разочарованиях и будущей смерти. Хотя способы, которыми люди разрешают (или не разрешают) эти критические проблемы взрослости, могут происходить из детских конфликтов, Эриксон считает, что это не обязательно так (Erikson, 1982).

В итоге, вклад Эриксона заслуживает внимания по трем статьям: 1) он подчеркнул, что для развития личности важен как инстинктивный, так и социально-психологический базис; 2) он распространил концепцию стадий развития на весь жизненный цикл и четко обозначил основные психологические проблемы, с которыми приходится сталкиваться на этих более поздних стадиях; 3) он признал, что люди смотрят в будущее, а не только в прошлое, и способ, каким они интерпретируют свое будущее, может быть столь же важной частью их личности, что и способ конструирования прошлого.

Важность раннего опыта

Приверженцы психоаналитической теории подчеркивают особую значимость событий раннего периода жизни для последующего развития личности. Другие же психологи считают, что на всем жизненном пути человека сохраняется гораздо более высокий потенциал изменчивости. Вопрос этот сложен, превалирующие точки зрения время от времени меняются, и консенсус до сих пор не достигнут (Caspi & Bem, 1990).

Сложность этой проблемы можно проиллюстрировать на примере двух исследований. Первое, проведенное психоаналитиком Гаэнсбауэром (Gaensbauer,

1982), было посвящено изучению аффективного развития в младенчестве. Девочка Дженни была впервые систематически обследована, когда ей было около четырех месяцев от роду. Перед этим, когда ей было три месяца, она подверглась жестокому обращению со стороны отца. В тот раз ее привезли в больницу с переломом руки и травмой черепа. Больничный персонал описывал ее как «милое дитя» — веселое, смывленное, контактное, но девочка не любила, чтобы ее прижимали к себе, держа на руках, и еще, она вся дрожала, если к ней приближался мужчина. После этой истории с насилием ее поместили в другую семью, где она получала хороший физический уход, но общение со взрослыми было сведено к минимуму. Это был слишком резкий контраст по сравнению с ее ранним опытом жизни с родной матерью, которая проводила с ней значительное время и кормила грудью по потребности. Первое систематическое обследование состоялось почти месяц спустя после помещения в приемную семью. На этот раз ее поведение полностью подпадало под диагноз депрессии: летаргическое состояние, апатия, потеря интереса, упадок сил. Систематический анализ мимики ребенка выявил пять отдельных аффектов, каждый из которых имел содержательную связь с ее уникальной историей. Печаль проявлялась, когда она находилась рядом со своей родной матерью. Страх и гнев были заметны, когда к ней приближался незнакомый человек мужского пола, но, если это была женщина, подобные эмоции не наблюдались. Веселье проявлялось короткими проблесками во время игровых сеансов. И наконец, интерес и любопытство отмечались, когда она вступала в контакт с незнакомыми женщинами.

После этого обследования Дженни перевели в приемную семью, где она получила тепло и внимание. Через две недели такого обращения приемная мать снова привезла ее в больницу для дальнейшего обследования. На этот раз девочка в целом вела себя как нормальный контактный ребенок. Она не выказывала никаких признаков страдания и даже улыбалась незнакомому мужчине. По прошествии еще одного месяца жизни в этой приемной семье ее привезла в больницу для третьего обследования *ее собственная родная мать*. В общем, девочка была оживлена и радостна. Тем не менее, когда ее мать вышла из комнаты, она громко заплакала. Плач продолжался и после того, как мать вернулась, несмотря на все усилия успокоить ребенка. Очевидно, отделение девочки от родной матери продолжало вызывать сильную реакцию психологического страдания.

В дополнение к этому у девочки часто наблюдались печаль и гнев. В возрасте восьми месяцев Дженни вернули ее родной матери, которая ушла от своего мужа и получила необходимую консультационную помощь. В возрасте 20 месяцев девочка была признана совершенно здоровой и имела замечательные отношения со своей матерью. Тем не менее реакции гнева и страдания, связанные с отделением ее от матери, продолжали сохраняться.

Исходя из этих наблюдений мы можем заключить, что имеются свидетельства одновременно и преемственности и расхождения между ранним эмоциональным опытом Дженни и ее более поздними эмоциональными реакциями. В целом в возрасте 20 месяцев у нее все было хорошо и ее эмоциональные реакции были в норме. Но в то же время реакция гнева в ответ на отделение от матери и фрустрацию была очевидным звеном, связующим ее с прошлым. Психо-

аналитик, проводивший это исследование, предположил, что отдельные травмирующие события, возможно, менее значимы, чем повторяющиеся переживания, пусть не столь драматичные, но зато более «упорные». Другими словами, ранние годы жизни очень важны, но скорее не отдельными событиями, а целостным паттерном межличностных отношений.

Второе исследование, проведенное группой специалистов по психологии развития, оценивало связь между ранними эмоциональными взаимоотношениями с матерью и возникшими впоследствии патологиями (Lewis, Feiring, McGuffog & Jaskir, 1984). В этом исследовании изучалась привязанность к матери девочек и мальчиков в годовалом возрасте. Наблюдение включало стандартную процедуру, заключающуюся в сеансе игры ребенка с матерью по специальной инструкции, за которым следовало расставание с матерью и ребенок оставался один в игровой комнате, после чего мать возвращалась и начинался второй игровой период, на этот раз по свободной программе. Поведение детей систематически фиксировалось и классифицировалось по трем категориям привязанности: избегание привязанности, уверенная привязанность и амбивалентная привязанность. Избегание и амбивалентность указывают на трудности в этой области отношений. Много позже, в возрасте шести лет, измерялась компетентность этих же детей с помощью вопросника «Профиль поведения детей», заполняемого матерями. Оценки, выставляемые матерями, сравнивались с аналогичными оценками, полученными от учителей. По результатам «Профиля поведения» дети разделялись на три группы: нормальную, группу риска и клиническую группу.

Какой же была связь между характером ранней привязанности и патологией, наблюдаемой позднее? Особенно существенными являются следующие два результата, полученные в этом исследовании. Во-первых, связи были совершенно различными у девочек и у мальчиков. У мальчиков тип привязанности в возрасте одного года был значимо связан с выраженностью патологии в более позднем возрасте. Неуверенные в отношении к ним своих матерей мальчики чаще обнаруживали патологию в возрасте шести лет, чем мальчики, уверенные в отношении к ним матерей. В то же время у девочек не наблюдалось никаких связей между характером привязанности и последующей патологией. Во-вторых, авторы отмечают разницу между успешностью попыток *предсказать* (в перспективе) патологию, исходя из раннего опыта, и попытками *объяснить* (ретроспективно) последующую патологию через трудности отношений с матерью в раннем возрасте.

Если начать с мальчиков, которые в шестилетнем возрасте попали в группу риска или в группу с патологическими нарушениями, то окажется, что 80% из них в годовалом возрасте имели избегающую или амбивалентную привязанность к матери, т.е. существует очень тесная статистическая связь. Вместе с тем, если взять всех мальчиков, неуверенных в позитивном отношении к ним со стороны матери (т.е. тех, чья привязанность была в годовалом возрасте классифицирована как избегающая или амбивалентная), и предсказать риск возникновения у них клинических патологий к шести годам, то прогноз подтвердится только в 40% случаев! Причина расхождения заключается в том, что мальчиков, которые были классифицированы как неуверенные в позитивном отноше-

нии к ним матерей, было гораздо больше, чем мальчиков, которые потом попали в группы риска или в группы детей, имеющих патологические нарушения. Таким образом, взгляд клинициста на уже имеющуюся патологию может дать четкие основания для предположения о тесных связях между патологией и затруднениями эмоциональных отношений с матерью в раннем детстве. В то же время данные прогнозирования дают намного более неясную и сложную картину и позволяют предположить наличие других важных переменных. Как признавал сам Фрейд, когда мы наблюдаем *уже имеющуюся* патологию, тогда слишком легко установить, как она образовалась. Но когда мы смотрим на эти явления *в перспективе* (т.е. из прошлого — в будущее), мы вынуждены признать разнообразие путей, по которым может идти развитие.

Как уже отмечалось, проблемы, касающиеся роли раннего опыта для дальнейшего развития личности, очень сложны. Может быть, нам надо искать более дифференцированные подходы к этому вопросу, а не ответы по типу «все-или-ничего». Например, значимость раннего опыта для развития личности может зависеть от изучаемых характеристик. Может быть, некоторые личностные характеристики, однажды сформированные, оказываются более устойчивыми к изменениям, чем другие. Значимость раннего опыта может также зависеть от интенсивности определенных видов опыта, их продолжительности и других его видов, которые предшествуют и следуют за первыми. Так, например, влияние лишения материнского общения может зависеть от того, насколько серьезным и продолжительным было лишение, а также от влияния позитивного опыта как до, так и после этого лишения. И наконец, мы можем отметить явную разницу между тем, что может случиться, и тем, что случится обязательно. Психоаналитическая теория может правильно описывать *возможные* последствия раннего опыта, особенно те, что проявляются в разнообразных психологических нарушениях, структура которых складывается рано и сохраняется долго, но не может утверждать, что подобные последствия неизбежны.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Катарсис (Catharsis). Разрядка и высвобождение эмоций в ходе разговора о своих проблемах.

Свободные ассоциации (Free association). В психоанализе — рассказ пациента аналитику обо всех мыслях, которые приходят ему в голову.

Энергетическая система (Energy system). Представление Фрейда о личности, предполагающее взаимодействие различ-

ных сил (например, влечений, инстинктов), или источников энергии.

Принцип удовольствия (Pleasure principle). Согласно Фрейду, психологическое функционирование, основанное на стремлении к удовольствию и на избегании боли.

Сознательное (Conscious). Мысли, переживания и чувства, о существовании которых мы знаем.

Предсознательное (Preconscious). Понятие, введенное Фрейдом для тех мыслей, переживаний и чувств, о существовании которых мы не осведомлены в данный момент, но которые легко могут быть введены в сознание.

Бессознательное (Unconscious). Те мысли, переживания и чувства, о существовании которых мы не знаем. Согласно Фрейду, бессознательное — результат вытеснения.

Восприятие без осознания (Perception without awareness). Бессознательное восприятие, или восприятие стимулов без осознания того, что они восприняты.

Перцептивная защита (Perceptual defense). Процесс, посредством которого индивид защищается (бессознательно) против осознания угрожающего стимула.

Подпороговая психодинамическая активация (Subliminal psychodynamic activation). Связанная с психоаналитической теорией процедура исследования, которая предусматривает предъявление стимулов, находящихся ниже перцептивного порога (подпороговые стимулы). Это делается с целью стимулировать бессознательные желания и страхи.

Оно (Id). Предложенное Фрейдом структурное понятие для обозначения источника инстинктов или всей побудительной энергии человека.

Я (Ego). Структурное понятие, используемое Фрейдом для обозначения той части личности, которая пытается удовлетворить влечения (инстинкты) в соответствии с реальностью и моральными ценностями человека.

Сверх-Я (Superego). Структурное понятие, введенное Фрейдом для обозначения той части личности, которая выражает наши идеалы и моральные ценности.

Принцип реальности (Reality principle). По Фрейду, психологическое функционирование, основанное на учете реальности, при котором удовольствие откладывается до подходящего момента.

Сексуальные инстинкты (Sexual instincts). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения тех влечений, которые направлены на сексуальное удовлетворение или удовольствие.

Инстинкт жизни (Life instinct). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения влечений, или источников энергии (либидо), направленных на сохранение жизни и сексуальное удовлетворение.

Инстинкт смерти (Death instinct). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения влечений, или источников энергии, направленных на самоуничтожение, или на возвращение в неорганическое состояние.

Либидо (Libido). Психоаналитический термин, который первоначально обозначал энергию, связанную с сексуальным инстинктом, а впоследствии —

энергию, связанную с инстинктом жизни.

Агрессивный инстинкт (Aggressive instinct).

Понятие, введенное Фрейдом и обозначающее влечения, направленные на причинение вреда и страданий или на разрушение.

Тревожность (Anxiety). В психоаналитической теории — болезненное эмоциональное переживание, которое сигнализирует, или предупреждает, о том, что Я находится в опасности.

Защитные механизмы (Defense mechanisms).

Понятие, введенное Фрейдом для обозначения тех приемов, которые обычно используются человеком, чтобы снизить тревогу. В результате их действия определенные мысли, желания или чувства исключаются из сознания.

Проекция (Projection). Защитный механизм, при котором один человек приписывает другому (проецирует на него) свои собственные неприемлемые для осознания инстинкты или желания.

Отрицание (Denial). Защитный механизм, при котором реальность, причиняющая боль, отрицается, будь то реальность внешняя или внутренняя.

Изоляция (Isolation). Защитный механизм, при котором эмоции изолируются от содержания болезненных воспоминаний или импульсов.

Аннулирование (отмена) (Undoing). Защитный механизм, при котором магически отменяется (уничтожается) действие

или желание, вызывающее тревогу.

Формирование противоположной реакции (Reaction formation).

Защитный механизм, при котором осуществляется реакция, противоположная неприемлемому побуждению.

Рационализация (Rationalization).

Защитный механизм, при котором дается приемлемая причина для неприемлемого мотива или действия.

Вытеснение (подавление, репрессия) (Repression).

Исходный защитный механизм, при котором мысль, идея или желание изгоняются из сознания.

Сублимация (Sublimation). Защитный механизм, при котором исходная форма выражения инстинкта замещается более возвышенной культурно значимой целью.

Первичный процесс (Primary process).

В психоанализе — форма мышления, которое не управляется логикой или реальностью, а обнаруживается в сновидениях и других проявлениях бессознательного.

Вторичный процесс (Secondary process).

В психоанализе — форма мышления, которое направляется реальностью и ассоциируется с развитием Я.

Эрогенные зоны (Erogenous zones).

По Фрейду, это те части тела, которые являются источниками напряжения, или возбуждения.

Оральная стадия (Oral stage).

Понятие, введенное Фрейдом и

обозначающее период жизни, в течение которого основным центром возбуждения, или напряжения, является область рта.

Анальная стадия (Anal stage). Понятие, введенное Фрейдом, обозначающее период жизни, в течение которого основным центром возбуждения, или напряжения, является анус (задний проход).

Фаллическая стадия (Phallic stage). Понятие, введенное Фрейдом и обозначающее период жизни, в течение которого возбуждение, или напряжение, начинает перемещаться в область половых органов и в течение которого наблюдается притяжение к родителю противоположного пола.

Страх кастрации (Castration anxiety). Представление Фрейда о существовании у мальчиков страха, переживаемого в период фаллической стадии, вызванного ожиданием того, что отец отрежет у сына пенис из-за сексуального соперничества за мать.

Эдипов комплекс (Oedipus complex). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения сексуального притяжения мальчика к матери и страха, что отец, который воспринимается как соперник, его кастрирует.

Зависть по поводу пениса (Penis envy). В психоанализе — зависть женщин к мужчинам, возникающая из-за отсутствия пениса.

Идентификация (Identification).

Усвоение личностных характеристик, воспринимаемых как свойства других людей (например, родителей), в качестве своих собственных.

Латентная стадия (Latency stage).

В теории психоанализа — стадия, следующая за фаллической, на которой происходит снижение сексуальных побуждений и интересов.

Генитальная стадия (Genital stage). В теории психоанализа — стадия развития, связанная с началом пубертатного периода.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Психоаналитическая теория — это пример психодинамического, клинического подходов к личности. Суть психодинамики состоит в том, что поведение интерпретируется как результат взаимодействия мотивов, или влечений. Клинический подход выражается в том, что выводы основываются главным образом на материале, полученном в процессе интенсивного лечения отдельных пациентов.
2. События, происходившие в жизни Фрейда, сыграли определенную роль в развитии его теории и повлияли на его научный подход. Особенно показательными в этом плане являются его обращение к инстинктам смерти в связи с Первой мировой войной, его акцент на сексе в связи с моральными запретами, принятыми в викторианском

- обществе, и его выбор энергетической модели, которая была популярна тогда в других областях науки.
3. Ключевыми для теории психоанализа являются две понятийные структурные схемы. Одна связана с уровнями сознания — выделение сознательного, предсознательного и бессознательного. Другая имеет отношение к различным аспектам функционирования человека, выраженным в понятиях Оно, или Ид (Id), Я, или Эго (Ego), и Сверх-Я, или Супер-Эго (Super-Ego), и направляемым, соответственно, влечениями (инстинктами), ориентацией на реальность и ориентацией на моральные ценности.
 4. Примерами экспериментального изучения бессознательного могут служить исследования бессознательного восприятия и подпороговой психодинамической активации. Хотя научная дискуссия о значении феномена бессознательного не окончена, почти все психологи признают, что на нас могут воздействовать стимулы, которые нами не осознаются.
 5. В теории психоанализа человек рассматривается как энергетическая система, а источник энергии помещается в инстинктах жизни и смерти или в сексуальных и агрессивных инстинктах.
 6. Центральными для описания динамики психологического функционирования являются понятия тревоги и защитных механизмов. Тревога — это болезненное переживание, которое действует как сигнал-предупреждение о надвигающейся опасности. Защитные механизмы представляют собой способы искажения реальности и удаления чувств из сознания, чтобы мы не ощущали тревогу. В этом отношении особенно важно вытеснение, при котором мысль или желание устраняется из сознания.
 7. В соответствии с психоаналитической теорией, индивид проходит через определенные стадии развития. Развитие инстинктов связано с изменением чувствительности различных частей тела (эрогенных зон) и выражается в понятиях оральной, анальной и фаллической стадий. Эдипов комплекс, который развивается на фаллической стадии, считается особенно важным психологическим феноменом и является предметом множества исследований.
 8. Психоаналитик Эрик Эриксон попытался расширить психоаналитическую теорию, разработав концепцию стадий психосоциального развития.
 9. Психоанализ подчеркивает особую роль раннего опыта, особенно в первые пять лет жизни, для последующего развития личности. Исследование связи между ранним опытом и возникшей впоследствии психопатологией служит примером усилий ученых понять роль, которую играет ранний опыт в последующем развитии личности. Степень влияния событий, происходивших в прошлом, видимо, зависит от их интенсивности, а также от того, закрепляют ли последующие события то, что уже сформировалось к этому времени, или резко меняют направление развития личности.

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: практическое применение и оценка теории Фрейда

КЛИНИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

- Психодиагностика: проективные тесты
 - • Тест чернильных пятен Роршаха
 - • Тест тематической апперцепции (ТАТ)
 - • Пример применения проективных тестов в научном исследовании и оценка их возможностей
- Психопатология
 - • Типы личности
 - • Конфликт и защита
- Изменение поведения
 - • Проникновение в бессознательное: свободные ассоциации и толкование сновидений
 - • Терапевтический процесс: перенос

АНАЛИЗ КОНКРЕТНОГО СЛУЧАЯ: МАЛЕНЬКИЙ ГАНС

СЛУЧАЙ ДЖИМА

РОДСТВЕННЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

- Два первых вызова Фрейду
 - • Альфред Адлер (1870-1937)
 - • Карл Г. Юнг (1875-1961)
- Культурные и межличностные акценты
 - • Карен Хорни (1885-1952)
 - • Гарри Стэк Салливан (1892—1949)
- Новейшие направления в рамках традиционной психоаналитической теории
 - • Теория объектных отношений
 - • Теория привязанности и личные взаимоотношения взрослых

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

- Основные заслуги психоанализа
- Недостатки теории
 - • Научный статус психоаналитической теории
 - • Психоаналитическое представление о человеке

• Итоговая оценка

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В фокусе главы

Приходилось ли вам когда-нибудь в детстве смотреть на облака? В такой день, когда большие белые облака отчетливо выделялись на ярко-голубом фоне неба? Вы с ребятами ложились на траву и пристально всматривались в облака, пока не удастся что-то «увидеть». Если вы старались делать это долго и упорно, то могли найти там все, что душе угодно: зверей, драконов, лицо старика. И довольно часто бывало так, что объяснить или показать другому то, что ты видишь, было невозможно. То, что ты видел, открывалось только тебе одному. Почему же ты видел то, что видел? Должно быть, в тебе было что-то такое, что ты «проецировал» на причудливые облака.

Именно в этом и состояла идея, положенная в основу проективных тестов — таких, как Тест чернильных пятен Роршаха и Тест тематической апперцепции (ТАТ). В данной главе мы сосредоточимся на этих двух тестах, потому что они служат инструментом оценки личности, тесно связанным с психодинамической теорией. В проективных тестах используются неопределенные стимулы, чтобы вызвать как можно более субъективную реакцию, которую затем мог бы интерпретировать клиницист. В этой главе мы также остановимся на попытках Фрейда понять и объяснить симптомы, которые демонстрировали его пациенты, и на его усилиях, направленных на разработку систематического метода лечения. Обсудив, как развивалась психоаналитическая теория после Фрейда, мы перейдем к критической оценке и выводам.

Вопросы, на которые отвечает данная глава

1. Какие личностные тесты, с точки зрения психоаналитика, лучше всего позволяют оценить личность отдельного индивида?
2. Каким образом исходя из психоаналитического подхода можно понять различные формы психопатологии?
3. Каким образом психоаналитическая терапия пытается способствовать личностному росту и лучшему психологическому функционированию?
4. Почему первые последователи Фрейда отrekliсь от традиционного психоанализа в пользу альтернативных теорий?
5. Какую оценку заслуживает психоанализ в качестве теории личности?

КЛИНИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Психоанализ — это клиническая теория личности, направленная на интенсивное изучение отдельного человека. Главный упор в теории делается на бессознательные процессы и на взаимодействие мотивов. Постоянный лейтмотив этой книги — мысль о том, что теория личности не существует автономно, она

тесно связана со способами изучения людей и эти способы отражает. Кроме того, в той степени, в какой теория связана с определенным подходом к пси-хотерпии или к личностному изменению, теория и терапия тоже будут выражать некоторые общие базовые установки. Давайте же посмотрим, как базовые психоаналитические идеи и понятия отражаются на подходе к диагностике людей, а также на интерпретации и лечении психопатологии.

Психодиагностика: проективные тесты

Хотя психоаналитическая теория может использовать самые различные личностные тесты, **проективные тесты** связаны с теорией теснее всего. Проективные тесты содержат относительно неопределенные стимулы, на которые испытуемый волен реагировать, как хочет, и при этом он практически не может догадаться, как экспериментатор проинтерпретирует его ответы. Термин «*проекция*» был впервые использован по отношению к методам психодиагностики Генри Мюрреем (Henry A. Murray) в 1938 г., но важность проективных тестов была наиболее четко показана Л.К. Франком (L.K. Frank) в 1939 г. Франк возражал против использования стандартизованных тестов, которые, как он считал, классифицируют людей, но мало говорят об их индивидуальности. Он ратовал за применение тестов, которые давали бы возможность заглянуть во внутренний мир человека, мир значений и чувств. Такие тесты позволяли бы индивиду привнести в стимульный материал структуру и организацию, которых изначально в нем не было, и выражали бы тем самым динамическую концепцию личности.

В этом разделе мы рассмотрим два проективных теста: Тест чернильных пятен Роршаха и Тест тематической апперцепции (ТАТ*). Оба они неструктурированы, т.е. позволяют испытуемому реагировать в собственной уникальной манере. Это тесты с хорошо замаскированными целями, которые испытуемые, как правило, не осознают; они не догадываются ни о целях, ни о том, какую именно интерпретацию получают их индивидуальные ответы. Теория психоанализа связана с проективными тестами по следующим позициям:

1. Теория психоанализа подчеркивает индивидуальные различия и сложную организацию функционирования личности. Личность рассматривается как процесс, посредством которого индивид организует и структурирует внешние стимулы в окружающей среде. Проективные тесты позволяют испытуемым отвечать совершенно свободно и по содержанию, и по форме.
2. Психоаналитическая теория подчеркивает важную роль бессознательного и защитных механизмов; в проективных тестах инструкции и сами стимулы содержат очень мало указаний, каким образом надо отвечать; и цели теста, и интерпретации ответов скрыты от испытуемого.

* В данном переводе сохраняется привычная англоязычная аббревиатура — ТАТ, поскольку она соответствует начальным буквам русских слов, входящих в название «Тест тематической апперцепции», хотя и расположенных в ином порядке. (*Примеч. пер.*)

3. Психоаналитическая теория подчеркивает холистское понимание личности, обращая внимание на взаимодействие между частями, в отличие от интерпретации поведения как выражения отдельных частей или характеристик личности. Проективные тесты в целом тоже приводят к холистской интерпретации, основанной на паттернах ответов и на взаимосвязи между ними, а не на интерпретации каждого отдельного ответа, выражающего конкретную отдельную характеристику.

Обсудив некоторые общие взаимосвязи психоаналитической теории и проективных тестов, рассмотрим теперь два этих теста более подробно.

Тест чернильных пятен Роршаха

Тест чернильных пятен Роршаха был разработан Германом Роршахом (Hermann Rorschach), швейцарским психиатром. Хотя чернильные пятна использовались и до него, Роршах первым по достоинству оценил потенциальные возможности реакций человека на эти пятна для изучения его личности. Роршах капал чернила на бумагу и складывал ее пополам так, чтобы получались симметричные, но совершенно неопределенные фигуры. Эти пятна показывали находящимся на лечении в больнице пациентам. Путем проб и ошибок подбирались пятна, конфигурация которых по-разному трактовалась группами пациентов с разными психиатрическими диагнозами, в то время как пятна, конфигурация которых воспринималась одинаково, отбрасывались. Роршах экспериментировал с тысячами пятен и в конце концов остановился на 10.

Роршах был хорошо знаком с работами Фрейда, понятием бессознательного и динамической теорией личности. Его тест, безусловно, был создан под влиянием этих представлений. Роршах считал, что данные теста чернильных пятен улучшат понимание бессознательного и будут полезны для психоаналитической теории. Он сам активно использовал теорию психоанализа в интерпретациях ответов пациентов.

Тест Роршаха состоит из 10 карточек, содержащих чернильные пятна. Показывая карточки, экспериментатор пытается помочь испытуемым расслабиться и чувствовать себя комфортно, давая им в то же время необходимую информацию для успешного выполнения задания. Так, тест представляется как «просто один из многих способов, используемых в наши дни для лучшего понимания людей», и экспериментатор старается не давать лишней информации: «Лучше не знать заранее о процедуре, пока вы не пройдете через нее». Испытуемых просят посмотреть на каждую карточку и рассказать о том, что они видят, обо всем, что, по их мнению, может быть на карточке. Пациенты вольны выбирать, что они видят, где они это видят и почему они видят именно это. Все ответы записываются в тестовых протоколах.

Приступая к интерпретации теста Роршаха, специалист особенно интересуется тем, как формировался ответ, или образ, каковы причины данного ответа и его содержание. Основная гипотеза заключается в том, что способ, которым индивид формирует свое восприятие теста, связан с тем общим способом, которым он организует и структурирует стимулы в окружающем его мире. Об-

Тест чернильных пятен Роршаха. Психолог, интерпретирующий ответы, предполагает, что личность испытуемого проецируется на неструктурированные стимулы, в частности на чернильные пятна. Рисунок Росса (Ross).

© 1974, *The New Yorker Magazine, Inc.*

разы, которые адекватно соответствуют структуре чернильного пятна, означают хороший уровень психологического функционирования, хорошую согласованность с реальностью. Вместе с тем информационно бедные ответы, которые не соответствуют структуре пятна, свидетельствуют о нереалистических фантазиях или неадекватном поведении. Содержание ответов испытуемых (видят ли они в основном одушевленные или неодушевленные предметы, людей или животных, несут ли в себе ответы любовь или ненависть) в значительной степени определяет интерпретацию личности испытуемого. Сравните, например, интерпретации, которые можно было бы сделать по двум наборам ответов, в одном из которых постоянно присутствуют животные, дерущиеся друг с другом, а в другом — человеческие существа, которые делятся друг с другом и сотрудничают в совместной деятельности.

Кроме того, содержание может быть истолковано и в символическом плане. Взрыв может символизировать вспышку ненависти, свинья — тенденцию к обжорству, лиса — тенденцию к хитрости и агрессии, пауки, ведьмы, осьминоги — негативный образ доминантной матери, гориллы и гиганты — негативное отношение к доминантному отцу, а страус — попытку спрятаться от конфликтов (Schafer, 1954). На рис. 4.1 приведены примеры двух стимулов и реакции на них.

Важно понимать, что тест Роршаха интерпретируется не на основе одного отдельно взятого ответа, а на основе всей совокупности ответов, вместе взятых. Тем не менее каждый ответ используется, чтобы выдвинуть какие-то гипотезы или возможные интерпретации, касающиеся характеристик данной личности. Такие гипотезы сопоставляются с интерпретациями других ответов, с общим паттерном ответов по всему тесту, с наблюдениями за поведением пациента во время выполнения теста. Что касается поведения, экспериментатор старается отмечать все необычные черточки и использует свои наблюдения как источник данных для последующей интерпретации. Так, например, испытуемого, кото-

Реакция: «Два медведя касаются друг друга лапами, играя в ладушки, или, может быть, они дерутся, и красное пятно — это кровь, пролитая в драке».

Иллюстрация № 1

Реакция: «Два каннибала. Надо увидеть что-то в них? Африканские туземцы, наклонившиеся над ящиком. Возможно, варят что-то — надеюсь, что они не людоеды. Мне не следовало бы острить — всегда любил юмор. (Мужчины они или женщины?) Может быть, мужчины, а может быть, женщины. Скорее женщины, потому что груди есть. Но при первом впечатлении у меня не **было** мысли о том, что они вообще какого-то пола».

Иллюстрация № 2

Рис. 4.1. Примеры взяты из Теста чернильных пятен Роршаха. Образцы пятен воспроизводятся здесь по набору карт Роршаха. Реальные карточки с пятнами имеют цвет.

рый все время просит о том, чтобы его направляли, можно интерпретировать как зависимого. Испытуемого, который кажется напряженным, задает вопросы в осторожной форме и разглядывает оборотные стороны карт, можно интерпретировать как подозрительного, а возможно, и параноидального.

Тест тематической апперцепции (ТАТ)

Вероятно, самое большое распространение получил тест, разработанный Генри Мюрреем и Кристиной Морган (Christina Morgan), — тест, который получил название «Тест тематической апперцепции» (ТАТ). Тест состоит из фотографий, на которых изображены какие-то сцены. Большинство карточек показывают одного или двух человек в какой-то важной жизненной ситуации, хотя есть несколько карточек с более абстрактными изображениями. Испытуемого просят сочинить рассказ по каждой сцене, которую он видит на карточке, включая описание того, что происходит в данный момент, мысли и чувства участников сцены, то, что привело к данной сцене, и возможные последствия. Так

Иллюстрация 1. «Это изображение женщины, которая всю жизнь была очень подозрительной, молчаливо таящейся в себе. Она смотрит в зеркало и видит позади себя отражение той, какой она станет в старости — все такой же подозрительной и затаенной. Она не может вынести мысли, что это то, к чему жизнь постепенно приведет ее, и она разбивает зеркало, и выбегает из дома с криком, и сходит с ума, и живет в лечебнице всю оставшуюся жизнь».

Иллюстрация 2. «Эта женщина всегда подчеркивала красоту в своей жизни. Когда она была маленькой девочкой, ее превозносили за красоту, а молодой женщиной она была способна привлечь своей красотой множество мужчин. Хотя она часто испытывала чувство тревоги и неуверенности в себе, ее внешняя красота помогала скрывать эти чувства от мира и иногда от самой себя. Теперь, когда прошли годы и ее дети покинули дом, она беспокоится о будущем. Она смотрит в зеркало и воображает себя в виде старой карги — худшее из того, кем она может стать, задумывается о том, что будущее готовит ей. Это трудное и тягостное время для нее».

Рис. 4.2. Пример карты из Теста тематической апперцепции и реакций на нее.

как сцены часто неопределенны и допускают множество толкований, то при сочинении историй они дают достаточно простора для выражения индивидуальности. Тест базируется на хорошо известном факте: когда человек интерпретирует неопределенную социальную ситуацию, он склонен в одинаковой мере раскрывать и явление, о котором размышляет, и свою собственную личность (Murray, 1938, p. 530).

Некоторые карточки ТАТ предъявляются и мужчинам, и женщинам, другие — представителям только одного пола. Примеры ответов на карточку ТАТ, данных двумя разными людьми, представлены на рис. 4.2. Эта карточка, предъявляемая только женщинам, описана Мюрреем как «Портрет молодой женщины. На заднем плане — странная старая женщина в платке, с лицом, искаженным эмоциональной гримасой». В ответах на вопрос о том, что изображено на этой карточке, общей темой оказываются истории о разочаровании в ком-то из родителей, о давлении со стороны родителей и о печальных мыслях о прошлом. Кроме того, некоторым женщинам кажется, что на карточке изображена молодая женщина в момент, когда ее посещает видение: либо это видение дурных сторон ее Я, либо видение ее собственного облика в старости (Holt, 1978).

Истоки теста явно связаны с психодинамическими представлениями. По Мюррею (Murray, 1938), ТАТ обычно используется, чтобы вскрыть бессознательные и подавленные тенденции. Предполагается, что испытуемые не осознают, что на самом деле ведут речь о себе, и поэтому их защитные механизмы могут быть обойдены. «Если бы эта процедура выявляла только осознаваемые

фантазии и воспоминания, то и тогда она была бы достаточно полезной, но она делает больше. Она дает в руки экспериментатора блестящие подсказки к разгадке бессознательных тематических конструкций!» (р. 534).

Ответы испытуемых по ТАТ можно обработать и систематически оценить в соответствии со схемой, разработанной Мюрреем, либо их можно интерпретировать в более «импрессионистском» плане. Этот тест применяется как в клинической практике, так и в экспериментальных исследованиях мотивации. ТАТ предполагает тесную связь между высказанными фантазиями (истории по картинкам ТАТ) и скрытой мотивацией, а также между фантазиями и поведением. Попытки проверить эти предположения привели к двоякому результату. Фантазия может сопровождать проявление мотива в реальном поведении, а может и замещать его. Так, например, человек с сильным мотивом агрессии выражает свою враждебность и в фантазиях (ТАТ), и в поведении; но человек может воплотить свой мотив в фантазиях и не дать ему выплеснуться в наблюдаемом поведении.

Пример применения проективных тестов в научном исследовании и оценка их возможностей

Проективные тесты используются в самых разнообразных исследованиях, как связанных с психоанализом, так и далеких от него. В качестве примера, демонстрирующего применение проективных тестов и психодинамический подход, может служить исследование комедиантов, клоунов и актеров (Fisher & Fisher, 1981). Цель этого исследования — понять происхождение, мотивацию и личностные особенности тех, кто заставляет людей смеяться, в сравнении с обычными актерами, которые просто развлекают людей, играя роли в театральных представлениях. Профессиональных клоунов, комедиантов и обычных актеров интервьюировали и тестировали по Роршаху и ТАТу. Что может добавить подобное исследование к пониманию комедиантов и клоунов? Во-первых, обнаружилось, что они были смешными и забавными еще в детстве, особенно в школьные годы, несмотря на то что родители не очень-то поддерживали их достижения на комическом поприще. Во-вторых, как оказалось, не один, а сразу несколько мотивов сыграли свою роль в их решении стать комедиантами. Судя по данным исследования, в числе мотивов были следующие:

1. **Власть.** Возможность управлять аудиторией и заставлять людей смеяться.
2. **Озабоченность борьбой добра и зла и представление о себе как о носителе добра.** «Мы предположили бы, что для комедиантов главный мотив стремления рассмешить состоит в том, чтобы доказать, что сами они не являются дурными или противными людьми. Их навязчиво преследует желание отстаивать свою добродетельность» (р. 69).
3. **Маскировка и отрицание.** Юмор используется, чтобы убежать от трудностей, как экран, за которым можно спрятаться, когда возникает чувство стыда или неполноценности.
4. **Анархия.** Комедианты преуменьшают значение общепринятых норм, все подвергают осмеянию, для них нет ничего святого.

Давайте рассмотрим, как с помощью данных теста Роршаха можно проиллюстрировать наличие двух мотивов из четырех. Первый мотив касается озабоченности противопоставлением «плохой—хороший» или «добродетель—зло». Было подсчитано, насколько часто подобные темы упоминались в ответах испытуемых. Выбирались ответы, которые прямо относились к дихотомии плохой—хороший (например, плохой человек, благородный облик), ответы, которые были связаны с религиозной тематикой (например, церковь, ангел, дьявол, небеса, чистилище), и ответы, в которых упоминались персоны, часто связанные с проблемами добра и зла (например, полицейский офицер, преступник, судья, грешник). Оказалось, что в ответах 35 комедиантов и клоунов темы, связанные с проблемой добра и зла, встречаются гораздо чаще, чем в ответах 35 актеров-некомедиантов. Второй мотив касается маскировки и отрицания. Оказывается, во многих ответах по тесту Роршаха встречается отрицание того, что вещи, которые кажутся плохими или угрожающими, таковыми на самом деле и являются. Для примера приведем следующие ответы: «Лица. Выглядят злыми... Зло не слишком злое. Притворяется». «Мефистофель... очаровательный характер». «Тиф. Милый тигр». «Монстр... Он симпатичный». «Человек-волк... Его не понимают... Люди боятся. Если подойти к нему и заговорить, он очень порядочный, славный». «Два дьявола. Забавные дьяволы. Не надо принимать всерьез». При анализе ответов комиков по тесту Роршаха обнаружилось, что в них встречалось гораздо больше таких «не плохих» образов, чем в ответах актеров. Кроме того, у комиков в описаниях чернильных пятен значительно чаще, чем у актеров, попадалась и тема маскировки (слова «тайное укрытие», «маска», «маскировка», «магия», «фокусы»).

И наконец, последнее, что надо отметить в данном исследовании, это повышенное внимание клоунов и комедиантов к определенным частям своего тела или к своей персоне в целом. Вспомним, например, шутки Джимми Дуранта (Jimmy Durante) по поводу его носа. Или обратимся к фильмам с участием комического актера Марти Фелдмана (Marty Feldman), фирменным знаком которого были его выпученные глаза. Вот что он сам говорит о своей внешности: «Это трагедия всей моей жизни. Если бы я хотел стать Робертом Редфордом (Robert Redford), я прооперировал бы глаза, выпрямил бы нос и закончил бы как любой паршивый актер второстепенной ролью в сериале "Коджак"*, а так, оставаясь самим собой, я постоянно щекочу нервы, я новинка, я сенсация» (*The New York Times*, December 4, 1982). Короче говоря, комедия рассматривается комедиантами как способ преодолеть чувство собственной неполноценности.

Анализ данного исследования позволяет нам глубже понять достоинства и недостатки подобных исследований и самих проективных тестов. Как и другие проективные тесты, тест Роршаха — замечательный инструмент, если нужно уловить мимолетный проблеск фантазии или сложность внутренней организации отдельного индивида. Однако возникают огромные трудности в проверке теоретических гипотез или в установлении надежности и валидного™ самого теста. Те, кто работает с проективными техниками, постоянно подчеркивают,

* «*Kojak*» — популярный в 70-е годы в Америке телесериал, главный герой которого — лысый детектив по имени Коджак. (Примеч. пер.)

что только эти тесты могут охватить все богатство личности. Неопределенные стимулы вызывают индивидуальные, идиосинкразические реакции. Тест Роршаха иногда сравнивают с психологическим микроскопом или рентгеновскими лучами, способными проникать в глубины личности. Данные других тестов на этом фоне кажутся тривиальными и отрывочными. В то же время подобное стремление дать многомерную картину целостной личности создает проблемы для проведения строгих эмпирических исследований. Так, очень трудно определить степень надежности и валидности теста Роршаха, да и других проективных тестов.

Здесь мы снова сталкиваемся с противоречием между богатством психодинамических, клинических данных и строгими научными требованиями к систематическому исследованию. Это противоречие будет оставаться с нами и тогда, когда мы перейдем к психоаналитической трактовке психопатологии и личностного изменения.

Психопатология

Зачастую очень трудно оценить психоаналитическую теорию по достоинству, если не вникнуть прежде в сущность странных и загадочных форм поведения, которые постоянно оказывались в центре внимания Фрейда. Большую часть своей профессиональной жизни Фрейд потратил на работу с невротическими расстройствами. Фактически самые принципиальные моменты его теории были выведены из наблюдений за пациентами-невротиками. В ходе своих исследований Фрейд решил, что психологические процессы, характерные для пациентов с невротическими отклонениями, вовсе не их исключительная особенность, в той или иной степени или в той или иной форме они могут быть обнаружены у всех людей. Таким образом, его теория, хотя первоначально и создавалась на основе наблюдений за пациентами, стала общей теорией личности, а не только теорией патологического поведения.

Типы личности

Как уже отмечалось, Фрейд считал, что первые пять лет жизни человека играют решающую роль в развитии его личности. В течение этих лет может случиться немало неудач и сбоев в развитии инстинктов. Подобные сбои в развитии называются **фиксациями**. Если на какой-то стадии развития инстинкты индивида не получают должного удовлетворения, то он боится переходить на следующую стадию, а если они получают чрезмерное удовлетворение, то у индивида не возникает желания двигаться дальше, — в обоих этих случаях возникает фиксация. Если фиксация произошла, индивид будет пытаться получать на более поздних стадиях развития то же самое удовлетворение, которое было присуще ранней стадии развития. Например, индивид, частично фиксированный на оральной стадии, может продолжать искать орального удовлетворения в еде, курении или выпивке. Феномен развития, называемый **регрессией**, связан с феноменом фиксации. В случае регрессии индивид стремится вернуться к более раннему способу удовлетворения, к более раннему моменту фиксации. Регрессия часто проявляется в стрессовых ситуациях, так что многие передают,

слишком много курят или слишком много пьют только в состоянии тревоги или фрустрации.

Оральная личность. Представления о стадиях развития, фиксации и регрессии чрезвычайно важны для психоаналитической теории развития. Один из самых интригующих моментов теории — каким образом развиваются личностные особенности в начальный период жизни и как сохраняются впоследствии. Для каждой ранней стадии развития есть свой соответствующий ей тип характера, который развивается из-за частичной фиксации на данной стадии (табл. 4.1). Например, особенности оральной личности связаны с процессами, происходившими на оральной стадии, которые индивид сохранил в последующей жизни. Оральные личности являются нарциссическими личностями, поскольку они интересуются только собой и у них нет отчетливого понимания того, что другие существуют отдельно от них. Другие имеют значение только постольку, поскольку они могут что-то дать (накормить). Оральные личности всегда что-то просят, это может быть как скромная, умоляющая просьба, так и агрессивное требование.

Таблица 4.1. Личностные характеристики, присущие психоаналитическим типам личности

Тип личности	ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
Оральный	Требовательный, нетерпеливый, завистливый, алчный, ревнивый, мстительный, подавленный, опустошенный, недоверчивый, пессимистичный
Анальный	Ригидный, стремящийся к власти и контролю, озабоченный тем, как должно себя вести, а также удовольствием и принадлежащей ему собственностью, обеспокоенный возможной потерей контроля, обеспокоенный постоянным выбором — подчиняться или бунтовать
Фаллический	<i>Мужчины:</i> демонстративны, конкурентны, стремятся к успеху, делают упор на мужественность (маскулинность), мачизм* и мужскую потенцию <i>Женщины:</i> наивны, соблазнительны, демонстративны, любят флиртовать

Анальная личность. Название анальная личность происходит от анальной стадии развития. В отличие от орального наслаждения, связанного с областью рта и оральной активностью, которое может проявляться у взрослого человека в относительно открытых, не вытесняемых формах, удовлетворение, имеющее отношение к анальным позывам, должно претерпевать в ходе взросления значительные трансформации. Вообще говоря, черты анального характера определяются теми процессами, происходившими на анальной стадии развития,

* От *macho* (ней.) — самец. (Примеч. пер.)

которые не полностью ушли в прошлое. Важнейшие из них — процессы, происходящие в теле (накопление фекалий и освобождение от них), и межличностные отношения (борьба характеров в период приучения к туалету). Связав эти два процесса воедино, анальная личность воспринимает испражнение как символ огромной власти. В том, что такое видение действительно существует, можно убедиться на примере множества повседневных выражений — таких, как обозначение унитаза в качестве «трона».

Изменение от орального характера к анальному выражается в переходе от «дай мне» к «делай то, что я тебе скажу» или от «я должен тебе» к «я должен тебе подчиняться».

Анальный характер известен как триада черт, именуемых *анальной триадой*: упорядоченность и чистоплотность; бережливость и скупость; упрямство. Значимость чистоплотности выражается в поговорках, приравнивающих чистоплотность к моральной чистоте и благочестию. Личность с анальной навязчивостью испытывает потребность соблюдать чистоту и порядок, что является защитным механизмом — формированием противоположной реакции, имеющим целью не допустить в сознание интерес к беспорядку и грязи. Вторая черта этой триады — бережливость—скупость — связана с навязчивым стремлением удерживать какие-то вещи при себе, восходящим к желанию сохранить внутри себя такие важные, обладающие мощной властью фекалии. Третья черта в триаде — упрямство — связана с инфантильным протестом анального характера, направленным против того, чтобы расставаться с содержимым своего кишечника, особенно по приказу других. Начиная свою историю с приучения к туалету и столкновения со взрослыми на этой почве, анальные личности часто стремятся обрести контроль над вещами и власть над людьми.

Фаллический характер. Так же как оральный и анальный типы характеров являются выражением частичных фиксаций на двух ранних стадиях развития, так и **фаллический характер** представляет собой результат частичной фиксации на стадии Эдипова комплекса. Фиксация на этой стадии имеет разные последствия для мужчин и для женщин, и особое внимание уделялось результатам частичной фиксации у мужчин. В то время как успех для оральной личности означает «Я получаю», а успех для анальной личности — «Я контролирую», успех для мужчины фаллического типа означает «Я — мужчина». Мужчина фаллического типа должен отрицать все возможные предположения о его кастрации. Для него успех заключается в том, что он «большой» в глазах других.

Он постоянно должен отстаивать свою мужественность и свою потенцию, Теодор Рузвельт выразил это в своем афоризме: «Говори мягко, но держи при себе большую палку». Чрезмерные, эксгибиционистские проявления этой установки в поведении выражают лежащую в ее основе тревогу по поводу кастрации.

Женский аналог мужского фаллического характера известен под названием *истероидная личность*. Чтобы защититься от Эдиповых желаний, маленькая девочка чрезмерно усиливает идентификацию с матерью и фемининностью (женским началом). Она использует свое очарование и кокетство, чтобы вызвать интерес у своего отца, но отрицает стоящие за этим сексуальные намерения. Впоследствии эта модель поведения переносится на взрослую жизнь, где женщина

может завлекать мужчин своим кокетством, при этом отрицая сексуальные намерения и выглядя в целом несколько наивно. Истероидные женщины идеализируют жизнь, своих партнеров и романтизируют любовь; поэтому неприглядные моменты жизни часто застают их врасплох.

Конфликт и защита

По Фрейду, вся психопатология связана с желанием удовлетворить инстинкты, которые зафиксировались на более ранних стадиях развития. Таким образом, в патологических случаях индивид все еще стремится получить сексуальное или агрессивное удовлетворение в детских формах. Тем не менее из-за возможной связи патологии с прошлой травмой выражение этого желания может означать угрозу Я и вести к переживанию тревоги. В результате создается конфликтная ситуация, в которой одни и те же действия ассоциируются и с удовольствием, и с болью. Например, человек может стремиться к зависимости от других, но боится, что, если это удастся, он или она окажутся подвержены риску фрустрации и утраты (т.е. боли). Еще один пример этого — желание позволить себе сексуальное удовольствие, которое (желание) блокируется переживаниями чувства вины и страха перед наказанием или оскорблением. Третий пример этого — конфликт между желанием отомстить тем, кто наделен властью (аналог родительских фигур), и страхом, что эти фигуры в свою очередь отомстят им насилием и разрушением. В любом случае мы имеем дело с конфликтом между желанием и тревогой. Результат в подобной ситуации, как правило, таков: индивид не может сказать «нет», не может проявлять настойчивость и так или иначе чувствует себя несчастным и несвободным (табл. 4.2).

Как отмечалось выше, важнейшим элементом конфликта является тревога. Чтобы снизить болезненное чувство тревоги, приводятся в действие защитные механизмы, которые обсуждались в главе 3. Так, например, человек может отрицать свои агрессивные чувства или проецировать их на других. Короче говоря, в случае патологии мы имеем конфликт между влечением или желанием (инстинктом) и ощущением опасности (тревогой), которая грозит субъекту в случае, если желание будет выражено (реализовано). Чтобы защититься от этого и предотвратить появление тревоги, используются защитные механизмы. На языке структуры личности, невроз есть результат конфликта между Оно и Я. На языке личностных процессов, стремление инстинкта реализовать себя запускает процесс возникновения тревоги, а это в свою очередь приводит к вступлению в действие защитных механизмов.

Во многих случаях конфликт между Оно и Я, между инстинктом и защитой приводит к развитию **симптома**. Симптомы — такие, как тики, психологические параличи или навязчивые действия, представляют собой искаженное выражение подавленного побуждения. Значение симптома, природа опасного инстинкта и сущность защиты — все остается неосознанным. Например, мать может быть поглощена навязчивым страхом за ребенка. За этим страхом может скрываться гнев на собственного ребенка и тревога за тот вред, который этот гнев может ему причинить. Симптом навязчивости выражает как переживания матери, связанные с тем, что она могла бы причинить вред (вплоть до телесных повреждений) своему ребенку, так и ее защиту от этих переживаний в виде

Таблица 4.2. Психоаналитическая теория психопатологии

ПРИМЕРЫ КОНФЛИКТОВ	ДЕЙСТВИЕ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ	
ЖЕЛАНИЕ	ТРЕВОГА	ЗАЩИТА
Мне хотелось бы иметь сексуальные отношения с рошом, стыдно, за это наказывают этим человеком.	Так чувствовать — это нехорошо, стыдно, за это наказывают.	Отрицание всякого сексуального поведения, навязчивое внимание к сексуальному поведению других людей.
Мне хотелось бы изничтожить всех, кто заставляет меня чувствовать свою неполноценность.	Если я буду проявлять свою враждебность, они мне отомстят и реально причинят мне боль.	Отрицание желания или страха: «Я никогда не испытываю злости», «Я никогда не боюсь никого и ничего».
Мне хотелось бы иметь более тесные отношения с людьми, чтобы они кормили меня и заботились обо мне.	Если я это сделаю, они подавят меня своей опекой или в какой-то момент меня бросят,	Чрезмерная независимость и избегание близких отношений с людьми либо флуктуации поведения: то приближение, то отталкивание. Навязчивая потребность заботиться о других.

навязчивой озабоченности благополучием ребенка. Возьмем другой пример — навязчивый ритуал мытья рук, когда человек чувствует непреодолимое побуждение постоянно мыть руки. Этот симптом может выражать одновременно и желание быть грязным или делать «грязные» вещи, и защиту от этого желания в виде навязчивой чистоплотности. В обоих приведенных случаях человек не осознает ни желания, ни защиты и обеспокоен только симптомом. Многие люди не страдают от именно таких проблем или симптомов, но аналитики, тем не менее, считают, что все психологические проблемы могут быть истолкованы по описанной схеме.

Итак, согласно психоаналитической теории психопатологии, в развитии личности встречаются задержки, связанные с конфликтами между желаниями и тревогой, или страхом. Желания и страхи, которые были характерны для определенного временного периода в детстве, переносятся в отрочество и зрелость. С помощью защитных механизмов человек пытается справиться с тревогой, которая является болезненной составляющей конфликта. Однако, если конфликт становится слишком сильным, использование защитных механизмов может привести к развитию невротических симптомов или к характерному для психозов уходу от реальности. Симптомы выражают бессознательный конфликт между желанием (или влечением) и тревогой. В каждом случае патологического поведения наличествует бессознательный конфликт между желанием и страхом, который восходит к более раннему периоду в детстве. Итак, у нас, взрослых, частично сохраняются детские модели поведения, которые во время стресса и при некоторых других обстоятельствах могут стать более активными и причинять беспокойство.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОДАВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ И ЗДОРОВЬЕ

Более пятидесяти лет назад психоаналитики предположили, что существует связь между личностной динамикой и здоровьем, в частности связь определенных конфликтов с конкретными соматическими нарушениями. С развитием психосоматической медицины любое нарушение стало рассматриваться как результат особого эмоционального состояния. Например, язва желудка, получившая прозвище «Уолл-Стритовский живот», считалась результатом бессознательного страстного желания любви и зависимости, от которого человек защищался с помощью активного, продуктивного и агрессивного образа жизни. Гипертония, как предполагалось, присуща тем индивидам, которые проявляют мягкость и благородство в поведении, но кипят от гнева и раздражения внутри.

Увлечение этим направлением прошло, потому что отношения меж-

ду психологическими факторами и соматическими болезнями оказались гораздо более сложными, чем предполагалось сначала. В настоящее время, хотя и в иных формах, возвращается интерес к некоторым старым психоаналитическим представлениям. В частности, есть доказательства того, что длительное подавление эмоций может весьма пагубно сказаться на здоровье человека. Например, оно может сыграть негативную роль в развитии рака, язвы и сердечных заболеваний. И напротив, открытое выражение или отсутствие сдерживания эмоций может быть активным, адаптивным способом справляться с трудностями, который снижает риск заболеваний и служит хорошим предзнаменованием для выздоровления в случае развития какой-либо болезни.

Источники: Jensen, 1987; Levy, 1984; Pennebaker, 1985, 1990; Temoshok, 1985, 1991.

Изменение поведения

Как происходит изменение поведения? Если у человека сложился паттерн поведения, определенный образ мышления и реагирования на разные ситуации, то за счет чего личность может измениться? Согласно психоаналитической теории личностного роста, существует нормальный путь развития личности, который имеет место благодаря оптимальному уровню фрустрации. Когда фрустраций становится слишком много или слишком мало, личность перестает развиваться нормально и фиксируется на данной стадии развития. Когда это происходит, индивид начинает повторять усвоенные паттерны поведения неза-

висимо от изменений в ситуации. Если возник подобный невротический сбой, то как можно прорвать этот замкнутый круг и продвинуться вперед?

Проникновение в бессознательное: свободные ассоциации и толкование сновидений

В своих ранних попытках изменить поведение Фрейд использовал метод, получивший название *катартический гипноз*. Тогда бытовало представление, что невротические симптомы ослабляются в результате высвобождения блокированных эмоций. Фрейд не очень любил пользоваться этим методом, так как, во-первых, не все пациенты поддавались гипнозу, во-вторых, эффект во многих случаях быстро исчезал, к тому же он считал, что это мало что дает ему в понимании того, как функционирует психика. Следующим продвижением в технике было применение внушения, когда пациент бодрствует. В этом случае Фрейд клал руку на голову пациента и уверял его в том, что пациент может вспомнить подавленные в прошлом эмоциональные воспоминания и встретиться с ними лицом к лицу. Затем, все больше увлекаясь истолкованием сновидений, Фрейд сосредоточился на *методе свободных ассоциаций* как на основном для психоанализа. Метод свободных ассоциаций заключается в том, что пациента просят сообщать аналитику любую мысль, которая рождается в его голове, без всякого промедления, без всякого удержания, без всяких препятствий тому, что приходит в сознание.

Сны — это «королевская дорога» к бессознательному. Благодаря методу свободных ассоциаций аналитик и пациент способны проникнуть сквозь внешнее (явное) содержание сна и подобраться к скрытому содержанию, к скрытому значению, которое выражает неосознанные желания. Сны, подобно симптомам, представляют собой маскировку и частичное исполнение желаний. В сновидениях человек может удовлетворять свои агрессивные и сексуальные побуждения в замаскированном и потому безопасном виде.

Например, вместо того чтобы самому кого-то убивать во сне, можно увидеть сон о сражении, в котором нужный человек будет убит. Правда, в этом случае желание все же более или менее явно просматривается, но в других случаях оно может быть замаскировано гораздо лучше. Свободные же ассоциации позволяют снимать маскировку.

Сначала Фрейд думал, что достаточно сделать бессознательное осознанным, чтобы добиться изменения и излечения. Это было связано с его ранними представлениями о вытесненных воспоминаниях как основной причине патологии. Затем Фрейд стал понимать, что в процесс включено нечто большее, чем восстановление вытесненных воспоминаний. Скорее требовалось эмоциональное проникновение в глубь желаний и конфликтов, которые по-прежнему оставались скрытыми.

Процесс терапевтического изменения в психоанализе означает вступление в схватку с эмоциями и желаниями, которые до того не осознавались, и сражение с этими болезненными переживаниями в относительно безопасной для пациента обстановке. Если психопатология включает фиксацию на ранней стадии развития, то с помощью психоанализа индивид освобождается от этой фиксации, чтобы возобновить нормальный путь психологического развития. Если психопатология включает создание препятствий на пути инстинктов и расхо-

дование энергии на психологическую защиту, то психоанализ осуществляет перераспределение энергии таким образом, чтобы больше энергии уходило на более продуктивную, более гибкую деятельность, свободную от чувства вины и приносящую больше удовлетворения. Если психопатология включает конфликт и защитные механизмы, то психоанализ способствует ослаблению конфликта и освобождению пациента от ограничений, связанных с защитными процессами. Если психопатология включает господство бессознательного над индивидом и тиранию со стороны Оно, то психоанализ способствует осознанию того, что было не осознано, и помогает Я взять под контроль то, что ранее находилось во власти Оно или Сверх-Я.

Терапевтический процесс: перенос

Таким образом, психоанализ рассматривается как процесс научения, в результате которого индивид возобновляет и доводит до конца процесс развития, который был прерван неврозом. Основной принцип, который реализуется в данном процессе, заключается в том, чтобы вновь вернуть пациента, но только при более благоприятных обстоятельствах, в те эмоциональные ситуации, с которыми невозможно было справиться в прошлом. На подобный возврат к прошлому сильное влияние оказывают отношения переноса, или трансфера, и развитие трансферного невроза. Термин **перенос** (transference) относится к развитию у пациента определенного отношения к своему аналитику: оно формируется на основе ранее сложившегося отношения к родительским фигурам. Если понимать перенос как искажение реальности, основанное на прошлом опыте, то он постоянно присутствует и в повседневной жизни, и во всех видах психотерапии. Например, имеются экспериментальные подтверждения того, что у людей есть ассоциирующиеся с эмоциями психические образы, сформировавшиеся в результате межличностных отношений в раннем возрасте. Эти эмоционально окрашенные психические образы влияют на то, каким образом мы будем воспринимать других людей и реагировать на них. Часто это влияние осуществляется автоматически, бессознательно (Andersen & Baum, 1994; Andersen, Glassman, Chen & Cole, 1995).

Выражая перенесенное эмоциональное отношение к своему аналитику (т.е. осуществляя трансфер), пациент воспроизводит в терапии свои взаимоотношения с людьми, сложившиеся в течение жизни, а также свои прошлые взаимоотношения со значимыми фигурами. Например, если пациенты считают, что тот факт, что аналитик записывает их слова, может привести к их эксплуатации со стороны аналитика, то тем самым они скорее всего выражают установки, которые сложились у них по отношению к другим людям — к тем, с которыми они повседневно встречаются, и к значимым фигурам из прошлого. В своих свободных ассоциациях индивиды орального типа могут беспокоиться, дают ли они достаточно «пищи», чтобы «насытить» аналитика, и достаточно ли аналитик дает им взамен; индивиды с анальным характером будут беспокоиться о том, кто контролирует ситуацию во время сеансов; индивиды с фаллическим характером могут быть обеспокоены тем, кто выиграет в конкурентной борьбе. Подобные установки, составляющие часть бессознательного существования пациента в повседневной жизни, выходят на свет в процессе психоанализа.

Хотя перенос — всего лишь часть многообразных форм терапии и возникающих в ее процессе взаимоотношений, психоанализ отличается тем, что активно использует его как движущую силу в изменении поведения. Множество формальных характеристик психоаналитической ситуации подобраны так, чтобы стимулировать развитие переноса. То, что пациент лежит на кушетке, помогает развитию отношений зависимости. Режим частых встреч (до пяти-шести раз в неделю) усиливает эмоциональную значимость аналитических взаимоотношений в повседневной жизни пациента. И наконец, тот факт, что пациенты привязываются к своим психоаналитикам, мало что зная о них как о людях, означает, что их реакции почти полностью определяются их невротическими конфликтами. Аналитик служит зеркалом или пустым экраном, на который индивид проецирует свои желания и тревоги.

Провоцирование переноса или создание обстановки, которая позволяла бы его развить, часто приводит к возникновению трансферного невроза. Именно тогда пациент разыгрывает по полной схеме все свои старые конфликты. Пациенты наделяют свои отношения с аналитиком желаниями и тревогами прошлого. Цель уже видится не в том, чтобы выздороветь, а в том, чтобы получить от аналитика то, без чего они вынуждены были обходиться в детстве. Вместо того чтобы искать выход из конкурентных отношений, они могут желать кастрации аналитика; вместо того чтобы стремиться стать более независимыми от других, они могут стремиться к тому, чтобы заставить аналитика удовлетворить их потребность в зависимости. Тот факт, что эти установки развиваются внутри психоаналитического процесса, позволяет и пациентам, и их аналитикам увидеть и понять инстинктивные и защитные компоненты исходных детских конфликтов. Так как пациент вносит в ситуацию нешуточные эмоции, углубление ее понимания также является эмоционально значимым. Изменение происходит, когда наступает инсайт, когда пациент начинает понимать как на интеллектуальном, так и на эмоциональном уровне природу своего конфликта и чувствовать себя достаточно свободным, чтобы удовлетворять свои инстинкты продуктивным, бесконфликтным способом в рамках нового восприятия себя и мира.

В то время как чувство вины и тревога мешали в прошлом развитию личности, аналитическая ситуация позволяет индивиду по-новому среагировать на старые конфликты. Почему реакция на этот раз будет иной? В основном благодаря трем психотерапевтическим факторам. Во-первых, в анализе конфликт не такой интенсивный, как это было в исходной ситуации. Во-вторых, аналитик относится к пациенту не так, как относились его родители. И, наконец, в-третьих, пациенты к моменту анализа стали старше и взрослее, они теперь способны использовать те стороны своего Я, которые достигли достаточного развития, чтобы справиться с теми сторонами своего функционирования, которые остались неразвитыми. Эти три фактора, обеспечивая возможность переучивания, создают базис для того, что Александер и Френч (Alexander, French, 1946) назвали «корректирующим эмоциональным опытом». Психоаналитическая теория полагает, что благодаря проникновению внутрь старых конфликтов, благодаря пониманию своего желания удовлетворять потребность инфантильным способом и в то же время благодаря осознанию своих потенциальных возмож-

ностей удовлетворить ее зрелым способом, а также благодаря пониманию застарелых тревог и осознанию того, что они никак не связаны с текущей реальностью, пациенты могут достичь максимально полного удовлетворения инстинктов, ограниченного только реальностью и собственными моральными убеждениями

АНАЛИЗ КОНКРЕТНОГО СЛУЧАЯ: МАЛЕНЬКИЙ ГАНС

Многие психиатры и психологи тратят массу времени на своих пациентов, однако Фрейд относится к тем очень немногим, которые еще и описывают свои случаи из практики во всех деталях. Большинство описанных Фрейдом случаев приходится на начало его карьеры. Хотя изложение этих случаев очень полезно для понимания многих аспектов психоаналитической теории, необходимо помнить, что все они имели место до создания Фрейдом его теории сексуальных и агрессивных инстинктов, до разработки структурной модели личности и теории тревожности и защитных механизмов.

Описание проблемы пациента

Случай Маленького Ганса, опубликованный в 1909 г., — это анализ фобии пятилетнего ребенка. Он представляет собой процесс лечения мальчика, проведенный его отцом, без прямого участия Фрейда в терапевтическом процессе. Мальчика мучил страх, что его укусит лошадь, и поэтому он отказывался выходить из дома. Отец мальчика постоянно вел подробные записи лечения и часто обсуждал ход событий с Фрейдом.

Хотя Фрейд не сам лечил «пациента», случай Маленького Ганса важен, потому что он иллюстрирует теорию детской сексуальности, развитие Эдипова комплекса и страха кастрации, динамику формирования симптома и процесс изменения поведения.

События, приведшие к развитию фобии

Отсчет событий в жизни Маленького Ганса начинается с возраста трех лет. В то время он проявлял живой интерес к своему пенису, который он называл своим «канатиком» («widdler»). Что поражало в этот период, так это удовольствие, которое мальчик получал, трогая свой пенис, и поглощающий его интерес к пенисам других людей. Например, он хотел знать, есть ли канатик у его матери, и был заворожен процессом, посредством которого от коровы получают молоко. Однако его стремление трогать свой пенис вызывало угрозы со стороны матери: «Если ты будешь это делать, я пошлю тебя к доктору А., чтобы он отрезал тебе твой канатик, и тогда как ты будешь писать?» Таким образом, это была прямая угроза кастрации, исходившая от одного из родителей, в данном случае от матери. Фрейд указывал на это событие, как на начало комплекса кастрации у Ганса.

Интерес Ганса к канатикам распространялся и на размер канатика у льва в зоопарке, и на разницу между живыми и неживыми объектами: собаки и лоша-

ди имели канатик, а столы и стулья — нет. Ганс проявлял любопытство ко многим вещам, но Фрейд считал его общую жажду знаний проявлением сексуального любопытства. Интерес Ганса к тому, есть ли у матери пенис, поддерживался постоянно. «Я думаю, ты, мама, такая большая, что у тебя должен быть канатик, как у лошади». Когда ему было три с половиной года, родилась сестра, которая также стала предметом его интереса к канатику. «Но ее канатик еще маленький; когда она подрастет, он тоже станет больше».

Согласно Фрейду, Ганс не мог признать то, что он видел, а именно то, что там вовсе не было никакого канатика. Признать это означало бы столкнуться лицом к лицу со своим страхом кастрации. Его тревоги возникали, когда он получал удовольствие от прикосновения к своему пенису, о чем свидетельствовали его собственные комментарии, обращенные к матери, в то время как она его вытирала и припудривала тальком после купания.

ГАНС: А почему ты не трогаешь это место пальцем?

МАТЬ: Потому что это было бы свинством.

ГАНС: Как это так? Свинство? Почему? (Смеется.) Но это же такое удовольствие.

Таким образом, Ганс, будучи в то время немногим более четырех лет с небольшим от роду, был полностью поглощен своим пенисом, получал от него удовольствие, беспокоился о возможной потере его и начинал потихоньку обольщать свою мать. Именно в это время стало проявляться его нервное расстройство. Его отец, видевший причины трудностей в сексуальном перевозбуждении, вызванном нежностью матери, написал Фрейду, что Ганс «боится, что на улице его укусит лошадь», и что его страх, кажется, каким-то образом связан с видом большого пениса. Как вы помните, ребенок очень рано обратил внимание, какой большой пенис у лошадей, и тогда он сделал вывод, что его мама такая большая, что должна «иметь канатик, как у лошади». Ганс боялся выходить на улицу и по вечерам впадал в депрессию. Ему снились дурные сны, и матери часто приходилось забирать его к себе в постель. Во время прогулок по улице с няней он стал ужасно нервничать и стремился поскорее вернуться домой, чтобы быть рядом с матерью. Страх, что лошадь укусит его, перерос в страх того, что лошадь войдет в его комнату.

У него развилась полномасштабная фобия, иррациональный ужас, или страх, перед неким объектом. Что еще можно узнать об этой фобии? Как нам объяснить ее возникновение? Как замечает Фрейд, недостаточно просто обозвать это все глупыми детскими страхами.

Интерпретация симптома

Отец попытался решить проблему страха своего сына перед лошадьми, предложив ему объяснение страха. Гансу сообщили, что страх перед лошадьми — абсурд, а истина заключается в том, что он (Ганс) обожает свою мать и страх перед лошадьми имеет прямую связь с его интересом к своему канатику. По предложению Фрейда отец объяснил Гансу, что у женщин не бывает канатиков. Очевидно, это принесло некоторое облегчение, но Ганса продолжало беспокоить навязчивое желание смотреть на лошадей, хотя они его и пугали. В это

время ему удалили миндалины, и фобия усилилась. Он стал бояться, что его укусит белая лошадь. Он продолжал интересоваться канатиками у женщин. В зоопарке он боялся всех больших животных и его увлекали только маленькие. Из птиц он боялся пеликана. Несмотря на то что отец объяснил ему истинное положение дел, Ганс старался успокоить себя: «У всех есть канатик. И мой канатик станет больше, когда я стану больше, потому что он растет на мне». Как считал Фрейд, Ганс постоянно проводил сравнение канатиков по размеру и был неудовлетворен своим собственным. Большие животные напоминали ему об этом дефекте и были ему неприятны. Объяснения отца усилили у мальчика страх кастрации, что выразилось в словах «он растет на мне», как если бы пенис можно было бы отрезать. По этой причине мальчик сопротивлялся информации, и она не имела терапевтического эффекта. «Может ли такое быть, чтобы реально существовали живые существа, которые не обладают канатиками? А если это так, тогда не так уж невероятно, что они смогут отобрать его собственный канатик и, если это случится, превратят Ганса в женщину».

Где-то в это же время Ганс рассказал следующий сон: «Ночью в комнате находились большой жираф и поверженный жираф; и большой жираф закричал, потому что я забрал у него поверженного. Затем он перестал кричать; и тогда я уселся верхом на поверженного». Отец интерпретировал сон так, что он, отец, был большим жирафом с большим пенисом, а мать была поверженным жирафом с отсутствующим половым органом. Сон был воспроизведением утренней ситуации, когда мать взяла Ганса к себе в постель. Отец протестовал против подобной практики («Большой жираф закричал, потому что я забрал у него поверженного»). Но мать продолжала потворствовать ребенку. Мать поддерживала и положительно подкрепляла Эдиповы желания. Ганс остался с ней и, осуществляя в сновидении свои желания, овладел ею («Потом большой жираф перестал кричать; и тогда я уселся верхом на поверженного жирафа»).

Стратегия Фрейда в интерпретации фобии Ганса заключалась в том, чтобы отложить окончательное решение и беспристрастно проанализировать все факты, которые удастся собрать. Он узнал, что перед появлением фобии Ганс со своей матерью отдыхал на летнем курорте. Там произошли два значительных события: во-первых, он услышал, как отец одной из его подружек сообщил ей, что какая-то белая лошадь кусается и поэтому не следует подносить руки близко ко рту лошади, во-вторых, его приятель, ревновавший Ганса к маленьким девочкам, у которых Ганс пользовался симпатией, во время игры в лошадки упал и поранил ногу так, что пошла кровь. Из рассказов Ганса Фрейд понял, что Ганса беспокоили шпоры и черные удила, надетые на лошадей. Фобия стала расширяться, включая в себя и страх, что лошадь, везущая тяжелый воз, упадет и ушибет ноги. Только тогда открылось, что поводом, вызвавшим фобию, — событием, наложившимся на психологическую готовность к формированию фобии, — послужил случай с падением лошади, который произошел на глазах у Ганса. Гуляя однажды по улице вместе с матерью, Ганс увидел, как лошадь, везущая воз, упала и начала бить ногами.

Центральным моментом в случае Ганса оказался страх перед лошадью. Что совершенно замечательно в данной истории, так это то, как часто ассоциации с лошадью связывались с отцом, матерью и самим Гансом. Мы уже отмечали

интерес Ганса к канатику матери в связи с канатиком лошади. В какой-то момент он сказал отцу: «Папа, не беги от меня рысью». Не мог ли отец, который носил усы и очки, быть лошадью, которой Ганс боялся, лошадью, которая могла бы зайти к нему в комнату ночью и укусить его? Или Ганс сам мог быть этой лошадью? Было известно, что Ганс играл в лошадки в своей комнате, носился рысью, падал, бил ногами и ржал. Время от времени он подскакивал к отцу и кусал его, т.е. делал как раз то, что могла с ним сделать пугавшая его лошадь. Ганс был перекормленным ребенком. Не могло ли это сказаться на его озабоченности большой, жирной лошадью? И наконец, было известно, что Ганс называл себя жеребенком и, когда злился, имел склонность колотить ногами по полу, как делала упавшая лошадь. И если вернуться к матери, не могла ли тяжело груженная телега символизировать беременную мать, а лошадь, падающая на землю, — роды или появление ребенка? Случайны ли подобные ассоциации или они могут сыграть важную роль в нашем понимании фобии?

Согласно Фрейду, главная причина фобии Ганса — это Эдипов конфликт. Ганс испытывал огромную любовь к своей матери, большую, чем ему было по силам выдержать на фаллической стадии развития. Хотя он испытывал к отцу глубокую привязанность, в то же время он видел в нем соперника в борьбе за любовь матери. Когда они с матерью остались одни в летнем домике, без отца, он мог забираться в постель к матери и держать ее постоянно при себе. Это усиливало его притяжение к матери и его враждебность к отцу. По Фрейду, «Ганс был на самом деле маленьким Эдипом, который хотел убрать своего отца с пути, избавиться от него, чтобы остаться одному со своей прекрасной матерью и спать с ней. Это желание началось во время летнего отдыха, когда присутствие или отъезды отца привлекли внимание Ганса к обстоятельствам, от которых зависела близость с матерью, страстно им желаемой».

Падение и ранение его приятеля и соперника во время пребывания на курорте стали для Ганса значимым символом поражения его противника.

Разрешение Эдипова конфликта

Когда Ганс вернулся домой после летнего отдыха, его ревность по отношению к отцу возросла еще больше. Он пытался подавить ревность преувеличенной любовью. Он изобрел остроумное решение Эдипова конфликта. Они с матерью будут родителями для детей, а отец мог бы быть дедушкой. Таким образом, как замечает Фрейд: «Маленький Эдип нашел более счастливое решение, чем это предписывалось судьбой. Вместо того чтобы убирать отца со своего пути, он наградил его тем самым счастьем, которого хотел для себя: он сделал его дедушкой и тем самым тоже позволил ему жениться на его собственной матери». Но такая фантазия не могла дать полного разрешения конфликта и у Ганса осталась значительная враждебность по отношению к отцу.

Поводом, вызвавшим фобию, было падение лошади. В этот момент у Ганса появилось желание, чтобы его отец точно так же упал бы и умер. Его враждебность к отцу проецировалась на отца (т.е. воспринималась как враждебность отца к нему) и символизировалась в лошади, а все потому, что Ганс сам вынашивал ненависть и ревность по отношению к отцу. Он боялся, что лошадь уку-

сит его, из-за того что он желал отцу падения и смерти. Не случайно страхи по поводу того, что лошадь может прийти к нему домой, появлялись по ночам, когда его сильнее всего искушали Эдиповы фантазии. Играя в лошадки и кусая своего отца, он как бы кусал самого себя, идентифицируя себя с отцом. Фобия выражала желание и тревогу и заодно выполняла дополнительную функцию — позволяла Гансу оставаться дома, чтобы все время быть со своей матерью.

Короче говоря, и его страх, что лошадь его укусит, и его страх, что лошадь упадет, олицетворяли отца, который намеревался наказать Ганса за дурные желания, которые Ганс таил против него. Ганс оказался в состоянии преодолеть фобию, и, судя по более поздним отчетам Фрейда, видимо, дела у него шли неплохо.

Что способствовало изменению? Во-первых, просветительские беседы на тему сексуальных отношений, проведенные его отцом. Хотя Ганс неохотно принимал информацию и поначалу его страх кастрации усилился, это сослужило хорошую службу, создав тот островок реальности, за который можно было ухватиться. Во-вторых, анализ, проведенный его отцом и Фрейдом, был полезен тем, что довел до сознания Ганса то, что раньше было скрыто от него в бессознательном. И наконец, заинтересованность отца и то, что он разрешал Гансу свободно выражать свои чувства, помогли разрешить Эдипов конфликт в пользу идентификации с отцом, уменьшив как желание соперничать с отцом, так и страх кастрации, и тем самым снизив потенциал развития симптома.

Итоговая оценка

Если оценивать интерпретацию случая Маленького Ганса по научным критериям, то там возникает много проблем. Интервьюирование, проводимое отцом, велось несистематически. Сам отец был ярким приверженцем Фрейда и поэтому мог быть страстен в своих наблюдениях и интерпретациях. Фрейд в свою очередь зависел от сообщений, получаемых из вторых рук. Он признавал ограниченность подобных данных, но в то же время находился под их впечатлением. И если прежде он строил свою теорию на детских воспоминаниях взрослых пациентов, то на этот раз, в случае Маленького Ганса, он вел наблюдения за актуальной «сексуальной жизнью» детей.

Трудно вывести заключение о теории только на основании этого случая. Данное изложение не включает всех наблюдений Фрейда за Гансом. Более того, это только один случай, и он взят из ранних работ Фрейда (1909). В то же время даже из этого описания мы можем оценить богатство материала, доступного для анализа, и, кроме того, обилие проблем, возникающих при оценке и интерпретации подобных данных. Мы, безусловно, должны почувствовать, насколько велики способности Фрейда к наблюдению и описанию явлений и насколько велики его усилия понять до конца всю сложность человеческого поведения. В одном только этом случае мы имеем описание следующих феноменов: детская сексуальность, детские фантазии, функционирование бессознательного, процесс развития и разрешения конфликта, процесс формирования симптома, символизация и возникновение сновидений. Читая описание этого случая, мы не ошибемся, если скажем, что на нас огромное впечатление производят бесстрашные попытки Фрейда раскрыть тайны человеческого функционирования и его готовность довести дело до конца, несмотря на ограниченность наблюдений и ясное понимание всей сложности феномена, который он пытался исследовать.

СЛУЧАЙ ДЖИМА

Роршах и ТАТ: психоаналитическая теория

Два проективных теста — Тест чернильных пятен Роршаха и ТАТ — были предложены Джиму профессиональным клиническим психологом. По Роршаху, Джим дал относительно мало ответов — всего 22. Это удивительно на фоне других свидетельств его высокого интеллекта и творческого потенциала. Интересно проследить его ответы на первые две карты и обсудить интерпретацию, сформулированную психологом, который одновременно является и практикующим психоаналитиком.

КАРТА 1

ДЖИМ: Первая вещь, которая приходит в голову, — это бабочка.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Вначале осторожен и действует в новой ситуации привычным способом. ДЖИМ: Это напоминает мне лягушку. Не целую лягушку, похоже на лягушачьи

глаза. На самом деле, просто напоминает мне лягушку.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Он становится более осматрительным, почти педантичным, и тем не менее склонен к чрезмерным обобщениям, чувствуя в то же время некоторую их неадекватность. ДЖИМ: Может быть, летучая мышь. Более пугающее, чем бабочка, потому что

здесь нет цвета. Что-то темное и зловещее. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ:

Фобический, обеспокоенный, подавленный и пессимистичный.

КАРТА 2

ДЖИМ: Может быть, два безголовых человека, соприкасающиеся руками. Похоже, они носят тяжелые одежды. Может быть, одна из них касается рукой зеркала. Если они женщины, у них неважные фигуры. Выглядят толстыми.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Настороженность к людям. Озабоченность или смущение в отношении половых ролей. Анально-навязчивые черты. Пренебрежение к женщинам и враждебность по отношению к ним — безголовые и неважные фигуры. Нарциссизм проявился в образе зеркала.

ДЖИМ: Это похоже на лица, повернутые друг к другу. Маски, профили — скорее маски, чем лица; головы неполностью, можно только догадаться, похоже одна маска улыбается, другая хмурится.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: Он как бы носит маску, может улыбаться или хмуриться, не испытывая этих чувств в действительности. Несмотря на видимость уравновешенности, чувствует себя с людьми напряженно. Повторил несколько раз, что у него не очень богатое воображение. Не беспокоится ли он о своей успешности и значимости?

Интересные ответы встречались и на других картах. На третьей карте Джим увидел женщин, пытающихся поднять тяжести. Здесь снова возникло предположение о конфликте, связанном с его половой ролью, а та же с его пассивной ориентацией (в отличие от активной). Следующую карту он прокоммен-

тировал так: «каким-то образом все они похожи на зловещие фигуры хичко-ковских животных», снова обнаруживая фобические черты в своем поведении и склонность проецировать опасность на окружающую среду. Его время от времени повторяющиеся упоминания о симметрии и деталях указывают на использование навязчивой защиты и интеллектуализации во время переживания угрозы. Тревожные и конфликтные упоминания женщин попадают в нескольких местах. На карте 7 он усмотрел двух женщин, которые были бы хороши, если бы они были из мифологии, но были бы плохи, если бы они были толстыми. На предпоследней карте он увидел «нечто вроде графа, графа Дракулы. Глаза, уши, плащ. Готов схватить, сосать кровь. Готов выскочить и удушить какую-то женщину». Упоминание о высасывании крови намекает на склонность к оральному садизму.

Эта тема возникала и в другом образе — вампиров, сосущих кровь. Джима преследовал образ графа Дракулы с розовой сахарной ватой. Экспериментатор интерпретировал этот ответ, предположив, что за оральным садизмом скрывается тоска по уходу, заботе и общению. Иными словами, испытуемый проявляет оральную агрессию (например, сарказм, словесные выпады), чтобы защититься от своих пассивных оральных желаний (например, быть накормленным, на кого-то полагаться и ощущать чью-либо заботу).

Экспериментатор заключил, что данные, полученные по тесту Роршаха, указывают на невротическую структуру, в которой используются интеллектуализация, навязчивость, истероидные реакции (иррациональные страхи, озабоченность своим телом), чтобы защититься от тревоги. Однако, предполагалось далее, Джим продолжает чувствовать тревогу и дискомфорт в отношениях с другими, особенно с фигурами, облеченными властью. В отчете, подготовленном на основании теста Роршаха, делался вывод: «У него имеется внутренний конфликт, связанный с его сексуальной ролью. Он тоскует по заботе и общению с женщиной материнского типа и в то же время испытывает чувство вины из-за этих желаний и своей сильной враждебности к женщинам. Он притворяется пассивным, постоянно играя роль, и под маской воспитанности остается агрессивным, амбициозным и несчастным».

А какие истории рассказал Джим, отвечая на вопросы ТАТ? Самыми поразительными в этих рассказах были печаль и враждебность, пронизывающие все межличностные отношения. В одной истории над мальчиком доминировала мать; в другой — бесчувственный гангстер был способен на огромную бесчеловечность; а в третьей — муж был расстроен, узнав, что его жена не девственница. Особенно часто принижение одного человека другим присутствовало в отношениях между мужчинами и женщинами. Познакомимся с одной такой историей.

Похоже, здесь два человека. Женщина искренняя, чувствительная и зависит от мужчины. Есть что-то в выражении лица мужчины, что говорит о его бесчувственности, — то, как он на нее смотрит, как будто он завоевал ее. В ее присутствии он не испытывает ни сочувствия, ни уверенности, всего, что чувствует она рядом с ним. В конце концов женщине станет очень больно и ей останется только самой заботиться о себе. В нормальной ситуации я бы подумал, что они женаты, но в этом случае, я не думаю, потому что два пожилых человека, если они женаты, были бы счастливы друг с другом.

В этой истории мы видим мужчину, который садистски обращается с женщиной. Мы также видим, что Джим использует защитный механизм *отрицание*, предполагая, что эти двое не могут быть женаты, так как пожилые женатые люди всегда счастливы друг с другом.

В следующей истории, которую мы приведем ниже, снова встречается тема плохого обращения с женщиной. В этой истории более открыто выражена сексуальная тема, а также есть свидетельство некоторой путаницы в отношении сексуальных ролей.

Эта картинка наводит на непристойные мысли. Я думаю о Кэнди*. Это тот самый парень, который плохо поступил с Кэнди. Он молится над ее телом. Конечно, это не настоящая молитва над умирающим, но он убедил ее, что он — влиятельная персона, что он — именно тот человек, которого она искала, и она хочет, чтобы он возложил на нее благодать, дал ей благословение. Его колено на кровати, у него не получается, а она наивна. Он ложится к ней в постель с мистическими цепями (краснеет от смущения). Она продолжает вести себя наивно и податливо. У нее очень, очень ласковый и сочувственный взгляд. Может ли это быть тот мужчина в галстук? Я все-таки так не думаю.

Психолог, интерпретирующий эти истории, заметил, что Джим, видимо, незрелый, наивный человек и для него характерно тотальное отрицание всего, что неприятно или нечисто, причем последнее понятие для него включает как сексуальность, так и супружескую ссору. В отчете сказано: «Он колеблется между выражением садистских побуждений и чувством жертвы. Возможно, он как-то комбинирует и то, и другое, часто проявляя косвенную враждебность в ответ на несправедливую обиду или обвинение. Он испытывает замешательство, задумываясь о смысле отношений, имеющих место между двумя людьми. У него амбивалентное, одновременно идеалистическое и пессимистическое представление о своих собственных шансах на установление устойчивых отношений. Так как он воспринимает секс как грязь и способ использовать партнера или позволить использовать себя, он боится в это вовлекаться. В то же время он жаждет внимания, хочет, чтобы его понимали, и часто находится во власти сексуальных побуждений».

При анализе теста Роршаха и ТАТ^а всплывает целый ряд тем. Первая тема касается общего дефицита тепла в межличностных отношениях, в частности, пренебрежительное, а иногда и садистское отношение к женщине. Здесь у Джима имеется конфликт между сексуальной озабоченностью и отношением к сексу, как к чему-то грязному и агрессивному. Вторая тема касается скрываемых за фасадом вежливости и воспитанности чувств тревоги и напряжения. Третья тема связана с конфликтом и неопределенностью по поводу половой идентификации.

Хотя результаты тестов позволяют говорить о высоком творческом и интеллектуальном потенциале, есть также признаки ригидности и заторможенности реакций на неструктурированность проективных тестов. Навязчивые защиты, интеллектуализация и отрицание только отчасти спасают его от внутренних тревог.

* Героиня популярного американского фильма. (Примеч. пер.)

Комментарий к данным проективных тестов

Что можно сказать о данных, извлеченных из проективных тестов, особенно если учесть тесную связь этих тестов с психоаналитической теорией? Неструктурированность тестов порождает множество субъективных реакций, связанных с уникальными аспектами личности Джима. Более того, замаскированность истинных целей тестирования, которая является важной особенностью проективных тестов, позволяет заглянуть за фасад личности Джима (по терминологии психоанализа, за защитные механизмы), чтобы разглядеть его скрытые потребности, мотивы, или влечения. Таким образом, у нас есть тесты, которые в значительной степени позволяют зафиксировать уникальность реакций человека, и у нас есть теория личности, которая, будучи клинической теорией, сосредоточена на изучении отдельно взятого индивида. У нас есть тесты, которые маскируют свои истинные цели, и теория личности, которая, будучи динамической теорией, смотрит на поведение как на результат взаимодействия сил, влечений, конфликтов и различных сторон личности.

Портрет Джима по тесту Роршаха и ТАТ, на первый взгляд, весьма отличается от портрета, представленного в автобиографии. В ней Джим указывал, что он получал безмерную любовь со стороны родителей и был весьма популярен и успешен в старших классах школы. Правда, там же он писал, что люди были высокого мнения о нем, потому что они пользовались только поверхностными критериями, не видя, что внутри он испытывает неблагополучие. Таким образом, подтверждается вывод из теста Роршаха, что Джим скрывает свое напряжение и тревогу за внешней уравновешенностью. В его автобиографии есть указание и на конфликтные отношения с женщинами.

Мои отношения с женщинами в старших классах школы были несколько лучше, чем теперь, но и тогда они полностью не удовлетворяли меня. Я вращался в узком кругу, где меня все очень уважали, отсюда моя высокая популярность, которая вряд ли возникла бы в других условиях. Я никогда не имел длительных интимных отношений с девушкой, а я считаю, что это единственный вид отношений, который имеет смысл. У меня было много поверхностных отношений, но в них всегда существовал барьер, не дающий мне серьезно увлечься, и этот барьер сохранился и еще больше усилился в течение последних четырех лет. Как только я начинал всерьез нравиться какой-нибудь девушке, так она переставала мне нравиться, — это, очевидно, было как-то связано с моим недостаточным ощущением собственной ценности. Это порочный и безнадежно замкнутый круг: девушка мне нравится до тех пор, пока она не влюбляется в меня. Так, в старших классах за мной многие бегали, но я умудрился ни разу серьезно не увлечься.

Реакция Джима на проективные тесты

Джиму не понравился тест Роршаха. Он понимал, что он должен что-то увидеть в чернильных пятнах и что бы он ни увидел, это будет интерпретировано как доказательство его невроза. Он полагал, что у него нет «защитного» отношения к своим проблемам, поскольку был готов признать их наличие, но не хотел, чтобы эти проблемы преувеличивали. Когда он прочел комментарий, сделанный психологом, то заметил, что у него есть сексуальные проблемы и

что именно эта тема была бы главной, если бы он согласился на психотерапию. Джим сказал, что он боится преждевременной эякуляции и сомневается в своей потенции и способности удовлетворить женщину. Интересно, что страх потерять контроль, т.е. страх преждевременной эякуляции, признает у себя человек, который использует навязчивые защитные ритуалы и стремится полностью контролировать большинство ситуаций.

Проективные тесты и психоаналитическая теория

Что можно сказать о взаимосвязи между проективными тестами и психоаналитической теорией? Конечно, данные теста Роршаха и ТАТа приобретают смысл благодаря теоретической интерпретации ответов на эти тесты и в особенности благодаря психоаналитической трактовке символов. Однако, даже если оставить это обстоятельство в стороне, трудно себе представить, как другие теории личности могли бы использовать эти данные в той же мере, что и психоаналитическая теория. Как мы увидим, данные проективных тестов качественно отличаются от данных, получаемых в других тестах, через которые прошел Джим. Только в ответах Джима на тест Роршаха мы встречаем такие высказывания, как «женщины, поднимающие тяжести», «граф Дракула... готовый хватать, сосать кровь, готовый высасывать и душить женщин» и «розовая сахарная вата». И только в ТАТе многократно упоминаются темы печали или враждебности в межличностных отношениях. Именно содержание ответов и способ обработки тестов и делают возможной психоаналитическую интерпретацию.

Безусловно, Джим и граф Дракула — не одно и то же лицо, и думать, что Джим — садист, было бы некоторым преувеличением. Но содержание проекций позволяет предположить, что какая-то важная часть его личности занята защитой от садистских побуждений. Безусловно, Джим не пьет до сих пор молоко из бутылочки, но упоминания о высасывании крови и о сахарной вате наряду с остальными его ответами позволяют предположить, что он частично зафиксировался на оральной стадии. В связи с этим интересно заметить, что у Джима — язва желудка и он должен пить молоко, чтобы облегчать свое состояние.

Может быть, главная идея заключается здесь в том, что если вы дадите свободу воображению людей, оно приведет вас в мир иррационального. Фрейд не только освобождал, но и стимулировал этот процесс. Он побуждал пациентов видеть сны, фантазировать, давать своей мысли свободно устанавливать ассоциации.

Пациенты, вдохновленные на это Фрейдом, сообщали о таких чувствах и воспоминаниях, о которых изначально и не подозревали. Так и в ответах Джима по тесту Роршаха и ТАТу мы находим темы и содержание, которые, казалось, никак не согласуются с данными, полученными по другим тестам. Имея доступ к этим чувствам и воспоминаниям, Фрейд смог установить связь между ними и теми проблемами, которые привели его пациентов к психотерапевту. Так и в случае Джима мы можем догадаться, что именно неопределенность его сексуальной идентификации и скрытая враждебность вызывали у него чувство тревоги или неуверенность и не давали ему вступить в стабильные отношения с женщинами. Делая свои открытия в мире иррационального и опираясь в разработке своей теории на наблюдения за пациентами, Фрейд поневоле преувели-

чивал значение бессознательного и патологическое начало в личности. Неудивительно, что и ответы Джима на проективные тесты содержат мало указаний на его навыки, таланты и ресурсы, благодаря которым он добился некоторых важных успехов.

РОДСТВЕННЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

В истории психоанализа действовали школы и группы с различными, часто антагонистическими взглядами. В ходе своей профессиональной карьеры Фрейд сам неоднократно пересматривал ряд аспектов психоаналитической теории. Тем не менее он не раз сталкивался со своими последователями по многим позициям. В какой-то степени психоанализ напоминал религиозное или политическое движение (Fromm, 1959): традиционных последователей зачисляли в число истинно верующих, а тех, кто отклонялся от основополагающих принципов, изгоняли из движения. Эта система отношений сложилась при жизни Фрейда и продолжалась после его смерти. Например, такой теоретик, как Эрик Эриксон, по-прежнему высоко оценивается большинством традиционных психоаналитиков, а другие выдающиеся авторы психоанализа, чьи концепции изложены ниже, отвергаются ими. Часто очень трудно определить, на чем основано отношение к тому или иному ученому. Однако, как правило, чтобы быть причисленным к фрейдовскому психоанализу, теоретик должен сохранять верность следующим понятиям: сексуальным и агрессивным инстинктам, бессознательному и стадиям развития. Аналитики, о которых речь пойдет ниже, подвергали сомнению то одно, то другое из этих понятий и вследствие этого подходили к пониманию человека несколько по-иному, с иной стороны.

Два первых вызова Фрейду

Среди многих аналитиков раннего периода, которые порвали с Фрейдом и создали свои теоретические школы, в первую очередь надо назвать Альфреда Адлера (Alfred Adler) и Карла Г. Юнга (Carl G. Jung). Они оба были в числе самых первых и самых значительных последователей Фрейда: Адлер был президентом Венского психоаналитического общества, а Юнг — президентом Международного психоаналитического общества. Они оба откололись от Фрейда из-за того, что считали значение сексуальных инстинктов сильно преувеличенным. Разрыв с Юнгом был для Фрейда особенно болезненным, так как Юнгу предназначалась роль «кронпринца» и избранного наследника. Хотя другие последователи тоже постепенно порывали с Фрейдом и основывали свои собственные теоретические школы, Адлер и Юнг были самыми известными.

Альфред Адлер (1870-1937)

Около десяти лет Альфред Адлер был активным членом Венского психоаналитического общества. Тем не менее, когда в 1911 г. он представил свои взгляды другим членам общества, реакция была такой враждебной, что он ушел

и основал свою собственную школу *индивидуальной психологии*. Что же это были за идеи, которые оказались настолько неприемлемы для психоаналитиков? Мы не можем полностью изложить здесь всю теорию Адлера, но мы можем остановиться на некоторых его представлениях раннего и более позднего периодов, чтобы почувствовать разницу между его взглядами и традиционным психоанализом.

Может быть, самое серьезное расхождение с Фрейдом заключалось в перестановке акцентов с инстинктивных сексуальных влечений и бессознательного на социальные побуждения и сознание. Еще на заре своей профессиональной карьеры Адлер стал интересоваться физической неполноценностью и тем, как человек ее компенсирует. Если у человека какой-то орган развит слабо, он может попытаться компенсировать эту слабость, прилагая специальные усилия, чтобы укрепить этот орган или развить другие. Например, тот, кто заикался в детстве, может попытаться стать великим оратором, а тот, у кого был дефект зрения, может попытаться развить особенно тонкий слух. Если поначалу Адлер интересовался физическими недостатками, то постепенно он стал заниматься психологическими *чувствами неполноценности* и *стремлением к компенсации*, нацеленным на то, чтобы замаскировать или уменьшить болезненные переживания. Так, если фрейдисты истолковали бы подчеркнутую жесткость Теодора Рузвельта и важность для него обладания «большой палкой» как защиту от страха кастрации, то адлерианцы увидели бы в этом компенсаторное стремление преодолеть чувство неполноценности, связанное с мальчишеской слабостью. В то время как фрейдисты увидели бы в агрессивности женщины зависть к пенису, адлерианцы то же самое истолковали бы как выражение *маскулинного протеста*, т.е. отказа от стереотипной женской слабости и неполноценности. Согласно Адлеру, то, как человек пытается справиться с подобными чувствами, становится частью его *стиля жизни* — отличительным аспектом его личности.

Эти понятия уже несут в себе гораздо больше социального, нежели биологического. Этот социальный акцент постепенно становился все более важным для адлерианского мышления. Сначала Адлер говорил о *воле к власти* как выражении личных усилий, прилагаемых человеком, чтобы справиться с чувством беспомощности, идущим из раннего детства. Постепенно акцент сместился на *стремление к превосходству*. В невротической форме это страстное стремление может выражаться в желании иметь власть и контроль над другими; в более здоровом варианте оно может выражаться в «мощном стремлении ввысь» — к цельности и совершенству. У здорового человека стремление к превосходству проявляется не только в напористости и соревновательном духе, но и в сотрудничестве и социальном чувстве. Изначально люди уже обладают *социальным интересом*, т.е. врожденной заинтересованностью в общении с другими и врожденной способностью к сотрудничеству.

Теория Адлера примечательна еще и вниманием к тому, как люди реагируют на чувства, испытываемые к самим себе, как люди реагируют на цели, которые ориентируют их поведение на будущее, и как может очередность рождения влиять на психологическое развитие. Что касается последнего момента, многие психологи отмечали следующую тенденцию: единственные или перворожденные сыновья достигают больших успехов, чем их младшие братья. Например, 21 из первых

23 американских астронавтов были первыми или единственными детьми у своих родителей. Хотя многие идеи Адлера заняли свое место в общественном сознании и оказались связаны со взглядами более поздних теоретиков, созданная им школа индивидуальной психологии сама по себе не оказала такого уж сильного воздействия на теорию и исследования личности.

Карл Г. Юнг (1875-1961)

Юнг разошелся с Фрейдом в 1914 г. через несколько лет после Адлера и создал свою теоретическую школу, которая получила название *аналитической психологии*. Его, как и Адлера, беспокоило преувеличенное, по его мнению, внимание к сексуальности. Вместо этого Юнг рассматривал либидо как общую жизненную энергию. Хотя сексуальность составляет часть этой базовой энергии, либидо включает в себя и другие стремления — к удовольствию и творчеству.

Юнг разделял взгляды Фрейда на бессознательное, но добавил к ним понятие *коллективного бессознательного*. По Юнгу, внутри своего коллективного бессознательного люди хранят кумулятивный опыт прошлых поколений. Коллективное бессознательное в противоположность индивидуальному бессознательному разделяется всеми людьми как продукт их общего происхождения. Это часть нашего наследства, полученного от животного мира, наша связь с миллионами лет прошлого существования: «Эта психическая жизнь — это разум наших древних предков, образ их мыслей и чувств, способ постижения ими жизни и мира, божественных и человеческих существ. Можно предположить, что существование этих исторических слоев и является источником веры в инкарнацию и воспоминания о прошлой жизни» (Jung, 1939, p. 24).

Важной частью коллективного бессознательного являются универсальные образы или символы, известные как *архетипы*. Архетипы, такие, как архетип Матери, обнаруживаются в сказках, снах, мифах и в мышлении людей, больных психозами (психотиков). Юнг был поражен сходством образов, которые, слегка видоизменяясь, постоянно воспроизводятся в далеких друг от друга культурах. Например, архетип Матери может быть выражен в многообразных позитивных или негативных формах: как дающая жизнь, как все-дающая и заботливая, как ведьма или угрожающая наказанием («не шутите с Матерью Природой») и как женщина-соблазнительница. Архетипы могут быть представлены в имеющихся у нас образах людей, демонов, животных, природных сил или предметов. Во всех этих случаях доказательством того, что это часть именно коллективного бессознательного, служит универсальность образов для разных культур прошлого и настоящего.

Еще один важный аспект теории Юнга состоит в подчеркивании того, как люди борются с противостоящими силами внутри себя. Возьмем для примера борьбу между лицом или маской, которые мы предъявляем другим (*личина*), и нашим внутренним, или личным, Я. Если люди слишком озабочены своей маской, они могут потерять чувство себя и начать сомневаться, кто они есть на самом деле. В то же время личина, как она выражается в социальных ролях и обычаях, — необходимая часть жизни в обществе. Подобным образом можно представить и борьбу между маскулинной и фемининной частями личности. Каждый мужчина в своей личности имеет фемининную часть (*анима*), а каждая

женщина — маскулинную часть (*animus*). Если мужчина отвергает свою фемининную часть, он может преувеличенно афишировать силу и чувство хозяина ситуации, демонстрируя холодность и нечувствительность по отношению к другим людям. Если женщина отвергает маскулинную часть, она может чересчур глубоко погрузиться в материнство. Психологи, в настоящее время активно изучающие полоролевые стереотипы, сейчас, наверное, поаплодировали бы Юнгу за подчеркивание подобного дуализма в каждой личности, хотя отнесение некоторых личностных особенностей к специфически фемининным или маскулинным, возможно, и вызвало бы у них сомнение.

Еще одно важное противопоставление в теории Юнга — это разделение на *интроверсию* и *экстраверсию*. Каждый человек связан с миром преимущественно одним из этих двух способов, хотя противоположная ориентация в какой-то степени тоже сохраняется. В случае интроверсии базовая ориентация человека направлена вовнутрь, на себя. Интровертированный тип — осторожный, рефлексивный, колеблющийся. В случае экстраверсии базовая ориентация направлена вовне, на объекты внешнего мира. Экстравертированный тип — активный, социально ангажированный и несколько авантюрный. Перед каждым человеком стоит задача найти единство, согласие в *самом себе*. По Юнгу, важная жизненная задача — установление гармонии, или интеграции, между вышеназванными или другими противостоящими силами. Интеграция многих противоположных аспектов нашей личности в самость (*self*) — это дело всей жизни. «Личность как совершенная реализация всей полноты нашего существования есть недостижимый идеал. Но недостижимость не может считаться аргументом против идеала, так как идеалы — это всего лишь указательные знаки, а ни в коем случае не цели» (Jung, 1939, p. 287). Борьба за интеграцию, описанная здесь, может стать особенно важным аспектом жизни, после того как людям исполнится 40 лет и они так или иначе определятся по отношению к миру.

Как и в случае с Адлером, мы рассмотрели только некоторые из наиболее ярких моментов теории Юнга. По мнению многих, Юнг — один из великих творческих мыслителей нашего столетия, а его теория повлияла на многие умы в самых разных областях науки и культуры за пределами психологии. Хотя периодически то здесь, то там появляются признаки возникновения нового сильного интереса к Юнгу и внутри психологии, однако его идеям еще предстоит сыграть свою роль в этой области знаний.

Культурные и межличностные акценты

С последующим продвижением психодинамического подхода из Европы в Соединенные Штаты Америки появляются теоретики, акцентирующие в поведении социальные, а не биологические силы. Эти теоретики получили собирательное название «*неофрейдисты*», учитывая одновременно и их теоретическую привязанность к Фрейду, и новизну их собственных идей. Некоторые из этих теоретиков — такие, как Карен Хорни (Karen Horney), эмигрировали в США перед Второй мировой войной. Другие, в частности Гарри Стэк Салливан (Harry Stack Sullivan), родились и обучались в Америке.

Карен Хорни (1885-1959)

Карен Хорни получила традиционную психоаналитическую подготовку в Германии и переехала в Соединенные Штаты Америки в 1932 г. Вскоре после этого она разошлась с традиционным психоанализом и разработала свое собственное теоретическое направление и программу обучения психоанализу. В отличие от Адлера и Юнга она признавала, что ее взгляды опирались на грандиозный фундамент, созданный Фрейдом, а вовсе не замещали его. Возможно, самое существенное расхождение между ней и Фрейдом заключалось в неприятии универсальности воздействия биологических сил по сравнению с культурным влиянием: «Когда мы осознаем огромную роль культурных условий в возникновении неврозов, биологические и физиологические факторы, которые Фрейд считал источником неврозов, уходят на задний план» (1937, р. viii). К этому выводу ее привели три важных обстоятельства. Во-первых, утверждения Фрейда, касающиеся женщин, заставили Хорни задуматься о культурных факторах: «Их влияние на наши представления о том, что такое маскулинность и фемининность, было очевидно, и для меня стало также очевидно, что Фрейд пришел к определенным выводам, потому что не принимал этих факторов в расчет» (1945, р. 11). Во-вторых, она была связана с другим психоаналитиком, Эрихом Фроммом (Erich Fromm), который помог ей глубже осознать роль социальных и культурных влияний. В-третьих, наблюдаемые ею различия в структуре личности у ее европейских и американских пациентов подтверждали важность культурных влияний. Кроме того, эти наблюдения привели ее к выводу, что межличностные отношения занимают центральное место в функционировании любой личности, здоровая она или невротическая.

Особое значение в функционировании невротической личности Хорни придавала тому, как индивид пытается справиться с *базовой тревогой* — чувством, которое испытывает ребенок, оказавшись изолированным и беспомощным в потенциально враждебном мире. Согласно ее теории неврозов, у невротической личности всегда есть конфликт между тремя способами реагирования на базовую тревогу. Эти три варианта, или три *невротические тенденции*, известны как *движение к* {moving toward}, *движение против* {moving against} и *движение от* {moving away}.

Для всех трех тенденций характерны ригидность и невозможность полной реализации индивидуального потенциала, что и составляет суть любого невроза. В «движении к» человек пытается справляться с тревогой с помощью навязчивого стремления к тому, чтобы его принимали, одобряли, чтобы он чувствовал себя нужным. Такие люди принимают на себя зависимую роль в отношениях с другими, и если не считать безграничного желания любви, оказываются неэгоистичными, нетребовательными и склонными к самопожертвованию. В «движении против» человек решает, что все вокруг — враги и что жизнь — это борьба против всех. Все функционирование направлено на отрицание потребности в других и на демонстрацию твердости. В «движении от», третьем варианте конфликта, человек уходит, замыкается в невротической отчужденности. Такие люди часто относятся к себе и другим отстраненно, стараясь не дать вовлечь себя в эмоциональные отношения. Хотя каждый невротик демонстрирует ту или иную невротическую тенденцию, специфическую для данной

личности, проблема заключается в том, что между этими тремя тенденциями справиться с базовой тревогой существует конфликт.

Прежде чем закончить с позицией Хорни, нам следует остановиться на ее взглядах, касающихся женщин. Эти взгляды сложились еще в начале ее деятельности в рамках традиционного психоанализа и позднее были сформулированы в серии статей, собранных в книге «*Женская психология*» (Ногпеу, 1973). Как уже говорилось, с самого начала Хорни трудно было принять взгляды Фрейда на особенности психологии женщин. Она чувствовала, что положение о зависти к пенису может быть результатом мужской предвзятости психоаналитиков, которые сталкивались с женщинами-невротиками, да еще в специфическом социальном контексте: «К сожалению, очень мало или совсем ничего не известно о психически здоровых женщинах или о женщинах, выросших в условиях другой культуры» (Ногпеу, 1973, р. 216). Она предположила, что у женщин нет биологической предрасположенности к мазохистским отношениям — быть слабыми, зависимыми, подчиненными и жертвенными. Напротив, эти отношения свидетельствуют о мощном влиянии социальных факторов.

Короче говоря, судя по ее взглядам на женщин и по общей теоретической ориентации, Хорни отвергает биологический детерминизм Фрейда в пользу социального, межличностного подхода. Отчасти в результате этого расхождения она более оптимистично смотрит на способность людей к изменению и к самореализации.

Гарри Стэк Салливен (1899—1949)

Из всех теоретиков, о которых мы говорили в этой главе, Салливен — единственный, кто родился и обучался в Соединенных Штатах Америки, единственный, кто никогда не имел прямых контактов с Фрейдом, и он же больше других настаивал на ведущей роли социальных, межличностных факторов в развитии человека. Фактически его подход получил известность как *Межличностная теория психиатрии* (Sullivan, 1953), а его последователи считают себя представителями школы межличностных отношений.

Салливен придавал большое значение отношениям раннего периода — между матерью и младенцем — в развитии тревоги и в развитии чувства Я. Тревога может передаваться матерью при самых первых контактах с ребенком. Таким образом, с самого начала тревога имеет, по сути, межличностный характер. Аналогично и понятие Я (*self*)* — центральное понятие в теории Салливена — оказывается по происхождению социальным. Я развивается из чувств, пережитых во взаимодействии с другими, и из *отраженных оценок*, т.е. из восприятия ребенком того, какую ценность он или она представляют для других и как ими оцениваются. Важными сторонами Я, особенно в связи с переживанием чувства тревоги или, наоборот, безопасности, являются *Я-хорошее* (*good me*), связанное с приятными воспоминаниями, *Я-плохое* (*bad me*), связанное с болью и угрозами потери безопасности, и *не-Я* (*not me*), т.е. та часть Я, которая отрицается из-за связи с непереносимой тревогой.

* Заметим, что понятие Я (*self*) у Г. Салливена характеризует личностную рефлексию и не совпадает с понятием Я (*Ego*), противопоставляемым Оно и Сверх-Я. (Примеч. науч. ред. и пер.)

Значение, которое придает Салливен социальным влияниям, заметно и в его взглядах на развитие личности. Теория Салливена имеет некоторое сходство с теорией развития Эриксона там, где подчеркивается важность межличностных отношений и важность других стадий развития, следующих за Эдиповым комплексом. Особенно примечательным моментом у Салливена является выделение в особую стадию *ювенильной эры* и *предподросткового* периода. На юве-нильной стадии — это примерно период с 11 до 14 лет — опыт взаимоотношений ребенка с друзьями и учителями начинает соперничать с влиянием родителей. Важную роль играет социальное принятие, а репутация ребенка в глазах других становится важным источником самоуважения или тревоги. В течение предподросткового периода особенно значимыми являются отношения с близким другом того же пола. Эти отношения тесного содружества и любви закладывают фундамент для развития любовных отношений с человеком противоположного пола в юношеском возрасте. На сегодняшний день многие детские психологи полагают, что ранние отношения со сверстниками могут быть сопоставимы с важностью раннего взаимодействия с матерью (Lewis et al., 1975).

Как и в случае с другими теоретиками, в этом разделе мы рассмотрели всего лишь несколько основных понятий интерперсональной теории Салливена. Что касается трудов Салливена в целом, надо отметить их социальный акцент, внимание к развитию Я и его выдающийся вклад в лечение шизофрении.

Новейшие направления в рамках традиционной психоаналитической теории

Давайте теперь рассмотрим продвижения в области клинических и более систематических исследований, оставаясь в русле традиционной психоаналитической теории. Начиная с Фрейда и заканчивая настоящим временем, всякое развитие внутри психоанализа базировалось на клинических исследованиях, т.е. на анализе индивидуальных случаев. Важный шаг вперед был сделан, когда психоаналитические исследования распространились на те возрастные группы и формы психопатологии, которыми Фрейд и его последователи занимались редко. Как уже отмечалось, Маленького Ганса лечил его собственный отец. Большая же часть психоаналитического материала, касающегося детей и подростков, собиралась на основе воспоминаний, рассказанных взрослыми. Ситуация существенно изменилась благодаря усилиям Анны Фрейд (Anna Freud) и Мелани Клэйн (Melanie Klein), которые использовали психоаналитические концепции при лечении детей. И теперь значительная часть детской и подростковой психотерапии в Англии и Америке опирается на психоаналитическую теорию. Терапевтическая процедура модифицируется соответственно возрасту пациента (например, в работе с детьми, для того чтобы проникнуть в глубины бессознательного, вместо анализа сновидений использовалась игротерапия), но при этом основные теоретические понятия остаются неизменными.

Кроме распространения клинической практики на лечение детей, психоанализ все больше занимался другими типами проблем клиентов, отличными от тех, с которыми сталкивался Фрейд. По словам одного аналитика, сегодня пациенты живут совсем в другом социальном и культурном контексте по срав-

нению с эпохой Фрейда, и они приходят с другими проблемами. Вместо того чтобы обращаться к психоаналитику с одним «типичным неврозом», они просят вылечить их от депрессии, от чувства опустошенности и от «отсутствия радости и вкуса к жизни» (Wolf, 1977). Подобные изменения в содержании основных проблем, предлагаемых пациентами вниманию аналитика, приводят к новым теоретическим продвижениям, и это происходит не из-за неудовлетворенности теорией Фрейда как таковой, но из-за необходимости понимать и решать другие клинические проблемы.

Теория объектных отношений

Озабоченность проблемами самоопределения (self-definition) и чрезмерной уязвимости чувства самоуважения заставила аналитиков заинтересоваться тем, как человек в ранние годы приобретает чувство Я (self) и затем пытается защитить его целостность. Занимающиеся этими проблемами аналитики известны как *теоретики объектных отношений* (Greenberg & Mitchell, 1983). Слово *объект*, *объектный* здесь относится к людям, а не к физическим объектам. Таким образом, вопрос заключается в том, как опыт отношений со значимыми другими в прошлом находит свое выражение в Я, а затем определяет отношения с людьми в настоящем. Хотя среди теоретиков этого направления есть разногласия и хотя одни больше отклоняются от традиционного психоанализа, другие — меньше, в целом все они делают упор на то, что для человека гораздо более характерным является стремление к установлению межличностных отношений, чем стремление к удовлетворению сексуальных и агрессивных инстинктов. Например, значимые отношения с опекающей заботливой бабушкой могут сформировать образ себя как опекающего других. В то же время значимые отношения с бабушкой, которая ведет себя эгоистически, могут привести к образу себя как эгоиста.

Нарциссизм и нарциссическая личность. В связи с интересом к нарушениям в чувстве Я на первый план в психоанализе выдвигаются понятия «*нарциссизм*» и «*нарциссическая личность*». Самыми известными фигурами в этой области являются Хайнц Когут (Heinz Kohut) и Отто Кернберг (Otto Kernberg). В случае развития здорового чувства Я и здорового нарциссизма индивид приобретает ясное ощущение себя, удовлетворительную и довольно стабильную самооценку, гордится своими достижениями, а также осознает потребности других и считается с ними в той мере, в какой они считаются с его нуждами. Для нарциссической же личности характерны нарушения в чувстве Я, уязвимость перед ударами по самооценке, потребность в восхищении со стороны других и отсутствие эмпатии по отношению к чувствам и потребностям других людей. Будучи подвержена интенсивным переживаниям собственной ненужности и бессилия (стыда и унижения), нарциссическая личность характеризуется грандиозным чувством своей значимости и поглощена видениями своего неограниченного успеха и власти. Такие личности склонны испытывать преувеличенное чувство, что другие им чем-то *обязаны*, что они *заслуживают* восхищения и любви и что они какие-то *особенные* и *единственные* в своем роде. Они способны быть очень услужливыми по отношению к другим, хотя и не на эмоциональном или эмпатическом уровне, но одновременно могут быть очень тре-

Шкала нарциссизма, разработанная Мюрреем (Murray, 1938, p. 181)

Я часто думаю о том, как я выгляжу и какое впечатление произвожу на окружающих.

Меня легко задеть насмешками и намеками.

Я много говорю о себе, о своем опыте, о своих чувствах и мыслях.

Вопросник нарциссической личности (Raskin & Hall, 1979)

Мне действительно нравится все время быть в центре внимания.

Я считаю себя особенным.

Я очень много жду от других людей.

Я завидую успехам других людей.

Я никогда не бываю удовлетворен, пока не получу все, что заслужил.

Рис. 4.3. Образцы суждений из вопросников, измеряющих нарциссизм.

бывательными. Иногда они идеализируют людей своего окружения так же, как себя, но в остальное время совершенно их не ценят. В терапии не так уж редко бывает, что в какой-то момент нарциссический индивид идеализирует терапевта и превозносит его за проницательность, а в какой-то другой момент поносит того же самого терапевта за тупость и некомпетентность.

Генри Мюррей (Henry Murray), который создал ТАТ, также разработал и вопросник для измерения нарциссизма (рис. 4.3). Позднее был создан и стал активно использоваться в исследованиях *Вопросник нарциссической личности (NPI)* (Raskin & Hall, 1979, 1981). В одном исследовании обнаружилось, что индивиды, имеющие высокие оценки по данному вопроснику, гораздо чаще упоминают себя (т.е. слова я, мне, мое), чем это делают индивиды с низкими оценками (Raskin & Shaw, 1987). А в другом исследовании была обнаружена связь между высокими оценками по NPI и характеристиками, которые дали этим людям внешние наблюдатели, — такими, как эксгибиционизм, напористость, стремление все контролировать и критичность в оценках (Raskin & Terry, 1987). Обнаружилось, что индивиды, имеющие высокие оценки по нарциссизму, оценивают свои действия более позитивно, чем это делают их коллеги или начальники, и значительно превосходят индивидов с низкими оценками в склонности к самовозвеличиванию (John & Robins, 1994a; Robins & John, 1995). Кроме того, если большинство людей испытывают дискомфорт и смущение, видя свое изображение в зеркале или на видеозаписи, то с нарциссическими личностями все обстоит иначе. В точности, как мифологический Нарцисс, который восхищался своим изображением в пруду, нарциссические индивиды тратят много времени, любуясь собой в зеркале, на видеозаписях предпочитают смотреть на себя, а не на других участников съемки, и их Я получает положительное подкрепление при созерцании себя на видеозаписи (Robins & John, 1995). В итоге для нарциссического индивида характерен не только атрибутивный стиль самовозвеличивания, но и довольно простая Я-концепция и циничное недоверие другим (Rhodewalt & Morf, 1995). Из этих данных вырисовывается образ человека, озабоченного сохранением преувеличенно высокой самооценки.

Теория привязанности и личные взаимоотношения взрослых

Эта теория разрабатывает проблему влияния ранних переживаний на развитие личности и их связь с последующим функционированием личности. Не будучи ни особым разделом психоаналитической теории, ни разделом теории объектных отношений, концепция привязанности имеет много общих точек соприкосновения с каждой из них.

Современная теория привязанности основывается главным образом на ранних работах британского психоаналитика Джона Баулби (John Bowlby) и на эмпирических данных специалиста по психологии развития Мери Эйнсуорт (Ainsworth & Bowlby, 1991; Bretherton, 1992; Rothbard & Shaver, 1994). Баулби получил психоаналитическую подготовку и заинтересовался влиянием, которое оказывает раннее отделение детей от родителей на развитие личности ребенка. Это была главная проблема в Англии в период Второй мировой войны, когда многих детей отправляли в деревню, далеко от своих родителей, чтобы спасти от вражеской бомбардировки в городах. В концептуальном отношении Баулби находился под сильным впечатлением открытий в этологии — разделе биологии, который занимается изучением поведения животных в их природной среде, и под влиянием достижений общей теории систем — раздела биологии, который разрабатывает наиболее общие принципы действия всех биологических систем. Собственные клинические наблюдения и анализ литературных данных привели Баулби к созданию теории развития поведенческой системы **привязанности** (ПСП). Согласно этой теории, развивающийся ребенок проходит серию фаз в развитии привязанности к основной заботящейся о нем фигуре, обычно к матери, и в использовании этой привязанности в качестве «базы безопасности» для исследовательской деятельности и автономизации. ПСП рассматривается как внутренняя программа, часть нашего эволюционного наследства, которая имеет адаптивную ценность. Она обеспечивает как поддержание тесного контакта с матерью, так и исследование окружающего мира с этой безопасной позиции.

На следующей фазе развития ПСП ребенок создает **внутренние оперативные модели**, или психологические образы себя и своих главных опекунов. Эти модели тесно связаны с эмоциями. Основанные на опыте взаимоотношений в младенчестве, они создают основу для развития ожиданий по поводу будущих взаимоотношений с людьми. Подчеркивая важность ранних эмоциональных взаимоотношений для развития личности и для будущих отношений с людьми, теория привязанности сближается в этом пункте с психоанализом и теорией объектных отношений.

Если говорить о практической работе, то поворотным моментом можно считать появление процедуры «Странная ситуация», разработанной Мери Эйнсуорт. В базовом варианте процедура представляет собой систематическое наблюдение за тем, как ребенок реагирует на уход (отделение) и возвращение (воссоединение) матери или другой заботящейся о нем фигуры. Эти наблюдения дают основание распределить детей по трем категориям привязанности — уверенная (около 70% детей), тревожно-избегающая (около 20% детей) и тревожно-амбивалентная (около 10% детей). Если говорить вкратце, то уверенные дети чувствительны к уходу матери, но приветствуют ее после воссоединения,

легко утешаются и после этого способны вернуться к игре или исследованию. Напротив, тревожно-избегающие дети слабо протестуют против отделения от матери, но по ее возвращении демонстрируют избегание, отворачиваясь в сторону или убегая прочь. И наконец, тревожно-амбивалентные дети испытывают трудности в обеих ситуациях: и расставаясь с матерью, и воссоединяясь с ней после разлуки. Что особенно примечательно в их поведении, так это странная смесь требований, чтобы их взяли на руки и тут же спустили обратно на пол, как только их просьба выполнена.

Многое еще можно было бы рассказать об этой теории и процедурах измерения, но лучше сейчас остановиться и проанализировать вопрос о том, влияют ли различия в типе привязанности на различия в межличностных отношениях взрослых, в частности на романтические отношения. В исследовании, которое будет изложено ниже, психологи предприняли попытку изучить возможные связи между эмоциональными узлами, образовавшимися в детстве, и эмоциональными отношениями любви, возникающими у взрослого человека (Hazan & Shaver, 1987). В частности, была выдвинута гипотеза, что ранний стиль привязанности (уверенный, избегающий или тревожно-амбивалентный) будет связан со взрослым стилем романтической любви, т.е. будет иметь место своего рода преемственность эмоциональных и поведенческих паттернов, предсказываемая психоаналитической теорией.

Испытуемыми в этом исследовании были участники газетного опроса, или «викторины любви». Стиль привязанности определялся по тому, к какой категории относили себя читатели газеты по своим взаимоотношениям с людьми. Эти категории описывают стили привязанности (рис. 4.4). Чтобы определить нынешний стиль романтической любви, испытуемых просили ответить на вопросник, опубликованный в газете под заголовком «Расскажите нам о Любви вашей жизни». Ответы на вопросы, касающиеся самой значительной любви в жизни, стали базой данных для оценки респондентов по 12 шкалам любовного опыта (рис. 4.4). Задавались и дополнительные вопросы о взглядах людей на то, как развивалась их любовь во времени, и о детских воспоминаниях, касающихся отношений с родителями и между родителями.

Будут ли различаться три типа респондентов (уверенный, избегающий и тревожно-амбивалентный) также и по характеру переживания ими самой большой любви? Как показывают средние значения, полученные по Шкале любви для трех типов респондентов, это, видимо, так и есть. Уверенный стиль привязанности оказался связанным с переживанием счастья, дружбы и доверия, избегающий стиль — со страхом близости, эмоциональными взлетами и падениями, а также с ревностью, а тревожно-амбивалентный стиль — с навязчивой поглощенностью любимым человеком, желанием тесного союза, сексуальной страстью, эмоциональными крайностями и ревностью. Кроме того, эти три группы различались своими взглядами на любовь, т.е. ментальными моделями романтических отношений: любовники с уверенным стилем привязанности смотрели на любовные чувства как на что-то относительно стабильное, но также постепенно развивающееся и затухающее, и скептически относились к романтическим историям, изображаемым в романах и в кино, в которых от любви теряют голову; любовники, избегающие тесной привязанности, относились

Типы привязанности взрослых

Какое из последующих описаний лучше всего подходит к тому, что вы чувствуете?

Уверенная привязанность (N = 319; 56%): Я считаю, что с людьми сближаться нетрудно, и меня не смущает зависимость от них или их зависимость от меня. Я редко переживаю из-за того, что от меня отдаляются или, наоборот, сближаются со мной слишком тесно.

Избегающая привязанность (N = 145; 25%): Я испытываю некоторый дискомфорт, сближаясь с кем-то очень тесно; мне трудно полностью доверять людям, трудно ощущать, что зависишь от них. Я нервничаю, когда кто-то оказывается слишком близко, и моим любовникам часто хочется большей интимности, чем это допустимо для меня.

Тревожно-амбивалентная привязанность (N = 110; 19%): Мне кажется, что другие неохотно соглашаются на такую близость, которой мне хотелось бы. Я часто беспокоюсь, что мой партнер на самом деле не любит меня или не хочет быть со мной. Мне хочется слиться с другим человеком в единое целое, но это желание иногда отпугивает людей.

Название шкалы	Пример суждения, входящего в эту шкалу	Средние значения для трех типов привязанности		
		Избегающая	Тревожно-амбивал.	Уверенная
Счастье	Мои отношения с _____ делали (делают) меня очень счастливым	3,19	3,31	3,51
Дружба	Я считал (считаю) _____ одним из самых близких друзей	3,18	3,19	3,50
Доверие	Я испытывал (испытываю) полное доверие к _____	3,11	3,13	3,43
Страх близости	Я иногда чувствовал (чувствую), что идти на слишком тесное сближение с _____ опасно	2,30	2,15	1,88
Принятие	Я прекрасно осознавал (осознаю) несовершенства _____, но это не умаляло (не умаляет) мою любовь	2,86	3,03	3,01
Эмоциональные крайности	В моих отношениях с _____ я испытывал (испытываю) столько же боли, сколько и радости	2,75	3,05	2,36
Ревность	Я любил (люблю) _____ так сильно, что часто испытывал (испытываю) ревность	2,57	2,88	2,17
Навязчивая поглощенность	Временами мои мысли непроизвольно бывали (бывают) сосредоточены на _____	3,01	3,29	3,01
Сексуальная привлекательность	Я испытывал (испытываю) физическое влечение к _____	3,27	3,43	3,27
Желание тесного союза	Временами мне хотелось (хочется), чтобы мы с _____ стали единым целым, мейтоимением «мы» без явных границ	2,81	3,25	2,69
Желание взаимности	Ничего я так не хотел (хочу), как того, чтобы _____ ответил(а) _____, я был	3,24	3,55	3,22
Любовь с первого взгляда	_____ на мои чувства Как только я увидел пленен	2,91	3,17	2,97

Рис. 4.4. Примеры суждений и средние значения по 12 шкалам любовного опыта для трех типов привязанности (Hazan & Shaver, 1987. Печатается с разрешения Американской психологической ассоциации).

скептически к прочности романтических отношений и считали, что очень редко удастся найти человека, в которого можно влюбиться; тревожно-амбивалентные любовники считали, что влюбиться легко, но трудно найти истинную любовь. И наконец, испытуемые с уверенным стилем привязанности по сравнению с испытуемыми двух других групп сообщали о более теплых взаимоотношениях с обоими родителями, так же как и о более теплых отношениях между родителями.

Последующее исследование, проведенное психологами с учащимися колледжа, подтвердило характер этих взаимосвязей, а также установило, что различия касаются и того, как представители данных трех групп описывают самих себя: испытуемые с уверенным стилем считали, что с ними легко сойтись и что большинство окружающих им симпатизируют, в то время как тревожно-амбивалентные описывали себя как людей, сомневающих в себе, которых часто не понимают и недооценивают. Испытуемые с избегающим стилем по своим ответам располагаются между этими двумя группами, но ближе к последней.

В дальнейших исследованиях эти факты воспроизводились и расширялись в двух направлениях. Во-первых, было высказано предположение, что стиль привязанности оказывает очень широкое воздействие на взаимоотношения человека с другими людьми, а также на его самооценку (Feeney & Noller, 1990). Во-вторых, стиль привязанности, по-видимому, связан и с отношением к работе: испытуемые с уверенным стилем и на работе чувствуют себя уверенно, они относительно свободны от страха сделать ошибку и не позволяют, чтобы личные отношения мешали их работе, и наоборот, тревожно-амбивалентные испытуемые на работе очень сильно зависят от похвалы и страха отвержения, и, кроме того, они допускают, чтобы личные отношения сказывались на их деятельности; избегающие привязанности испытуемые используют работу, чтобы соответственно избегать социальных взаимодействий, и хотя в финансовом отношении дела у них идут хорошо, они менее удовлетворены своей работой, чем испытуемые с уверенным стилем привязанности (Hazan & Shaver, 1996).

Тут важно вспомнить, что Баулби предполагал, что стили привязанности развиваются в результате раннего опыта отношений с заботящейся о ребенке матерью и включают внутренние оперативные модели себя и окружающих. Недавно была сделана попытка связать различные стили привязанности с этими внутренними моделями (Bartholomew & Horowitz, 1991; Griffin & Bartholomew, 1994). Если следовать Баулби, то паттерны привязанности можно определить двумя осями, характеризующими внутреннюю модель Я и внутреннюю модель Другого (рис. 4.5). Каждая ось имеет свой позитивный и негативный полюсы. Примером позитивного полюса Я-оси могут служить чувство собственной ценности и ожидание позитивной реакции на себя со стороны других. Позитивным полюсом оси, характеризующим других, может быть ожидание от людей, что они будут доступны и настроены на помощь и поддержку, позволяя сближаться с собой. Как мы можем видеть на рис. 4.5, эта модель приводит к появлению дополнительного четвертого стиля привязанности, а именно, *отвергающего (dismissing)* близость. Индивиды с таким паттерном привязанности чувствуют себя некомфортно при установлении близких отношений и предпочитают не зависеть от других, но при этом все-таки сохраняют позитивный образ Я. Со-

Позитивный	Другой
Уверенная привязанность (Человек комфортно чувствует себя в близких отношениях с другими, и наедине с собой)	Чрезмерная привязанность (Поглощенность отношениями)
Позитивное Я	Негативное Я
Отвержение привязанности (Отвержение близости, избегание зависимости)	Страх привязанности (Страх сближения, избегание общения)
Негативный	Другой

Рис. 4.5. Параметры внутренней оперативной модели Я и Другого, выделенные Бартоломью, и связанные с ними паттерны привязанности.

{Bartholomew & Horowitz, 1991; Griffin & Bartholomew, 1994. © 1994, Американская психологическая ассоциация. Печатается с разрешения.)

временные исследования демонстрируют большее удобство четырехполюсной модели в сравнении с трехполюсной, но все-таки вопрос о том, какое количество типов привязанности лучше использовать, остается спорным.

Представленное здесь исследование затрагивает только самую поверхность явления, которое превратилось в арену важных исследований. Стили привязанности оказались связаны с выбором партнера и стабильностью любовных отношений (Kirkpatrick & Davis, 1994), с развитием депрессии у взрослых и с трудностями в межличностных отношениях (Bartholomew & Horowitz, 1991; Carnelley, Pietromonaco & Jane, 1994; Roberts, Gotlib & Kassel, 1996) и с тем, как индивиды справляются с кризисом (Mikulciner, Florian & Weller, 1993). Кроме того, новейшие исследования наводят на мысль, что стиль привязанности развивается на основе опыта, общего для детей, воспитывающихся в одной и той же семье, и не детерминируется строго генетическими факторами (Waller & Shaver, 1994). Таким образом, начинает разворачиваться весьма впечатляющая картина.

В то же время нельзя сбрасывать со счета ряд моментов. Во-первых, несмотря на убедительные свидетельства длительной устойчивости стиля привязанности, есть данные и о том, что эти стили не вечны, как если бы они были высечены из камня. Во-вторых, в этих исследованиях содержится неявное предположение, что каждому человеку присущ только один стиль привязанности. Тем не менее есть данные о том, что один и тот же человек может иметь множественные паттерны привязанности: один в отношениях с мужчинами, другой в отношениях с женщинами или один для одних ситуаций, другой — для других (Sperling & Berman, 1994). И наконец, важно осознавать, что большинство этих исследований построено на самоотчетах и воспоминаниях пережитого в детстве. Другими словами, нам необходимы данные о реальном поведении

индивидов с различными взрослыми паттернами привязанности и исследования, которые прослеживали бы индивида, начиная с младенчества и вплоть до взрослости. Подобные попытки, которые принадлежат к категории *лонгитюд-ных* исследований, на сегодняшний день находятся в процессе осуществления (Sroufe, Carlson & Shulman, 1993).

Резюмируя все сказанное, можно утверждать, что на данный момент исследования подтверждают представление Баулби о важности раннего опыта для развития внутренних оперативных моделей, которые оказывают сильное воздействие на межличностные отношения. В то же время нужны дальнейшие исследования, чтобы определить тот опыт детства, который детерминирует данные модели, оценить относительную стабильность подобных моделей и пределы их влияния на поведение взрослого человека.

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Оценивая психоанализ как теорию личности, нельзя забывать, что это сложная теория, состоящая из многих компонентов, теория, для которой одни понятия являются более фундаментальными, чем другие. Так, например, понятие латентной стадии развития менее фундаментально, чем утверждение о важности раннего опыта для формирования личности. Кроме того, при рассмотрении психоанализа как теории нужно также постоянно помнить о дистанции, которая отделяет его от психоанализа как терапевтического метода. Здесь не обсуждается тема терапевтического успеха психоанализа, так как это несущественно для понимания теории или для ее оценки. Вопрос об эффективности терапии — это очень сложный вопрос, еще слишком мало проработанный, и трудно переносить оценки эффективности терапии на оценки теории личности.

Основные заслуги психоанализа

Насколько хорошей теорией личности является психоанализ? Несомненно, Фрейд внес важный вклад в психологию. Психоанализ ввел в оборот новые техники — такие, как свободные ассоциации и толкование сновидений, послужил сильнейшим толчком к разработке и применению специализированных тестов для психодиагностики личности. Кроме того, надо отметить два выдающихся достижения. Во-первых, психоанализ внес огромный вклад в открытие и исследование новых феноменов. Стоит только заглянуть за фасад поведения человека, и мы поражаемся точности наблюдений Фрейда, особенно в клинической практике. Будем ли мы считать эти феномены характерными для человеческой психики вообще, как это делал Фрейд, или истолкуем их как идиосинкразию, свойственную только невротикам, мы все равно вынуждены признать эти наблюдения в качестве фактов человеческого поведения.

Таким образом, первым и главным достоинством всего созданного Фрейдом было богатство его наблюдений и внимание, которое он уделял мельчайшим деталям человеческого поведения. Во-вторых, достоинство психоанализа заключалось в том, что, стараясь создать предельно всеобъемлющую теорию,

Фрейд не поступался всей сложностью поведения человека. Психоаналитическая теория придает особое значение тому, что внешне сходные действия могут иметь совершенно разное происхождение и похожие мотивы могут приводить к весьма разным действиям. Благородство, великодушие могут быть выражением истинной любви или попыткой справиться с чувством враждебности; юрист и преступник, которого он защищает или обвиняет, могут быть в некоторых случаях психологически ближе друг к другу, чем можно себе представить. Из этого понимания сложности вырастает теория, которая объясняет почти все аспекты человеческого поведения. Ни одна другая теория личности не может сравниться с психоаналитической по широте охвата всего поведенческого спектра. И очень мало что можно сопоставить с психоанализом по вниманию, уделяемому индивиду как целому.

Недостатки теории

Фрейд, совершивший все эти открытия, безусловно является гениальным ученым и исследователем выдающейся смелости. О каких недостатках или ограничениях психоанализа все же может идти речь? Стоит упомянуть два главных критических аргумента. Первый затрагивает научный статус психоанализа, второй — психоаналитическое представление о человеке.

Научный статус психоаналитической теории

Можно задать целый ряд вопросов об адекватности психоанализа как теории личности. Эти вопросы могут затрагивать как отдельные компоненты теории, так и все сооружение в целом. Например, если говорить об отдельных компонентах, рассмотрим проблемы, связанные с энергетической моделью, используемой в психоаналитической теории. Мы уже отмечали, что эта модель основывалась на естественно-научных представлениях, распространенных во времена появления фрейдовских идей. Однако сейчас эта модель уже устарела, и исследования явно свидетельствуют о ее неадекватности. Люди не всегда стремятся к снижению напряжения; на самом деле стимуляция и напряжение часто бывают очень даже желаемыми. Таким образом, в психологии личности по-прежнему сохраняется заинтересованность в целостной модели мотивации, опирающейся на физиологические влечения. Энергетическая модель может быть полезна в качестве метафоры функционирования личности, но едва ли она правомерна для объяснения столь сложного процесса.

Однако есть более тяжелые по своим последствиям фундаментальные научные изъяны во всем сооружении психоанализа. Психоаналитические термины неопределенны, амбивалентны. Они представляют собой метафоры и аналогии, которые можно, но не нужно принимать буквально. Например, латентность, инстинкт смерти, Эдипов комплекс и страх кастрации. Имеет ли страх кастрации какое-либо отношение к действительному страху потерять пенис или он относится к детскому страху поранить свое тело в тот период, когда образ тела становится важен для его самооценки? Язык теории так неясен, что исследователям иногда трудно договориться о точном значении тех или иных терминов. Как мы должны определить либидо? Даже когда конструкты хорошо

определены, часто *они слишком далеки от поведения, доступного наблюдению и измерению*, чтобы иметь практическую пользу. Такие понятия, как Оно, Я, Сверх-Я, обладают значительной описательной силой, но их трудно перевести на язык соответствующих поведенческих наблюдений.

А что можно сказать о научной полезности клинических данных? Многие критики считают, что наблюдения психоаналитиков находятся под сильным влиянием теории и в то же время используются для того, чтобы эту теорию подтверждать. Истолковывая проблему определенным образом, наблюдатель-аналитик может невольно оказывать давление на реакции пациентов и навязывать им свое собственное восприятие фактов. В то время как одни психологи считают, что данные, полученные от пациентов в ходе психоанализа, являются адекватным материалом для проверки психоаналитических идей (Edelson, 1984), другие полагают, что клинические данные представляют собой сомнительный и неадекватный базис для проверки теории (Grunbaum, 1984, 1993). Многие критики считают, что, вместо того чтобы устанавливать беспристрастные объективные факты, характеризующие опыт и воспоминания пациентов, Фрейд часто искажал свои наблюдения, используя внушающие процедуры, и необоснованно заключал, что воспоминания находятся в бессознательном (Crews, 1993; Esterson, 1993; Powell & Boer, 1994). Ганс Айзенк (Hans Eysenck), постоянный и страстный критик психоанализа, взгляды которого мы рассмотрим в одной из последующих глав, считает, что «...мы можем проверить гипотезы Фрейда на терапевтической кушетке с тем же успехом, что и разрешить спор между соперничающими гипотезами Ньютона и Эйнштейна, устроившись спать под яблоней» (1953, p. 229).

Тогда все, что мы имеем, — это не очень четкая теория, которую к тому же часто трудно проверить. Эта проблема еще больше осложняется тем, что психоаналитики могут объяснить почти что любой результат, даже если его заменить на прямо противоположный. Наблюдается одно поведение — это выражение инстинкта; наблюдается противоположное — это проявление защиты; наблюдается вообще что-то третье — это компромисс между инстинктом и защитой. Проблема не в том, что теория допускает подобную сложность, а в том, что она не может определенно утверждать, какого поведения следует ожидать при заданных обстоятельствах. Не делая таких утверждений, психоаналитическая теория остается закрытой для опровержений.

И наконец, спорным является и способ, каким психоаналитики отстаивают свою теорию. Аналитики часто реагируют на критику в адрес теории, обвиняя самих критиков в том, что их собственные защитные механизмы не позволяют им признать и принять значение таких факторов, как детская сексуальность. Психоаналитики, для которых подобная аргументация становится привычным делом, фактически возвращают нас к начальным этапам психоанализа, когда он скорее напоминал религиозное движение, чем научную теорию. Когут, работы которого по нарциссизму мы уже отмечали, рассказывал о дилемме, с которой он столкнулся, когда перестал принимать на веру некоторые традиционные аспекты психоанализа. Мало того что трудно было отказываться от взглядов, которые были дороги ему совсем недавно, ему еще и пришлось столкнуться с осуждением ортодоксальных аналитиков (Kohut, 1984).

Приводя эти критические замечания в адрес психоанализа как научной теории, важно сознавать, что Фрейду большинство этих возражений было известно. Он не был наивным ученым; его позиция скорее заключалась в том, что на начальных этапах научной деятельности приходится описывать феномены и в этот период некоторые неточности неизбежны. Кроме того, Фрейд прекрасно знал о трудностях, которые возникали при попытках применить психоаналитические идеи для предсказания поведения. Он отмечал, что аналитик находится на безопасной почве, прослеживая развитие поведения от конечной стадии назад к истокам, но, если он движется в обратном направлении, неизбежная последовательность событий больше не кажется очевидной. Он пришел к заключению, что у психоаналитиков лучше получается объяснение, чем предсказание. Когда Фрейд создавал свою теорию, он не получал помощи со стороны психологии как научной дисциплины. К сожалению, Фрейд слишком зависел от медицинского, терапевтического окружения, тогда как он взялся создать систему взглядов гораздо более широкого содержания.

Психоаналитическое представление о человеке

Помимо подобной критики, раздающейся в научной среде, психоанализ критикуют психологи-гуманисты и сторонники экзистенциального подхода к психологии и психиатрии. С точки зрения этого подхода, представление о человеке как об энергетической системе, ориентированной на снижение напряжения, едва ли правомерно, когда речь идет о творческих стремлениях индивида или о самоактуализации личности. Предполагается также, что психоанализ слишком сосредоточен на силах, действующих внутри индивида, как правило, пренебрегая силами, действующими внутри семьи и внутри более широкого сообщества. Существенна здесь и критика психоаналитической теории, исходящая от феминисток. Хотя Фрейда часто неверно интерпретируют, он все же действительно считал некоторые черты — такие, как восприимчивость, зависимость от других, чувствительность, тщеславие, покорность, присущими женской ориентации. Считалось, что эти свойства являются частью женского характера в силу биологических причин и из-за психологических реакций на осознание факта отсутствия пениса — мы имеем в виду фрейдовское понятие зависти к пенису. Понятие зависти к пенису для многих женщин символизирует ассоциирующийся с Фрейдом взгляд, что «биология — это судьба», и связанную с этим взглядом неадекватную оценку культурных факторов. Карен Хорни, как и многие другие, усомнилась в выводах Фрейда, касающихся женщин и женской сексуальности, и, как уже отмечалось ранее, предложила вместо этого рассматривать развитие по женскому типу скорее как результат влияния сложившихся культурных традиций. Интересно, что, хотя психоанализ подвергался яростным нападкам со стороны феминисток, психоаналитическая теория, может быть, больше, чем какая-либо другая, насчитывала в своих рядах множество крупных теоретиков-женщин — например, Анна Фрейд, Хелен Дойч (Helene Deutsch), Грета Бибринг (Greta Bibring), Маргарет Малер (Margaret Mahler), Клара Томпсон (Clara Thompson) и Фрида Фромм-Райхман (Frieda Fromm-Reichman).

Итоговая оценка

Как нам теперь обобщить нашу оценку теории Фрейда и психоаналитической теории в целом (табл. 4.3)? Как наблюдатель феноменов человеческого поведения и как человек с богатым творческим воображением, Фрейд действительно был гением, не имеющим себе равных. Достоинством теории, которую он создал, является ее всеобъемлющий характер. Ни одна другая теория личности не приближается к психоаналитической по широте охвата рассмотренных поведенческих феноменов и предложенных интерпретаций. При таком размахе сама теория весьма экономна. Понятий для описания структуры и процесса используется относительно немного. Более того, теория открыла много новых направлений в науке и привела к множеству новых исследований. Большинство этих исследований хотя и связаны с психоанализом, тем не менее не могут служить для внятной проверки вытекающих из теории гипотез, и уж совсем немного исследований можно использовать для расширения и дальнейшего развития теории. Главная проблема с теорией психоанализа заключается в том, каким образом формулируются понятия, т.е. неопределенность понятий и предполагаемых отношений между понятиями сделала проверку теории весьма затруднительной. Вопрос для психоаналитической теории ставится так: либо она сможет развиваться до уровня проверяемой теории, либо в недалеком будущем ее сменит другая теория, равная ей по широте охвата и по экономности понятийного аппарата, но более доступная и открытая для экспериментального исследования.

Таблица 4.3. **Обобщенная оценка достоинств и недостатков психоаналитической теории**

Достоинства	Недостатки
1. Служит источником открытий и изучения многих интересных феноменов.	1. Не все ее понятия удастся ясно и строго определить.
2. Создает методики исследования и терапии (свободные ассоциации, толкование сновидений, анализ переносов).	2. Делает эмпирическую проверку затруднительной, а иногда и невозможной.
3. Осознает сложность человеческого поведения.	3. Придерживается спорного представления о человеке как об энергетической системе.
4. Включает широкий спектр феноменов.	4. Терпимо относится к тому, что часть психоаналитиков сопротивляется эмпирическим исследованиям и нововведениям в теорию.

Весь Фрейд — одним взглядом

СТРУКТУРА	ПРОЦЕСС	Рост и развитие	ПАТОЛОГИЯ	ИЗМЕНЕНИЕ	КОНКРЕТНЫЙ случай
Оно (id), Я (ego), Сверх-Я (superego); бессозна- тельное. предсозна- тельное, со- знательное	Сексуальные и агрессив- ные инстин- кты; тревога и защитные механизмы	Эрогенные зоны; ораль- ная, аналь- ная, фалли- ческая ста- дии развития; Эдипов ком- плекс	Детская сек- суальность; фиксация и регрессия; конфликт; симптомы	Перенос; разрешение конфликта; «Где было Оно, там станет Я»	Маленький Ганс

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Проективный тест (Projective test). Тест, который, как правило, содержит неясные, двусмысленные стимулы и позволяет испытуемому раскрыть свою личность в реакциях, отличающих его от других людей (например, тест Роршаха, ТАТ).

Фиксация (Fixation). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения задержки или остановки в некоторый момент психосексуального развития.

Регрессия (Regression). Понятие, введенное Фрейдом для обозначения возврата человека к способам взаимодействия с миром и с собой, которые характерны для более ранних стадий развития.

Оральная личность (Oral personality). Введенное Фрейдом понятие о типе личности, который характеризуется фиксацией на оральной стадии развития и взаимодействием с миром на языке желания поглощать пищу или быть накормленным.

Анальная личность (Anal personality). Введенное Фрейдом понятие о типе личности, который ха-

рактеризуется фиксацией на анальной стадии развития и взаимодействием с миром на языке желания контролировать и властвовать.

Фаллический характер (Phallic character). Введенное Фрейдом понятие о типе личности, который характеризуется фиксацией на фаллической стадии развития и стремлением к успеху в соперничестве с другими.

Симптом (Symptom). В психопатологии — проявление психологического конфликта или нарушенного психологического функционирования. Для Фрейда — замаскированное выражение подавленного импульса.

Свободная ассоциация (Free association). В психоанализе — рассказ пациента аналитику обо всех мыслях, которые приходят ему в голову.

Перенос, трансфер (Transference). В психоанализе — процесс развития у пациента аттитюдов и чувств к аналитику, которые коренятся в прошлом опыте взаимоотношений пациента с родительскими фигурами.

Поведенческая система привязанности (Attachment behavioral system (ABS)). Концепция Баулби, подчеркивающая раннее формирование связи маленького ребенка с тем, кто о нем заботится, обычно с его матерью.

Внутренняя оперативная модель (Internal working model), Понятие Баулби, обозначающее эмоционально значимые психические представления (образы) себя или Других, которые развиваются в ранние годы жизни.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Проективные тесты — такие, как Тест чернильных пятен Роршаха или Тест тематической апперцепции (ТАТ), связаны с психоаналитической теорией. Подобные тесты неструктурированы и их цель замаскирована, так что индивид получает возможность реагировать особыми специфическими для него способами, не догадываясь о вероятной интерпретации своих ответов.
2. Проективные тесты дают возможность изучать фантазии и организацию индивидуального восприятия во всей сложности. Однако их использование сталкивается с проблемой надежности и с проблемой валидности интерпретации.
3. Психоаналитическая теория психопатологии подчеркивает важную роль фиксаций, или остановок в развитии, и важную роль регрессии, или возврата к более ранним способам удовлетворения потребностей. Оральный, анальный и фаллический типы характера выражают личностные паттерны, возникающие в результате частичных фиксаций на более ранних стадиях развития.
4. Психоаналитическая теория психопатологии особо выделяет конфликт между инстинктивными желаниями и тревогой, возникающей из-за этих желаний. Защитные механизмы представляют собой способы снижения тревоги, но в результате могут привести к формированию симптомов.
5. Психоанализ — это терапевтический процесс, который позволяет пациенту понять и разрешить конфликты, корни которых уходят в детство. Чтобы получить доступ к бессознательным конфликтам, используются методы свободных ассоциаций и толкования сновидений. В терапевтических целях используется также ситуация переноса, когда пациенты формируют в отношении терапевта такие же аттитюды и чувства, какие они испытывали в отношении родительских фигур.
6. Случай с Маленьким Гансом показывает, как симптом, такой, как фобия, может сформироваться из внутренних конфликтов, связанных с Эдиповым комплексом.
7. Многие из первых психоаналитиков позднее порвали с Фрейдом и создали свои собственные теоретические школы. Альфред Адлер придал большее значение социальным понятиям, чем биологическим,

- а Карл Юнг больше подчеркивал значимость общей неспецифической жизненной энергии, чем особой сексуальной энергии.
8. Такие аналитики, как Карен Хорни и Гарри Стэк Салливан, подчеркивали важную роль культурных факторов и межличностных отношений; они входят в группу, получившую название «неофрейдисты».
 9. Дальнейшее развитие традиционного клинического психоанализа пошло по пути изучения проблем самоопределения (self-definition) и самооценки. Психоаналитики этого направления, получившего название теории объектных отношений*, подчеркивают стремление к установлению межличностных отношений в отличие от стремления проявить сексуальные и агрессивные инстинкты. Особое внимание уделяется понятиям нарциссизма и нарциссической личности. Модель привязанности, предложенная Баулби, и последние исследования, связанные с ней, показывают значение раннего опыта для установления отношений с людьми в дальнейшем, так же как и для других аспектов функционирования личности.
 10. Огромны заслуги психоанализа в привлечении внимания ко многим важным явлениям и в разработке методов исследования и психотерапии. В то же время слабое место теории — это двусмысленные, не поддающиеся строгому определению понятия, равно как и трудности, возникающие при проверке конкретных гипотез.

В нашей литературе иногда употребляется термин «объект-отношения». (Примеч. пер.)